смена

2006 АВГУСТ • 8

50 А вдруг и правда любовь?

85 Осторожно! Двери открываются!

129 Проклятие Анжелики

Виндзор
стр. 4—15

смена

Литературно-художественный иллюстрированный журнал

8

Основан в январе 1924 года

2006 • АВГУСТ (1702)

Главный редактор
Михаил Кизилов

Зам. главного редактора
Тамара Чичина

Главный художник
Надежда Веселова

Над номером работали:
Башкеев Максим
Вартанян Галина
Исмагилова Олеся
Калинина Людмила
Молчанова Надежда
Подоляк Кирилл
Подорванова Светлана
Силакова Марина
Чейшвили Владимир

Учредитель — ООО «Издательский дом журнала «Смена»

Проект осуществляется при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Подписной индекс в почтовых отделениях **70820** (по каталогу Агентства «Роспечать»)

ISSN 0131-6656

Наш журнал вы всегда можете купить в киосках сети **«Аргументы и факты»**

Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.
Набор, верстка и оформление ООО «Издательский дом журнала «Смена».
Отпечатано в ОАО «Смоленский полиграфический комбинат» по адресу: 214020, Смоленск, ул. Смольянинова, д. 1.
Журнал выходит 12 раз в год.

© «Смена», 2006

Адрес редакции:
Бумажный проезд, 19, стр. 2,
Москва, А-15, ГСП-4, 127994.
612-15-07 — для справок.
Факс (495) 250-59-28.
E-mail:jurnal@smena-id.ru
www.smena-id.ru
Отдел распространения: (495) 257-31-37
sales@smena-id.ru

Сдано в набор 15.06.2006.
Подписано к печати 18.07.2006.
Печать офсетная.
Заказ № 14688
Тираж 50 000 экз.
Цена свободная

Журнал зарегистрирован в Комитете Российской Федерации по печати
Рег. № 014832

8 АВГУСТ • 2006

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ

ЧУДЕСА НА ПЛАНЕТЕ

Игорь Опарин
Виндзор 4

ВСЕМИРНАЯ ГАЛЕРЕЯ

Ирина Опимах
Хокусай 16

ИЗДАЛЕКА

Любовь Русева
Через тернии к звездам 30

РАССКАЗ

Анастасия Климская
Луг на той стороне 39

LOVE STORY

Иосиф Гольман
Е 95. Любовь 50

КРИМИНАЛ

Екатерина Постникова
Кто стучится в дверь ко мне?.. 85

КРИМИНАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Лоренс Блок
Приспосабливаясь к реальности 90

ПОЭЗИЯ

Валерий Митрохин 120

ПЕРСОНА

Максим Севрюков-Кистерев
Хорошо ли я сыграл комедию своей жизни? 122

ЗВЕЗДЫ ЭКРАНА

Светлана Марлинская
Проклятие Анжелики 129

НЕФОРМАТ

Анатолий Пимонов
Из жизни призраков 139

НОВОСТИ ЕВРОПЫ

Денис Логинов
Визит к патологоанатому 144

МУЗЫКА

Анжелика Подоляк
Запад, трепещи! 149

КОМПЬЮТЕР

Просто Кир
«... И позабыл об этом» 154

ТЕХНОКРАТ

Максим Севрюков-Кистерев
Время собирать... мусор 158

РАНДЕВУ

Елена Воробьева
А демона сыграть? 163

КУЛИНАРИЯ

Евгения Гордиенко
Суп от Казановы 186

О РАЗНОМ

Максут Хундамов
Древний летун 167

Анастасия Кара-Мурза
Пони — маленькие кони 172

Анна Шеркунова
Цветок, разоривший Голландию 178

Максим Башкеев
Спас гостинцев припас 182

КРОССВОРД 188

ЭРУДИТ 190

РЕКЛАМА 192

Рэй Фоли

Ей так хотелось верить...

Прожив три месяца, молодая супружеская пара оказалась перед выбором: как сохранить и любовь, и дружбу. Ведь близкий друг супруга, к которому он относился как к младшему брату, стал вором и убийцей. Чтобы выручить любимого мужа, Хелен Гейтс вынуждена скрываться, переезжая из мотеля в мотель, из пансиона в пансион. Но тут в ситуацию вмешиваются совершенно другие силы и поворачивают события по-своему…

АНОНС: СЕНТЯБРЬ 2006

Виндзор

Игорь Опарин

Виндзор, один из старейших замков английских королей, древние камни которого стали свидетелями множества исторических событий и личных драм носителей высоких фамилий, членов королевской семьи... Виндзор и ныне не утратил своих функций — по-прежнему, как и столетия назад, английские монархи любят приезжать сюда, сбегая от светской суеты и официальных обязанностей, которыми столь полна жизнь королей.

В английском фольклоре бытуют легенды, что Виндзор был когда-то замком короля Артура. На самом деле тут в древние времена находилось небольшое селение. Берега Темзы в этом месте особенно извилисты, что и дало повод назвать деревушку Виндзор (Windeshore), «Извилистые берега». Жили здесь люди без особых потрясений, но трудно, в поте лица добывая себе пропитание. Их покой был нарушен, когда на британские земли пришли воины Вильгельма Завоевателя. Сметая все на своем пути, мечом и огнем подчиняя один город за другим, Вильгельм, в конце концов, воцарился в Англии. После коронации в Вестминстерском аббатстве он стал королем Вильгельмом Первым, правда, в историю вошел под именем Вильгельма Завоевателя. Заво-

еванное силой — силой же нужно и удерживать, потому король велел возвести вокруг Лондона цепь оборонительных замков — на расстоянии не более дня пути. Среди этих замков-крепостей был и первый Виндзор — деревянную крепость построили в 1070 году.

При короле Генрихе Первом, младшем сыне Вильгельма, хитром, бессовестном, но умным и твердым, крепость расширили, появились новые постройки.

Прошло сто лет, времена и технологии изменились, на английском троне сидел уже следующий Генрих — Второй, тот самый, по приказу которого убили Кентерберийского архиепископа Томаса Беккета. Он и издал указ о сооружении первых каменных зданий на территории Виндзора, так называемые королевские дома, от которых ныне ничего не осталось.

После смерти короля в стране было неспокойно, всюду шлялись банды разбойников, и тогда решили возвести вокруг замка каменную стену — она протянулась на 800 метров и окружила замок с трех сторон. Тогда же возвели и 19 сторожевых башен — многие из них до сих пор сторожат Виндзор.

Виндзор очень полюбил король Иоанн Безземельный. Именно отсюда, из Виндзора, выехал король 15 июня 1214 года на встречу со своими баронами. Это свидание, вошедшее в историю Англии, со-

стоялось на Раннимеде — на лугу в излучине Темзы. Короля встречал Роберт Фиц-Уолтер, окруженный толпой самых высокородных аристократов. В тот знаменательный день был подписан один из величайших документов мировой истории — Великая хартия вольностей. Magna Charta, обязывавшая короля предоставить самостоятельность церкви, освободить баронов от вассальных обязанностей, а бароны должны, в свою очередь, освободить от ярма свой народ; уважать свободу Лондона и других городов, покровительствовать чужеземным купцам и никого не заключать в тюрьму без суда. Помня о вероломности короля, бароны потребовали от него роспуска всех наемников. Иоанн был вынужден подписать эту бумагу, но, вернувшись домой, в Виндзор, дал волю злости и тут же нарушил только что принятые договоренности — разослал по разным странам вербовщиков, обратился за помощью к папе римскому и принялся строить планы, как бы ему поскорее захватить Лондон. К счастью, его коварным планам не суждено было сбыться — после того, как ценой чудовищных потерь он взял несколько городов, его войско потерпело страшное

страстью. Он сам следил за всеми своими проектами, посылал подробные инструкции архитекторам и строителям и не забывал о них даже когда, по тем или иным причинам, уезжал из страны. По его приказу в Виндзоре соорудили множество новых построек, он тратил на свой любимый замок больше денег и

поражение — врагом выступила сама природа. При переправе через залив Уолш повозки с провиантом, лошадей и солдат Иоанна — все поглотила огромная приливная волна, и выбраться из-под нее не удалось никому. Бранясь последними словами, уцелевший король дошел до Суинстедского аббатства, где монахи накормили его, и, возможно, при этом добавили яду, — так или иначе, всю ночь после безудержной трапезы он прометался в жару. Его перевезли в замок Ньарк, где он на сорок девятом году жизни, к счастью для всей Англии, и преставился.

При короле Генрихе Третьем, пришедшем на смену Иоанну, стены Виндзора продолжали укреплять. Этот король увлекался строительством, а архитектура была его времени, чем на другие свои имения. В 1254 году король в первый раз побывал в Париже, и огромное впечатление на него произвела Сент-Шапель с ее поразительными витражами. Ему очень захотелось построить и у себя в Англии нечто подобное по красоте и изяществу. Однако церковь в Виндзоре уже была возведена, и тогда он повелел построить в Вестминстерском аббатстве капеллу, во многом повторяющую прекрасную парижанку.

Нынешнему облику замок-крепость обязан Эдуарду Третьему, правившему Англией с 1327 по 1377 год. Этот король прославился своими военными победами над французами. Среди них — осада Кале, длившаяся целый год и увенчавшаяся полной сдачей, и битва при Креси. Одержав эти важные побе-

ды, король вспомнил древние легенды о короле Артуре и о том, что Виндзор, как в них утверждалось, был артуровой крепостью. Он решил, что заново отстроит замок и установит в нем новый Круглый стол, подобный тому, что был у Артура в его Камелоте, в честь своих доблестных рыцарей, столь верно служивших ему на поле брани. Подобных им не сыскать нигде, — утверждал король, — и я должен воздать им по заслугам. Он устроил в Виндзоре большой праздник и прием по случаю учреждения этого нового Круглого стола, пригласил благородных дам и девиц, рыцарей и их оруженосцев. Собрав весь цвет английского воинства, король учредил Орден Подвязки, высший рыцарский орден Великобритании — во славу Бога, Пресвятой Девы и святого мученика Георгия, покровителя Англии с «целью соединить некоторое число достойных лиц для свершения добрых дел». Случилось это событие 23 апреля 1348 года. Почему орден получил столь игривое название? Рассказывают, что однажды на балу очаровательная графиня Солсбери, бывшая в ту пору любовницей короля, во время танца потеряла подвязку от чулка. Король Эдуард как истинный рыцарь и галантный кавалер поднял подвязку и поспешил исправить досадную оплошность своей Прекрасной дамы. Наблюдавшие сию сцену придворные не смогли не рассмеяться. Тогда король воскликнул в гневе: «Позор тем, кто сейчас смеется! Многие из вас в будущем будут счастливы и горды, надев на себя такую ленту!» Эта фраза стала девизом ордена, а подвязку рыцари, члены ордена, с тех пор носят на икре левой ноги.

Первыми рыцарями ордена стали юные офицеры, побывавшие в военных походах короля и его сына, вошедшего в историю под именем Черного Принца.

В Виндзорском замке установили гигантский Круглый стол, за которым сразу могли усесться 300 благородных рыцарей. Но королю этого показалось мало, и он повелел начать строительство целого дворца для собраний рыцарей Круглого стола. Однако король предполагает, а Бог располагает — рожок по-

звал на поля сражений. Дело было в том, что французы опять активизировались, возжелав вернуть утерянные позиции. А война, как известно, дело, требующее денег, и немалых. Так что, строительство пришлось отложить.

Эдуард был великим военачальником, но на старости лет пал от взгляда молоденькой красотки Алисы Перрерс. Он ни в чем не мог ей отказать и превратился в посмешище своих подданных. Алиса с вполне понятной благодарностью принимала бриллианты покойной королевы, которые ей в огромном количестве дарил почтенный воздыхатель, а в день, когда ему суждено было предстать перед Высшим судом, сняла со старика последнее кольцо и исчезла, предоставив королю встречать смерть в одиночестве. Так закончилась жизнь этого весьма примечательного монарха.

Но орден, основанный им, живет и поныне, правда, статус его несколько изменился.

Членами ордена, по традиции, введенной еще Эдуардом, по-прежнему могут быть не более двадцати пяти человек, включая главу ордена — понятное дело, это сам король (или королева). По уставу, король (или королева) назначают новых членов взамен выбывших (по вполне уважительной причине — в связи с уходом в мир иной). Великобритания — очень консервативная страна, и, как много веков назад, каждый год 23 апреля, в день святого Георга, королева оглашает имя нового кавалера Подвязки, а в июне в Виндзоре после торжественного

ленча в зале Ватерлоо новоизбранные члены ордена в часовне Святого Георга получают подвязку и звезду, после чего участвуют в красочном шествии. Ныне среди рыцарей ордена Подвязки — члены королевской семьи: супруг королевы принц

Филипп, принц Чарльз и принцесса Анна. Кстати, членами ордена были и русские цари — Александр I (в 1813 году), Николай I (в 1827) и Александр II (в 1862). В наши дни кавалерами ордена стали норвежский король Харальд, король Испании Хуан-Карлос, японский император, королевы Нидерландов и Швеции. Удостоена этой чести и леди Маргарет Тэтчер, а также младшая дочь Уинстона Черчилля леди Сомс.

Каждый кавалер имеет свое почетное место в Тронном зале ордена Подвязки. Это место украшено гербом, шлемом, плащом и деревянным мечом, символом мира. Есть тут и пластинка с именем обладателя герба. Когда член ордена умирает, пластинка остается как память о его членстве и грандиозных свершениях на благо Великой Британии.

Но вернемся в средние века.

Основание ордена Подвязки стимулировало новую волну строительных работ в Виндзоре. Эдвард IV построил большую церковь, ставшую образцом английской готики, — ту самую, что называется часовней Святого Георга, и где проходят ныне все торжественные церемонии с участием кавалеров ордена Подвязки. Церковь богато украшена — росписи, эмали с изображениями оружия и лат, и другое невероятное по роскоши убранство производило в прошлые века, да и сейчас, огромное впечатление на посетителей, прославляя английского монарха и его славных рыцарей. Вокруг церкви выросли новые дома для священников. Этот комплекс зданий получил название монастыря Подковы.

На протяжении всего года английские короли много охотились и переезжали из одного загородного замка в другой. В Виндзор двор переезжал в начале сентября. И тогда жизнь здесь бурлила. Кого тут только не было! Шлюхи и приживалы,

придворные и их слуги, прекрасные дамы и их кавалеры, ну, и, конечно же, король со своим семейством и фаворитами. И начиналась череда празднеств и увеселений. Излюбленные игры — теннис, боулинг, турниры и бои. От излишней нравственности никто — ни дамы, готовые на все, ни благородные господа, не упускавшие случая воспользоваться тем, что само шло им в руки, — тут не страдал. Ну и король тоже. Иногда он устраивал особо изысканные шутки — так однажды повелел поставить кровати герцога Монтгомери и его невесты в зал заседаний, чтобы утром, застав их за любовными играми, на славу посмеяться. А еще король и его приближенные уважали азартные игры. Порой за один вечер проигрывались целые состояния. Уважались и обильные возлияния, после которых следовали вполне понятные забавы — драки.

Каждый день королю и королеве подавали двадцать четыре блюда, а во время торжественных приемов — не менее тридцати. Высокие военные чины услаждали свои желудки примерно так же. В 1606 году Англию посетил король Дании, и современник вспоминал, как во время визита на приемах — а казалось, что им нет конца — было такое изобилие женщин и вина, что любой трезвенник пришел бы в изумление. При этом женщины не отставали в поглощении спиртных напитков от мужчин.

Во время Гражданской войны, потрясшей все устои английской жизни, многие королевские помещения в Виндзоре были разорены — к огромному удовлетворению последователей Кромвеля. Замок захватили члены Парламента — они разграбили часовню Святого Георга, порушили все его богатейшее

убранство. А Верхние королевские покои стали использоваться как тюрьма — для роялистов! Большой парк разделили на участки и продали членам Палаты общин, которые тут же построили там дома. Но король все-таки вернулся в Виндзор: в 1649 году после казни в Уайтхолле, в страшную снежную бурю его похоронили в часовне Святого Георга — тихо, в тайне от народа, в присутствии самых близких.

В 1660 году монархию в Великобритании восстановили, и Карл Второй просто был обязан вернуть к жизни все знаки могущества английской короны. И одним из его первых дел стало дарение виндзорской часовне Святого Георга великолепного, покрытого серебром, алтаря.

При королях Георге Первом и Втором центром королевской жизни стал Хэмптон-Корт, и о Виндзоре стали подзабывать, однако Георг Третий вернул ему прежнее значение. Он не любил Хэмптон, поскольку с этим замком у него были связаны неприятные воспоминания — маленьким мальчиком ему доводилось присутствовать при отвратительных ссорах, частенько разгоравшихся между его отцом и дедом, Фредериком, принцем Уэльским, и Георгом Вторым. Виндзор с его роскошным парком стал официальной летней резиденцией короля, и до сих пор он сохраняет свое значение как официальная резиденция королевской семьи.

Постепенно стены замка украсились замечательными полотнами английских и зарубежных мастеров — тут и Сандерс, и Каналетто, и Рубенс, и Уоттон, и Уэст, любимый художник короля.

Правил Георг Третий долго, и его сын, Георг Четвертый, сел на трон лишь в 1820 году. Это уже было совсем другое время — начиналась эпоха романтизма. Георг Четвертый прекрасно знал французский язык и культуру, увлекался стилем Людовика XIV, и многое взял у Франции, соседа и всегдашнего врага Англии. Отразилось это и в его представлении о том, каким должен быть облик Виндзора. Главным архитектором Виндзора стал сэр Джеффри Уайтвилл, которому замок во многом обязан своим нынешним обликом. Король вложил в Виндзор более милли-

она фунтов стерлингов — огромная, по тем временам, сумма, и превратил его в официальный центр жизни английской монархии.

В 1837 году Георг умер, и началось правление королевы Виктории — викторианская эпоха.

Виктория еще девочкой частенько приезжала в Виндзор. Король тогда уже был стар, дряхл и невероятно толст — распух от избытка потребляемого им спиртного. Он изо всех сил старался убежать от людей и проводил часы, рыбача недалеко от Китайского павильона или гуляя по Большому парку. «Давай мне свою ручонку», — говорил он юной принцессе, и они отправлялись на прогулки по Виндзору.

И став взрослой, королевой, Виктория любила бывать в Виндзоре. В ее правление Виндзор стал одним из главных дворцов английской короны и центром жизни европейских монархов (многие из которых были родственниками Виктории).

Здесь королеве наносили визиты, здесь она принимала глав зарубежных стран, королей, послов и министров.

Королева Виктория умерла в 1901 году, ее смерть завершила целую эпоху в истории Англии, да и всей Европы. Начиналось новое время, начинался век, принесший миру революции, две страшные войны, взрывы атомных бомб. Но на жизнь Виндзора все это мало влияло — во время Второй мировой войны королевская семья жила в Виндзоре, считая его домом, и все так же принимали тут заморских послов, устраивались парадные приемы, так же плелись придворные интриги.

Но в 1992 году в Виндзор пришла настоящая беда — 20 ноября здесь вспыхнул страшный пожар. Следующие пять лет были посвящены восстановлению всего того, что безвозвратно утрачено или повреждено пламенем. И английские архитекторы и мастера сделали все возможное и невозможное — после реконструкции Виндзор стал еще краше. Он по-прежнему живой, этот замок — главная летняя резиденция английской Короны, туристический центр, куда приезжают со всего мира полюбоваться уникальным дворцовым комплексом, побывать в королевских покоях и часовне Святого Георга, полюбоваться роскошными коллекциями живописи, предметов быта, старинных доспехов. И каждый год сюда съезжаются кавалеры ордена Подвязки, рассаживаются за Круглым столом и ведут долгие беседы — и значит, жив дух короля Артура, дух героев Великой Британии… ❑

В морских волнах у Кнагава (Большая волна). 1823—1831

Ирина Опимах

Хокусай

Удивительная страна — Япония. Удивительная, совсем не похожая на европейскую, культура, история, философия, уклад жизни. Древние традиции, определяющие существование каждого японца даже и сейчас, когда так называемая вестернизация и глобализация все больше влияют на жизнь этого островного государства… Глубоко национальное искусство, картины, на которых природа и люди живут в совсем ином, не привычном для европейца, ритме, в какой-то особой гармонии с мирозданием. Когда мы вспоминаем об этой стране, сразу же в сознании возникает образ самой знаменитой горы в Японии, священной Фудзи, запечатленной самым знаменитым из всех японских художников — гениальным Хокусаем.

В 1760 году осенью (точная дата не известна) в Кацусика Варигэсуй, районе Эдо (так тогда назывался нынешний Токио) в семье ремесленника родился мальчик, которого назвали Токитаро. (Спустя много лет, став взрослым, он просил называть его Кацусика, по имени места, где родился.) Мы мало знаем о жизни художника, но можно пола-

гать — что-то случилось с его родителями, и вскоре маленького Токитаро усыновил мастер по зеркалам Никадзима Исэ. Мальчишке приходилось несладко, и уже в десять лет он был вынужден зарабатывать себе на жизнь. Первым местом его работы стала книжная лавка. Ему дали важную должность рассыльного. И вот в жизнь мальчика вошли покупатели, тонкие ценители книг — он видел, как внимательно разглядывали они книжные иллюстрации, прежде чем отдать свои деньги хозяину лавки; запах новых книг, только что привезенных из типографии, смешные, страшные и печальные рисунки и гравюры, украшавшие повести и романы японских писателей — эти издания, богато иллюстрированные, пользовались большим успехом в Эдо. Да, много чего интересного можно было увидеть в книжной лавке. Столица Японии в то время считалась крупным центром книжного дела — более 200 книжных магазинов и более 300 лавок, где продавались гравюры! А уж чего только ни издавали тогда в Эдо! Тут и сказки, и древние легенды, книжки, где тексты сочинялись и иллюстрировались самими художниками, и любовные повести и рассказы, приключения. Первые университеты Хокусая… Тут он получал свои первые уроки красоты, выразительности, точности рисунка, цвета. Недаром спустя много лет — в 1802 году — он, уже став известным мастером, с такой любовью выполнил очаровательную гравюру, на которой воспроизвел атмосферу и всю обстановку книжной лавки. Работая в таком замечательном месте, ну, как не захотеть стать художником, чтобы и

Актер Такинага Хигэмацу

твои рисунки украшали разные, но все — интересные, книжки. Да еще если что-то уже получается!

В тринадцать лет Хокусай поступил в мастерскую ксилографии к граверу Никаяма Тэцусону, где освоил приготовление деревянных досок для гравюр. Теперь он мог бы работать резчиком — это ремесло он изучил великолепно. Оно дало ему твердость руки и глазомер, которые потом очень ему пригодились.

В 1787 году он поступил учеником в мастерскую художника Кацукава Сюнсе, известного мастера укие-э.

Гравюры в стиле укие-э пользовались огромным спросом. Жители столицы и провинций охотно покупали бытовые, жанровые сценки, забавные и печальные, с изящными красотками в кимоно и благородными воинами-самураями, и пейзажи — японцы всегда трепетно относились к природе, обожествляли ее. Закат и заход солнца, шторм, порыв ветра, цветение сакуры могли быть источником высочайших эстетических наслаждений и созвучны высоким философским переживаниям. Мастера, способные отразить в своих произведениях жизнь народа и невыразимую прелесть окружающего мира, пользовались

Маленький ворон, несущий саблю, 1800-е

Горбатый мостик, около 1835—1836

огромнейшим авторитетом в обществе.

Ученики Сюнсэ по большей части изображали театральные сценки и актеров. Хокусай стал одним из самых способных учеников, за что получил право использовать в своем имени иероглиф имени учителя — теперь его стали называть Кацукава Сюнро. В работах Хокусая все больше стала проступать реальная жизнь, образы реальных людей с вполне выраженными характерами. Проработав в мастерской учителя почти пятнадцать лет, он уходит от него и начинает новую, самостоятельную жизнь. Ну, и, конечно же, снова меняет имя. Теперь он — Сори.

По некоторым источникам, приблизительно в это время Хокусай женится в первый раз. Вскоре у него появляется дочь Омэй. Денег, как водится, не хватает, и Хокусаю, чтобы заработать на еду да на краски, приходится на улицах родного города торговать вразнос табаком и китайским перцем. Но разве это беда, когда у него есть такая радость, как возможность творить! Но эта радость, видно,

Из серии «Большие цветы»
Конец 1820 — начало 1830-х:
Вьюнок и древесная лягушка
Пионы и бабочка
Ирисы, 1828

отнюдь не радовала его молодую жену — поняв, что с этим сумасшедшим, для которого все счастье — в его красках и картинках, глупо связывать свое будущее, она решила, что правильнее уйти — пока молода. Что и сделала, оставив дочь отцу.

Но Хокусай не отчаивается. Он жадно учится, осваивает стили самых разных художников того времени — тут и изысканный Утамаро с его томными красавицами, неторопливо гуляющими по улицам Эдо, и декоративные картины Огато Корина, его последователя Хисикава Сори, монументализм школы Кано. А однажды он познакомился с Сибо Коканом, художником, блестяще знавшим и освоившим стиль европейских мастеров. Сибо Кокан был ярким человеком, человеком нового времени, остро понимавшем всю пагубность политики изоляционизма. Кокан был настоящий японец, но и человек мира, ученый, естествоиспытатель. Хокусай просто не мог не подпасть под обаяние личности Кокана. Он многому научился в его мастерской, брал там уроки анатомии, освоил приемы перспективы. Но при всем при том сумел сохранить очень национальный, очень своеобразный дух своих работ.

Каждый новый этап освоения искусства Хокусай отмечал принятием нового имени — так было принято в ту эпоху в Японии. В 1797 году он принял имя Хокусай, что означало Художник с Севера, с этим именем он и вошел в историю мирового искусства.

Хокусаю прекрасно удавались гравюры книжные и станковые, а кроме того, у него блестяще получались суримоно. Это был отдельный вид гравюр: они выполнялись в виде поздравительных открыток и дарились к знаменательным датам, праздникам, дням рождения, свадьбам. В суримоно обязательно вводились еще и поэтические строки, дополняющие, а порой и поясняющие изображение. Для суримоно художники доставали дорогие сорта бумаги, кроме того, при их печатании применялась особая техника, цветной рельеф, тиснение, шелковые нити и золотой, серебряный и перламутровый порошок. Суримоно был одним из самых популярных видов ксилографии, печати с деревянных досок. Их не продавали в массовом порядке в лавках. С огромным удовольствием суримоно изготавливали для своих нужд художники и поэты и просто люди с художественными интересами — словом, тогдашняя элита обожала суримоно, в которых выражала свое миропонимание и отношение к жизни и людям.

Хокусай внес столько изящества, столько красоты и тонкой поэзии в скромный жанр поздравительной открытки, что поднял его на новую высоту. Они, эти шедевры Хокусая, небольшие или удлиненные, горизонтальные или вертикальные, квадратные или прямоугольные, со стихотворными строчками, афоризмами и шутливыми высказываниями — их писал сам художник — с изображениями животных и птиц, людей и картинок природы, очаровательны и изящны, в них нет ничего лишнего, и даже подпись художника смотрится как необходимый элемент композиции. С годами об-

Водопад Ёсицунэ в Ёсино

諸國瀧尋
和州吉野義經馬洗滌

Поэт Тоба в изгнании, 1830

Молодой человек на белой лошади

разы суримоно Хокусая становились все более обобщенными, насыщенными глубоким философским смыслом, в них проступала мудрость художника, его знание людей и жизни.

С 1805 года Хокусай много времени уделяет книжной иллюстрации. Гравюры художника украсили романы почти всех крупных прозаиков того времени. Он пишет пейзажи и портреты, бытовые сценки, выявляя суть сюжета и мысль автора. Особенно интересной для художника и читателей стала его работа над произведениями писателя Бакина. Авантюрные сюжеты Бакина, его мысли оказались близки художнику. Только в 1807—1808 годах он проиллюстрировал восемь его романов. Оба были весьма темпераментными, и потому по мере создания книг между ними частенько вспыхивали ссоры. Когда же Хокусай приступил к иллюстрации романа китайского писателя XIV века Ши Найаня «Речные заводи», издававшегося в пересказе Бакина, дело дошло до полного разрыва — оба, и писатель, и художник, претендовали на главную роль в успехе книги. К большому негодованию Бакина, пальму первенства отдали Хокусаю, а дальнейший пересказ на

Победный ветер. Ясный день (Красная Фудзи). Из серии «Тридцать шесть видов Фудзи», 1823—1831

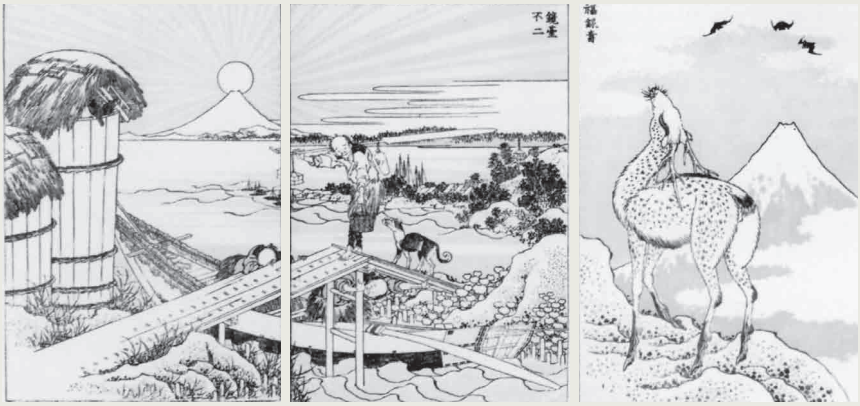
Цветущая слива и луна, 1803

японский язык знаменитого китайского романа поручили другому писателю, Рандзану, человеку менее амбициозному, чем Бакин. Вся эта история говорит о том, с каким вниманием в тогдашней Японии относились к работе художника.

А Хокусай не перестает совершенствоваться, не перестает учиться. Все больше внимания он уделяет рисунку, его точности и выразительности, недаром он называет теперь себя Гакиодзин Хокусай — Хокусай, одержимый рисунком.

В доме художника растет дочь, зарубцевалась понемногу рана от предательства ее матери, и художник решается снова испытать судьбу — женится во второй раз. Его избранницу зовут О-Соно. И она, как и первая, дарит ему дочь Оэй. Эта девочка — папина дочка, она, видя, как рисует отец, пытается ему подражать. У нее получается неплохо. Оэй вырастет и станет художницей.

Но, видно, судьба не очень-то благоволит Хокусаю — счастье с О-Соно было весьма недолговечно. И она ушла от художника, но ушла не в другую жизнь, а в мир иной, туда, откуда еще никому не удавалось вернуться… Пришлось Хокусаю пережить еще одно несчастье — смерть любимой.



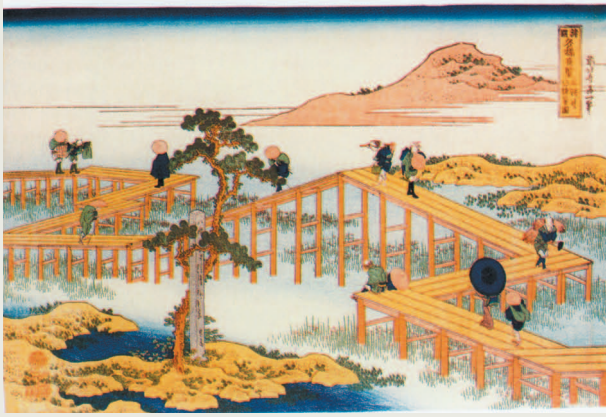
Из серии «Сто видов Фудзи», 1834—1835

В 1812 году Хокусай вместе с двумя учениками отправился в дальнее путешествие. Киото, Есино, Фудзи, Нагоя, Осака… Он с удовольствием знакомится со своей страной, с ее поразительной красоты пейзажами, с бытом людей. Еще в 1804 году, остановившись на несколько дней в доме своего бывшего ученика Бокусэна в Нагое, он делает массу рисунков животных, растений, своих соотечественников за разными занятиями. Все, что видит художник и что считает заслуживающим своего внимания, оживает на его рисунках, на страницах «Манги». Рождается книга, состоящая из иногда и не очень изящных, грубоватых, но вполне выразительных эскизов. Когда-то он учился рисовать по подобной книге, созданной китайскими художниками. Она называлась очень поэтично — «Учебник живописи сада горчичных зерен». Теперь он создает свой учебник рисунка и называет его «Манга», что означает «Разнообразие рисунка». Постепенно складываются несколько томов. Седьмой том Хокусай полностью посвящает жизни природы — пейзажу. Пейзаж существовал в японском искусстве, конечно же, и до Хокусая, но он всегда служил фоном, чем-то дополнительным. Для Хокусая пейзаж важен сам по себе. Впервые в японской живописи пейзаж становится самостоятельным жанром. Особенно Хокусая привлекают два мотива — горы и морские волны. И то, и другое — воплощение мощи и красоты. Гора — символ застывшей жизни, покоя, вечности, а волны — вечно изменяющейся, неожиданной, и никому не дано предсказать, какой она будет в следующий миг. Обратившись к пейзажу, Хокусай постигает фундаментальные законы Бытия, Вселенной, огромного Космоса, в котором человек — лишь песчинка.

Увлечение Фудзи вылилось в создание грандиозных серий «Тридцать шесть видов Фудзи» и «Сто видов Фудзи». На этих картинах гора выглядит такой разной — вот она мягкая, лиричная, наполненная по-

эзией, а вот — грозная, опасная, мощная — и тут вспоминаешь, что Фудзи — потухший, но способный однажды проснуться вулкан. А вот Фудзи — вся в огненном свете — такой она выглядит, наверное, на самой знаменитой картине Хокусая, да и вообще самой известной в мире японской картине «Победный ветер. Ясный день (Красная Фудзи)». В этой картине — мощное ощущение свободы, всепобеждающей власти Вселенной и ее удивительной гармонии. «О как высока/ Горная гряда Фудзи/ Летней порой!» Глядя на эту Фудзи, охваченную пламенем солнечного света, зрители вспоминали о прекрасной богине Солнца Аматэрасу, создавшей страну Японию.

«В морских волнах у Канагава. Большая волна» — еще одна картина Хокусая, получившая мировую известность. И здесь художник блестяще, мощно, ярко выразил могущество природы и неудержимую страсть стихии. В огромной волне, в кипящей белизне пены видятся и когти какого-то страш-



Из серии «Виды замечательных мостов различных провинций», 1827—1830

ного зверя, и стаи стремительных птиц, и все это вот-вот поглотит маленькую лодку. На этой картине человек столь мал, столь беззащитен, столь ничтожен по сравнению с Космосом, но, дерзкий и бесстрашный, он все равно устремляется навстречу опасности, и еще не известно, кто победит в этой схватке, схватке не на жизнь, а на смерть.

Хокусай рисует все, что считает достойным своей кисти. Вот серия видов мостов — милые картинки жизни Японии, а вот очаровательные композиции из цветов и птиц — возрождение старинных мотивов дальневосточного искусства. И все удается этому гениальном мастеру.

Тридцатые годы стали для Хокусая очень сложным временем. В стране было неспокойно, правящие круги изо всех сил старались сохранить неизбежно уходящий в прошлое феодальный уклад, то и дело в разных провинциях вспыхивали бунты недовольных своими господами крестьян, восставали против существующих порядков и горожане. Власти старались подавить всякую свободу. Это отражалось даже на жизни художников, которым вдруг запретили пользоваться более чем семью досками при печатании цветных гравюр. Чтобы убежать от этого столь несовершенного мира, Хокусай обращается к мудрости китайской и японской лирики. В гравюрах того времени — размышления о смысле бытия, о бренности мира, о вечности и хрупкости Красоты.

Женщины возвращаются домой на закате, 1835

Люди переходят горбатый мост, 1835

В 1834 году, когда художнику исполнилось 74 года, ему пришлось пережить серьезные потрясения. Когда-то он по доброте душевной дал поручительство за своего внука, решившего заняться коммерцией и взявшего большой кредит. И вот теперь, когда внук обанкротился, Хокусаю пришлось выплачивать огромные деньги, которых у него не было. Не оставалось никакого иного выхода, как бежать. Чтобы скрыться от кредиторов, старый художник тайно уехал в маленькую деревню Урага, в провинцию Сагами. Шесть лет ему пришлось прожить там, в одиночестве, под чужим именем! Его сопровождала лишь преданная ему дочь Оэй, ставшая, как и отец, художницей. В письме к своему издателю он жаловался: «В это суровое время года, особенно в долгих странствиях, приходится переносить много трудностей, так как я обхожусь в эти сильные холода всего лишь одним платьем, и это в мои 76 лет! Прошу Вас подумать о печальных обстоятельствах, в которые я попал… А что касается моей жизни, то она как бы прекратилась для общества, и я даже не могу Вам дать мой адрес. Но руки мои нисколько не ослабели, — мужественно продолжает художник, — и как всегда, я работаю неистово».

Всегда его спасало творчество, и в это тяжкое время он трудится действительно неистово. Именно в эти годы изгнания он создает знаменитую серию «Сто видов Фудзи», постигая новые грани бесконечного в своих проявлениях мира природы.

Кинтаро и дикие животные, 1780-е

Нюансы его гравюр столь тонки, что он просит своего издателя отдать рисунки резчику по имени Эгава — только он способен перевести в гравюры его рисунки, считает художник.

Для Хокусая очень важно, чтобы его рисунки были доверены настоящему мастеру. «Острота и отточенность руки Эгавы, его исполнения были бы большим утешением больному старику, у которого больше ничего в жизни не осталось», — пишет Хокусай.

Изгнание Хокусая закончилось в 1839 году. Он смог вернуться в свой дом в Эдо. Но судьба снова послала ему испытание. В том же году его постигло очередное несчастье. В Эдо было множество деревянных строений, неудивительно, что пожары тут были не редкостью. Вот и в 1839 году в японской столице случился такой пожар, в пламени которого сгорел и дом Хокусая, а вместе с ним — множество рисунков, которые еще не успели стать гравюрами.

В 1841 году, после скитаний и неустроенности, приют и отдохновение предложил Хокусаю известный ученый, исследователь голландской культуры, историк и знаток китайского и монгольского языков, а также, что немаловажно, весьма состоятельный человек, Такаи Кодзано. Позже сюда переселились из Эдо и любимая дочь Оэй с сыном. Здесь, в имении Кодзано в Обусэ, в провинции Сисю, в окружении близких и родных людей, и протекали последние годы жизни великого Хокусая.

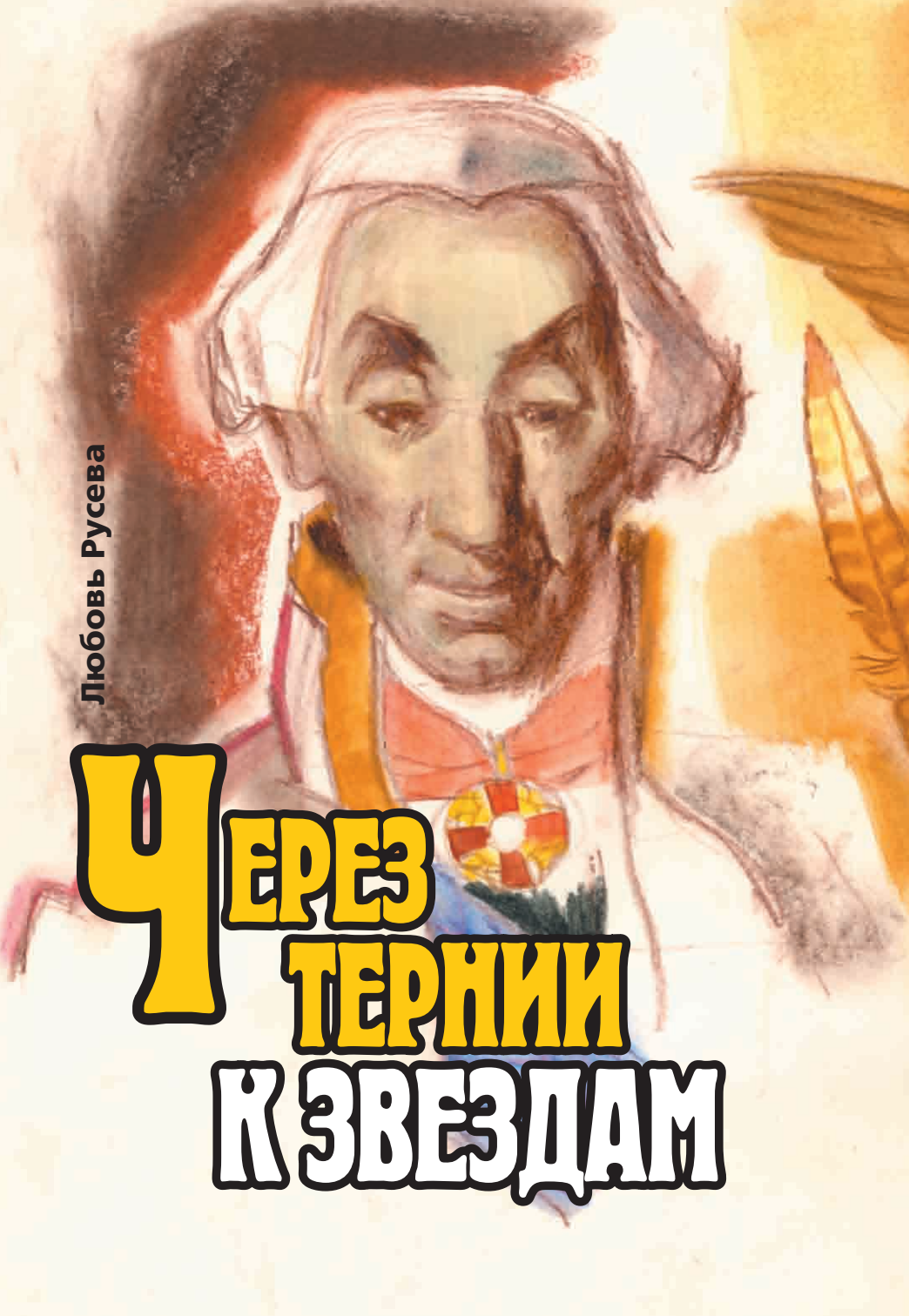
До самой своей смерти он работал и размышлял об искусстве. А когда этот великий художник и философ захворал — ему уже было девяносто лет — и почувствовал, что и его жизни, как всему в природе, приходит конец, он написал письмо своему близкому другу Такати, где с юмором и иронией сообщил, что, похоже, дни его сочтены: «Царь Эмма стал очень стар и решил удалиться от дел. Он построил себе красивый домик и просил меня прийти к нему и написать для него суримоно. Итак, я должен отправиться в путь. И с собой я возьму свои рисунки. Сниму жилище на углу улицы Ада, где буду рад принять Вас, когда Вам представится случай посетить меня». Он смог достойно, с юмором встретить смерть, а печалило его лишь то, что, как ему казалось, он не успел достичь в искусстве совершенства. «Если бы небо дало мне еще десять лет! Или хотя бы пять — я бы стал великим художником», — говорил он.

«Старик, одержимый рисунком» — так называл себя Хокусай в старости — умер в 1849 году. Он ошибался — ему хватило отведенного Богом времени и он успел стать великим.

Стать великим художником, признанным и на Востоке, и на Западе.

Японское искусство немыслимо без Хокусая, но он оказал огромное влияние и на художников Европы и Америки. Им были увлечены Уистлер, Дега, Тулуз-Лотрек, Ван-Гог и Гоген. Писсаро писал: «Этот японец укрепляет меня в нашем способе видения», а Моне говорил: «Я признаю эстетику, основанную на намеках, умение выразить образ предмета одной лишь тенью, представление о целом посредством фрагмента».

В предисловии к серии картин «Сто видов Фудзи» Хокусай сказал: «С шести лет мною овладела мания зарисовывать предметы. К пятидесяти годам я исполнил бесчисленное множество рисунков, но все, что я сделал до семидесяти лет, не стоит считать. Только в семьдесят три я понял приблизительно строение истинной природы, животных, насекомых, трав, деревьев, птиц и рыб. А к восьмидесяти я достигну еще большего. В девяносто проникну в суть вещей, а к ста годам мое искусство станет просто чудом. Когда же мне исполнится сто десять лет, каждая линия, каждая точка на моих рисунках станут живыми. Я прошу тех, кто проживет столько же, сколько я, посмотреть, сдержал ли я свое слово». Человечество прожило гораздо больше, чем Хокусай, и со всей ответственностью говорит — Хокусай, одержимый рисунком, даже не дожив до ста десяти лет, слово свое сдержал. Каждая точка, каждая линия его гениальных творений живут и говорят нам о самом главном, что есть в мире — о вечности, жизни и смерти, о красоте и любви. ❑



Любовь Русева

Через тернии к звездам

иллюстрация
Геннадия Новожилова

«В России, сравнительно с другими странами богатой самоучками, Державин является одним из самых блестящих явлений этого рода»

Я. Грот

Ходить по Белокаменной ночью вообще небезопасно, а в жуткий буран да по занесенным улицам — тем паче.

— Хозяин в такую погоду собаки во двор не выгонит, а ты броди тут из одного конца града в другой, — ворчал преображенец, пробиваясь сквозь ураганный ветер.

Вестовой то и дело проваливался в невидимые ямы, барахтался в сугробах, вылезал, отряхивался и, согнувшись в три погибели, шагал дальше. Он должен разнести отданные вечером приказы офицерам, а так как те остановились в разных частях города, то гулять ему сегодня всю ночь. Гаврила Державин дошел до дома знаменитого литератора Майкова, у которого остановился прапорщик их полка князь Козловский, славившийся сочинительством. Державин восхищался обоими поэтами, по душе ему простой и легкий слог их стихов, по ним он учился писать.

Приход вестового прервал чтение князя его новой трагедии. Получив приказ, продолжил. Державин остановился в дверях и жадно вслушался.

— Поди с Богом, братец служивый, — обернулся Козловский, — что тебе здесь попусту зевать? Ведь ты ничего не смыслишь.

И бедный служивый смиренно удалился.

— Ничего, — ворчал обиженный Державин, направляясь к другому офицеру, — вот сменюсь с дежурства, сразу же к графу пойду, пусть возьмет меня с собой в Европу. Поучусь, и посмотрим, чьи вирши складнее будут.

Надежда простого солдата на вельможу не была эфемерной: благодаря таланту рисовальщика и любви к инженерному искусству Шувалов давно знал Державина. Директор вновь открытой гимназии в Казани Веревкин привез куратору работы лучших учеников — карты Казанской губернии, украшенные различными фигурами. Пораженный увиденным, Шувалов утвердил просимое повышение окладов преподавателям, разрешил содержание на казенный кошт бедных учеников. Отличил он и юных авторов: их записали солдатами в гвардейские полки. Особую честь оказал Гавриле — его объявили кондуктором Инженерного корпуса.

Как же обрадовались наградам гимназисты! Они гордо щеголяли в мундирах соответствующих полков, а Гаврила в кондукторской форме исполнял во время праздников обязанности артиллериста и фейерверкера.

Державин с детства отличался неистощимой энергией, постоянной жаждой деятельности и напористостью. В свободную минуту он либо читал, либо срисовывал с лубочных картинок богатырей. Этими работами обклеил он все стены своей каморки. Нетрудно представить, с каким энтузиазмом взялся Гаврила за дело, порученное Шуваловым. Он возглавил группу для описания древней столицы Болгарского царства. Все лето до глубокой осени будущий гений русской литературы составлял ее план, списывал надписи с гробниц, рисовал развалины, а также монеты и предметы, найденные гимназистами во время раскопок.

Судьба уготовила Гавриле Романовичу не прямую широкую дорогу, а сплошные непроходимые заросли терновника, пройти через которые по силам только человеку его характера. Кондуктором Инженерного корпуса Державин считался всего два года в гимназии. Неожиданно из Петербурга его срочно вытребовали к месту службы — Преображенский полк. Как он попал в списки гвардии — неизвестно.

Служба в гвардии почетна, но не всем по карману. Когда-то его отцу друзья предлагали помочь устроить сына в один из элитных полков, но Роман Николаевич мечтал отдать Гаврилу в Кадетский корпус или в артиллерию. Он даже отправился с ним в столицу, но денег хватило только до Москвы. Вскоре полковник Державин скончался, оставив после себя пятнадцать рублей долга, которые вдова не могла отдать, и проиграла тяжбы с помещиками, самовольно захватившими их скудные земли. В поисках правды Фёкла Андреевна с малолетними сыновьями обивала пороги судей. Бесконечные часы в приемных, тщетные хлопоты матери, ее унижения и слезы глубоко запали в душу и врезались в его память.

Никогда не сможет он равнодушно смотреть на «неправосудных и притеснителей сирот» и вдов. Державин сделается непримиримым врагом любой несправедливости. «Истина» станет его идеей фикс. Правдолюбием он заслужит уважение и наживет могущественных недругов, благодаря ему возглавит министерство юстиции, оно же послужит причиной его отставки.

В марте 1762 года 19-летний Державин стал рядовым, и солдатскую лямку тянуть ему целых двенадцать лет. Бедного дворянина поселили в казарме со сдаточными солдатами (из крестьян). Поначалу он наравне со всеми стоял в карауле на ротном дворе, выполнял черную работу. По ночам же читал и кропал вирши. Ни рисовать, ни играть на скрипке в тесной каморке не представлялось возможным.

Страсть новобранца к сочинительству по-своему использовали солдатки: по их просьбам он писал «грамотки» к родственникам, в которых употреблял простонародные выражения, чем окончательно пленил их сердца, и они уговорили своих мужей отправлять за него очередную службу и работу, это-де может каждый, а писать душевные письма — только Державин. Уважение товарищей он заслужил честностью и правдолюбием. Именно его выбрала рота своим казначеем, доверив артельные деньги и поручив ему заготовку всего нужного для похода против Дании, объявленного Петром III.

Первая личная встреча с Шуваловым состоялась вскоре после его приезда в Петербург. Граф принял самородка приветливо, довольный результатами его работ в Болгарах, он послал его в Академию художеств к одному из лучших русских граверов Чемесову. Евграфу Петровичу очень понравились рисунки Державина, гравер звал его к себе и обещал доставить через Шувалова средства для занятия науками и литературой. Но при страсти Петра III к постоянным различным учениям об искусстве мечтать не приходилось.

Державин, находясь в Москве вместе с гвардией, узнал о предстоящей поездке графа в чужие края. Это был шанс расстаться с солдатской службой и получить, наконец, достойное образование. Написав письмо с просьбой взять его с собой, Гаврила Романович явился к Шувалову домой, где вельможу дожидалось много просителей. Когда хозяин уезжал во дворец, преображенец подал прошение.

— Приходи, любезный, завтра за ответом, — улыбнулся Иван Иванович, прочтя бумагу.

Но ни завтра, ни в другой день Державин не явился, поскольку в дело вмешалась двоюродная сестра его матери Блудова, видевшая в путешествии «источник ересей и всякого зла», а тем более с европейски образованным (а значит хуже еретика) Шуваловым.

Фекла Саввишна устроила страшный нагоняй племяннику, за которого была в ответе перед сестрой. Державин потерпел «жестокое поражение». Но оставаться в солдатах вечно он не желал. Ему — 20 лет, его сверстники — давно офицеры, многие позже его поступили в гвардию и уже получили чин. Гаврила Романович пишет о

своих правах на повышение командиру полка — графу Орлову. Алексей Григорьевич уважил просьбу и произвел рядового в капралы.

Горяч и в правде черт

Державин действительно отличался горячностью и в правде был настоящим чертом, хотя и писал, что властным вельможам он смел «правду брякнуть вслух», а царям истину «с улыбкой говорил». От его «улыбки» по дворцу искры разлетались. Не случайно после столкновения с Павлом семейный совет накинулся на него с упреками, «осыпав его со всех сторон журьбою, что он бранится с царями и не может ни с кем ужиться».

Желая уберечь Екатерину от казнокрадов, взяточников да плутов, от совершения незаконных поступков, он постоянно ссорился и мирился с ней. Как-то в гневе императрица спросила, что побуждает его ей перечить.

— Справедливость и ваша слава, государыня, чтоб не погрешили чем в правосудии.

Он стал статс-секретарем. «Всемилостивейше повелеваем действительному статскому советнику Гавриилу Державину быть при нас у принятия прошений». И что было делать, если прошения в большинстве своем были неприятными, а Державин привык доходить до самой сути? Чего стоило одно дело Якоби! Из Иркутска прибыли документы «в трех кибитках, нагруженных сверху до низу». Изучив их, Гаврила Романович явился на доклад. За ним строем гайдуки и лакеи несли «превеликие кипы бумаг». Пришлось Екатерине в течение нескольких месяцев ежедневно по два часа слушать чтение по этому делу.

Он же должен был разбираться с громким «делом» Сутерланда, который выдавал в долг казенные суммы многим вельможам, в том числе и наследнику престола, но почти никто не вернул. Несчастный придворный банкир покончил с собой. Во время докладов императрица и секретарь нервничали. Споры достигали такого накала, что однажды Державин, выбранив Екатерину, схватил и дернул за конец ее мантильи. Она позвонила и сказала вошедшему Попову:

— Побудь здесь, Василий Степанович, а то этот господин много дает воли рукам своим.

На следующий день она первая извинилась, добавив:

— Ты и сам горяч, все споришь со мною.

— О чем мне, государыня, спорить? Я только читаю, что в деле есть, и я не виноват, что такие неприятные дела вам должен докладывать.

— Ну, полно, не сердись, прости меня. Читай, что ты принес.

Временное перемирие установлено, и Державин стал читать, кто и сколько взял у банкира. Но тут очередь дошла до Павла, что опять вывело из себя Екатерину, и она стала жаловаться на сына. Державин потупился.

— Что же ты молчишь?

— Я не смею судить наследника с императрицей.

— Поди вон!

Каждый раз после ссоры Гаврила Романович давал себе слово больше не перечить, и каждый раз забывал о нем. «Часто рассердится и выгонит от себя Державина, а он надуется, даст себе слово быть осторожным и ничего с ней не говорить; но на другой день, когда он войдет, то она тотчас приметит, что он сердит; зачнет спрашивать о жене, о домашнем его быту, не хочет ли он пить, и тому подобное ласковое и милостивое, так что он позабудет всю свою досаду и сделается по-прежнему чистосердечным».

Императрица бранилась с секретарем, но на съедение врагам не давала. Только начнется очередная его травля, она «в публичных собраниях… сажая его подле себя

на канапе, шептала на ухо ничего не значащие слова, показывая, будто говорит о каких важных делах...». И враги умолкали.

Павел был молочным братом первой жены Державина. Взойдя на престол, он обласкал поэта, но фавор, начавшийся в понедельник, в субботу закончился опалой. Гаврила Романович понял, что император назначает его правителем Верховного Совета, но оказалось, что он стал правителем канцелярии Совета, что для сенатора было унижением. Он не имел права сесть за стол членов Совета, но не желал сидеть за столом правителя канцелярии, поэтому во время заседания слушал дела стоя и ходил вокруг присутствующих. Гаврила Романович решил получить у Павла «инструкцию» и явился во дворец.

— Что вам надобно, Гаврила Романович?

— По воле вашей, государь, был в Совете, но не знаю, что мне делать.

— Как не знаете? Делайте, что Самойлов делал.

— Я не знаю, делал ли что он: в Совете никаких его бумаг нет, а сказывают, что он носил только государыне протоколы Совета, почему осмеливаюсь просить инструкции.

— Хорошо, предоставьте мне.

Но Державин не был бы Державиным, если бы не сказал, что думал:

— Я не могу сидеть с членами Совета, ибо к тому не назначен, а сидеть за столом канцелярским мне невместно. Так вот, не стоять ли мне между столами?

Павел в бешенстве распахнул двери кабинета и крикнул:

— Слушайте! Он почитает быть в Совете себя лишним! — и обернувшись к поэту, добавил: — Поди назад в Сенат и сиди у меня там смирно, а не то я тебя проучу.

Державин, в свою очередь, указал присутствующим на государя и рек:

— Ждите, будет от этого... толк!

Все ждали для дерзкого погибели, но Павел ограничился указом: «Тайный советник Гаврило Державин, определенный правителем канцелярии Совета Нашего, за непристойный ответ, им пред Нами учиненный, отсылается к прежнему его месту. 22 ноября 1796». При Павле назначения и повышения Державина шли один за другим. Он становится кавалером мальтийского ордена, снова получает место президента коммерц-коллегии. После возвращения поэта из Белоруссии, его доклад о проделанной ревизии император получил через своего секретаря, которому Павел сказал:

— Пусть через тебя передает все бумаги, а то он горяч, да и я тоже, глядишь, снова поссоримся.

Но Гаврила Романович стал сдержанней, жизнь научила его, что плетью обуха не перешибешь.

Служить Державе Державин продолжал и после смерти Павла.

— Ты меня всегда хочешь учить! — рассердился Александр I. — Я самодержавный государь и так хочу.

Создав министерства, молодой император назначил старого поэта министром юстиции, но пробыл он на этом посту всего 13 месяцев.

— Ты очень ревностно служишь, — заявил Александр Державину.

— А когда так, государь, то я иначе служить не могу. Простите.

— Оставайся в Совете и Сенате.

— Мне нечего там делать.

Приближенные, свалившие Державина, побаивались общественного мнения. Гаврила Романович слыл честным и беспристрастным человеком. И для его врагов было выгодно, чтобы он покинул пост министра, как не справившийся со своими задачами, а не ушел вообще в отставку. Ему обещали и Андреевскую ленту, и сохра-

нение жалованья министра, но поэт остался непреклонен. Высочайший указ был подписан 8 октября 1803 года.

О падении Державина автор «Сведений о польском мятеже» писал: «С конца 1802 года начались проявления польской партии, которая образовалась под сенью русских англоманов и которой князь Чарторийский стал главою и руководителем… Опаснейшим противником польской партии явился министр юстиции Г.Р. Державин. Его падение через год борьбы было решительною победою этой партии. Державин оценен как замечательный поэт, но потомство еще не оценило его дела как государственного человека, которые до звания министра довели певца Фелицы, сановника проницательного, практического, который понимал Россию, ее значение и требования, а вместе с тем разгадывал поляков, их домогательства и их интриги... Менее чем в год времени Державин остановил миссионерство иезуитов и пропаганду латинства в империи… отстоял права самодержавной власти против первой попытки Потоцкого ввести в самодержавную Россию чуждые обычаи Речи Посполитой, поднял вопрос о евреях, противный панским выгодам… Державин ясно показал польской партии, что, проникая ее замыслы, он стоит против них самым бдительным стражем. Польские магнаты видели всю необходимость от него избавиться, и они скоро достигли цели».

Забавный русский слог

Вирши свои поэт «марал» между многочисленными государственными делами. Слава же пришла «нечаянно», можно сказать, против его воли. «Фелицу», сделавшую переворот в русской литературе, он написал в 1782 году, но поскольку она вышла слишком смелой и дерзкой, решил никому не показывать. На его беду и на наше счастье, в одном доме с поэтом жил Осип Петрович Козодавлев — писатель и государственный деятель. Тот прочел несколько строк «Оды к премудрой киргизкайсацкой царевне Фелице» и упросил автора показать всю. Поклявшись страшными клятвами, что никому не даст, Осип Петрович списал оду и отдал «любительнице поэзии» Пушкиной, та передала ее Шувалову, граф, в свою очередь, по секрету прочел ее друзьям. Потемкин уже не по секрету, а открыто затребовал у Шувалова новое творение Державина. Смущенный и перепуганный граф пригласил поэта, который только тогда «с крайним прискорбием» узнал, что стихи его гуляют по городу.

— Как быть, Гаврила Романович, посылать целиком или выбросить строфы, относящиеся к Потемкину?

Естественно, послали целиком. Державин оценил благородство всесильного вельможи, который добродушно (не в пример другим) отнесся к выпадам против него поэта. Но что скажет императрица, если до нее дойдут стихи? А они не могли не дойти, поскольку все тот же Козодавлев был секретарем Дашковой, а та задумала издавать журнал и в первом же номере опубликовала «Филицу». Об этом Державин узнал вместе со всей читающей публикой.

Несколько месяцев Гаврила Романович был сам не свой. Шутка ли, писать о государыне «забавным русским слогом», показать ее не богиней, как принято, а простой женщиной с ее слабостями! Пока поэт не находил себе места, Екатерина читала и плакала.

— Как дура плачу, — призналась она Дашковой. — Кто бы меня так хорошо знал!

О впечатлении, произведенном одой на государыню, поэт узнал во время обеда у Вяземских. Неожиданно его вызвали в переднюю, и почтальон передал странно подписанный пакет «Из Оренбурга от Киргизской Царевны мурзе Державину». Внут-

ри же находилась осыпанная бриллиантами золотая табакерка с пятьюстами червонцев.

Так Гаврила Романович стал знаменитым поэтом. Трудно нам сейчас представить тот восторг, который вызвала эта ода, но «Фелица» его похоронила риторику и дала России настоящую, русскую лирику. На смену ходульным штампам пришли живые образы. Как истинный гений Державин разрушил все рамки, он ввел не только народную речь, но часто использовал диалекты, импровизировал формой, впервые ввел белый стих.

Но настоящее выходило из-под его пера только по вдохновению. Его божественную оду «Бог» перевели на многие языки Европы и Азии, в одной Франции существовало 15 различных переводов.

Но дальше стихи не шли. Служебные обязанности и дрязги не давали сосредоточиться, не вдохновляли. Очередной раз, лишившись места, он решил бежать. Гаврила Романович неожиданно объявил жене, что уезжает осматривать белорусские свои земли, причем в самую распутицу. С трудом добрался до Нарвы, бросил на постоялом дворе повозку и слуг, снял захудалую комнату у немки и заперся. Несколько дней творил поэт, точно в бреду, старая хозяйка носила ему поесть, но замечал ли он что-нибудь вокруг себя. Не умом, а каждой своей клеточкой почувствовал в себе Творца поэт, он — божественное создание, венец Его Творения.

От открывшегося откровения его охватило такое счастье и упоение, что силы покинули его. Державин уснул, но почувствовал среди ночи, что в глаза ему сияет свет. Он проснулся и увидел, что по стенам каморки «бегает свет». Гаврила Романович заплакал. Это были слезы благодарности, слезы любви к Богу.

Великий Державин трепетно относился к молодым талантам. Именно этим его «купил» Шишков, предложив создать «академию», где начинающие литераторы смогли бы читать свои произведения. Так появилась «Беседа», с которой вступит в полемику «Арзамас». Гаврила Романович не вмешивался в «партийную» борьбу литераторов. Он искренне любил Карамзина.

Но за несколько месяцев до смерти Гаврила Романович «в гроб сходя, благословил» Пушкина. После того знаменитого экзамена в Лицее у министра народного просвещения графа Разумовского состоялся большой обед, на котором присутствовали отец Пушкина и Державин.

— Я бы желал, однако ж, образовать сына вашего к прозе, — заметил Сергею Львовичу хозяин.

— Ваше сиятельство, оставьте его поэтом! — возразил Державин.

Вскоре Гаврила Романович признается Аксакову:

— Мое время прошло, теперь — ваше время. Теперь многие пишут славные стихи, такие гладкие, что относительно версификации уж ничего не остается желать. Скоро явится свету второй Державин: это Пушкин, который уже в лицее перещеголял всех писателей.

Александр Сергеевич сохранил теплые чувства к «старику Державину» и в «Графе Нулине» прямо назовет его Гением. На вопрос Бестужева «отчего у нас нет гениев и мало талантов?» Пушкин ответил:

— Во-первых, у нас Державин и Крылов; во-вторых, где же бывает много талантов?

После смерти великого поэта только ленивый не «разоблачал» его: и русского языка он не знал, и писать стихи не умел… Не отличались добротою к «старику» и XIX и XX век. Ходасевич в статье, посвященной столетию со дня смерти поэта, писал, что его в школах изучают так, чтобы никогда больше не брать его сочинений в руки. В ней он отмечал: «XVIII век… был в России веком созидательным и победным. Державин был одним из сподвижников Екатерины не только в насаждении просвеще-

ния, но и в области устроения государственного. Во дни Екатерины эти две области были связаны между собою теснее, чем когда бы то ни было. Всякая культурная деятельность, в том числе поэтическая, являлась прямым участием в созидании государства. Необходимо было не только вылепить внешние формы России, но и вдохнуть в них живой дух культуры. Державин-поэт был таким же непосредственным строителем России, как и Державин-администратор. Поэтому можно сказать, что его стихи суть вовсе не документ эпохи, не отражение ее, а некая реальная часть ее содержания; не время Державина отразилось в его стихах, а сами они, в числе иных факторов, создали это время. В те дни победные пушки согласно перекликались с победными стихами. Державин был мирным бойцом, Суворов — военным. Делали они одно, общее дело, иногда, впрочем, меняясь оружием. Вряд ли многим известно, что не только Державин Суворову, но и Суворов Державину посвящал стихи. Зато и Державин в свое время воевал с Пугачевым. И, пожалуй, разница между победами одного и творческими достижениями другого — меньше, чем кажется с первого взгляда».

Гаврилу Романовича упрекали в подобострастии, но если он и писал хвалебные оды, то на дела монархов. Его «Водопад» был написан после смерти Потемкина, в то время, когда великого деятеля модно стало смешивать с грязью. Он посвящал хвалебные оды Румянцеву, Суворову и Валериану Зубову, когда те были в опале.

Великий поэт, начавший собой русскую лирику, скончался 8 июля 1816 года в своей любимой Званке. Он упокоился в Хутынском монастыре (в семи верстах от Новгорода). Уже после похорон убитая горем жена увидела на его столе начатые за два дня до смерти и неоконченные стихи поэта-философа:

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйти судьбы. ❑

иллюстрация
Алексея Остроменцкого

Анастасия Климская

Луг на той стороне

Он закрыл справочник, но буквы из черных сделались алыми и плясали за глазами без остановки. «5 рентген в час — максимально допустимая доза облучения для человека», — сказала умная книга. Год издания — 1965. Может, нормы уже другие?

Картинки, заголовки — все как-то смешалось. Осталась Маринка, которая уехала на служебном автобусе…

Она жевала жвачку и аккуратным почерком записывала в толстый журнал показания приборов. Накрашенные ее ресницы за тонким забралом из небьющегося стекла подрагивали, губы улыбались. Муж на рассвете, еще не проснувшись, пробормотал: «Я тебя люблю». Первый луч нарисовал у него на щеке золотой иероглиф. Красивый он — Лешка. Надо будет ему сказать вечером, что он самый красивый в мире.

В барокамере, освещенные слабой лампочкой, медленно крутились, будто в вальсе, пробирки. Гудело. На куске ватмана, прямо над камерой, умелая рука написала красным фломастером: «СТРАВЛИВАЙ ДАВЛЕНИЕ!!!» Чуть ниже — другая рука, смешливая, приписала: «Смотри на манометры, а не в зеркало!»

Маринка прошлась по белой лаборатории, сунув руки в карманы, посидела, сходила в коридор покурить и достала журнал «Хакер». В холодильнике стояли остатки торта. Часы показывали 11 утра.

2 атмосферы.

Лешка на днях принес какой-то хилый росток и посадил его в банку из-под зеленого горошка. Травка прижилась, пустила яркие стрелки, вытянулась. Поливая ее, Маринка приговаривала:

— Пей, пей, доходяга!

Доходяга пил и стремительно рос. И вдруг, вчерашним утром, зацвел.

2,5 атмосферы.

Ей нравился их старый, ленивый, приземистый дом с какими-то, похожими на щупальца, пристройками, квадратными окнами, нелепыми балкончиками и двором-тупиком. Квартира нравилась, особенно «Комната Икс», как назвал ее муж Алексей. Первое время комнат было две, одна — большая, просторная, угловая, с двумя окнами и балконом. В ней жили. Вторая — узкая и длинная, как коридор — в ней только спали и смотрели телевизор. А «Комнаты Икс» поначалу вовсе не было.

Когда въехали, просто ходили и восхищались. После тоскливых новостроек, одинаковых улиц и школ, безликих магазинов и ужасного, сплошь стеклянного кинотеатра древний дом в Подмосковье, на отшибе, среди бараков и заколоченных, под снос, домишек казался сказочным замком с привидениями. У подъезда на стене ржавел список жильцов, в подъезде шныряли крысы, на лестнице пахло настоящим жильем. Обойти дом по периметру — уже целое приключение. Дерево на крыше выросло. Мужик, который въехал в их бывшую квартиру, искренне считал их идиотами: нормальные люди Москву на область, новехонький дом на развалюху, да еще без доплаты, ни за что не поменяют. А они радовались, как дети.

3 атмосферы.

— Это — тысяча девятьсот шестнадцатый год! — Алексей с сияющими глазами все ходил и ходил по комнатам. — Ну и глупый же мужик, отдал такую квартиру за панельную коробку!..

Затеяли ремонт. Маринка обдирала бурые обои в цветочек, скатывала старый линолеум, выносила сор. Алексей менял проводку. И вдруг замер на стремянке.

— Ты что, милый? — Маринка стояла с инструментами, задрав голову.

— Весь день меня мучило, — он почесал голову. — Помнишь, ходили вчера? За домом? Окошко закрашенное помнишь?

— Ну?

— Смотри. Никак его не может там быть. Только что дошло.

— Почему? Нам-то какое дело? Может, кладовка.

— Кладовка! — Алексей слез со стремянки. — У нас кладовки нет! У нас! Потому что это окошко между нашей кухней и нашей же маленькой комнатой! Ну-ка, пошли!

Они выскочили и долго стояли, глядя на обшарпанную стену дома и удивляя соседей. Действительно. Никак не может быть. Вон, на подоконнике, Маринкин плюшевый медведь. Значит, комната. А вон — коробки с тостером и кофеваркой. Значит, кухня. А между ними, почти скрытое ветвями толстого, корявого, в наростах, тополя — узенькое оконце с закрашенным изнутри стеклом.

Рванули наверх. Алексей схватил документы на квартиру и калькулятор и начал считать. Все сошлось. Общая площадь — 61 квадратный метр. Жилая — 24 и 16 — всего 40 метров. Кухня — 9, туалет с ванной — 6, коридор — 6.

— Ничего не понимаю, — сказал он и взял рулетку. Час ползал, меряя квартиру по плинтусам. Вышло 58,5.

— Не может быть, — заявила Маринка и сама проползла еще раз. С тем же результатом.

— Вот оно! — Алексей так сиял, словно его любимый начальник сломал на гололеде шею. — Где еще два с половиной метра? Там!..

Стену долбили старательно и упорно. Старая кирпичная кладка оказалась не чета современной, дрель с перфоратором вышла из строя, а Алексей стер кувалдой ладони до водяных мозолей. Пришел тактичный сосед и попросил пощады.

— Это делается не так, — тихо и печально сказал он. — Позовите Витю. Я даже сам могу за ним сходить. Только перестаньте долбить дом, ради Бога.

Витя появился через двадцать минут. Это был юноша пролетарской наружности за два метра ростом с лицом, не изуродованным работой мысли.

— Ага, — сказал он и простучал стены. Потом взял у измученного Алексея кувалду, велел всем отойти и одним ударом прорубил в перегородке дыру чуть правее того места, где за три часа едва наметилась ямка от дрели.

— Вот так. Тут дверь была. Сюда надо было бить.

За пять минут дверной проем был освобожден от хиленького силикатного кирпича, Витя сунул в карман честно заработанную поллитровку и ушел, довольный. Алексей с Маринкой прочихались от пыли, порас-

крывали окна и решились войти в узенькую комнатку с окошком-бойницей. Там стоял шкаф.

4 атмосферы.

Пыль лежала слоем в несколько сантиметров, она взлетела пушистыми лохмами, когда они вошли, и стала летать невесомо под потолком, словно стая призрачных птиц. В шкафу, древнем, дубовом, очень добротном, лежала единственная книга — «Сонникъ Егорова», изданная в 1895 году, большая, пожелтевшая от времени, в кожаном переплете с замочками.

Они все вычистили и отремонтировали, сменили в комнатушке рамы и стекла и сделали из нее комнату для чтения. Смешно и нелепо выглядели Набоков, Зощенко и Стивен Кинг в мягких обложках за резными стеклами старинного шкафа, глупо смотрелось набитое поролоновой крошкой кресло, совершенно не прижились полосатые шторы и красный коврик, но какой-то магнетический уют комнаты затмевал все — они постоянно торчали тут. Читали вслух «Мастера и Маргариту», пили чай, болтали, мечтали, как купят глупенького лопоухого котенка, как поедут в Карелию, как будут гулять по окраинам городка и разглядывать старые здания…

5 атмосфер.

Маринка снова улыбнулась. Ей нравилось вскочить утром и, пока не остыл еще сон, бежать к шкафу за «Сонником Егорова» и расшифровывать свои грезы.

«Если видишь себя на лошади среди нарядной публики ясным днем — быть тебе скоро на приеме в хорошей компании, если ты мужчина, или познакомиться с интересным человеком, если девица или дама».

«Найти на улице вещь из золота, украшение, часы или золотую монету — услышать признание в любви на всю жизнь или получить неожиданный и приятный подарок».

«Найти вещь, которую потерял — восстановить потерянную дружбу, любовь, брачный союз, помириться с врагом, обрести родственника».

Сонник был очень доброжелательный, плохих предсказаний в нем было мало, все больше — любовь, богатство, счастье, приятные сюрпризы и подарки. Каждое утро Маринка листала тяжелые страницы, ожидая хорошего. А сегодня опаздывала и не посмотрела.

Ей снилось, что по ночному небу прочертила пунктир падающая звезда и исчезла за какими-то заборами. Смеясь, она сказала Алексею:

— Полистай, если будет время, к чему снится падающая звезда? Может, меня переведут в старшие лаборантки?.. Или крыса старая Яковлева на пенсию, наконец, уйдет?

6 атмосфер.

Стекло барокамеры брызнуло в тот момент, когда Маринка нагнулась под стол за упавшим «штрихом», и в первое мгновение ей показалось, что взорвалась лампа дневного света, потому что осколки вдруг посыпались откуда-то сверху и забарабанили по спине и столу, как дождь.

— Ой! Мама! Блин… — Она выпрямилась и сразу вспотела от испуга. Камера смотрела на нее пустым, угрожающе ревущим нутром, и больше звуков не было, только этот негромкий, обиженный, натужный рев перегруженного аппарата. Секунду продолжалась пауза, потом с грохотом полетел распределительный щиток, и взвыла сигнализация.

Алексей с удовольствием поел и выпил чашку кофе. Утро было солнечное, без облаков, и не скажешь, что уже ноябрь. На улице сверкали блики в окнах, бродили голуби, стволы деревьев казались на солнце мягко-коричневыми, теплыми. Маринка еще не звонила, и он забрался под горячий душ. Сегодня в НИИ Экспериментальной Радиологии — короткий день, пятница, и значит, она приедет, самое позднее, в четыре.

Третий день он сидел на больничном, смотрел телевизор, спал, а заботливая жена варила ему клюквенные морсы, читала вслух книги и заставляла надевать теплый свитер. Падающая звезда ей приснилась. Может, и правда ее начальница, отвратительная склочная Яковлева уйдет все-таки на заслуженный отдых?..

Алексей вытерся махровым полотенцем, оделся и, позевывая в предвкушении отличного, уютного дня, побрел в «Комнату Икс» за сонником.

«Увидеть падающую звезду, комету — к быстрой смерти от неизлечимой болезни».

— Ничего не понимаю, — он перечитал строку и нахмурился. Неизлечимая болезнь? Это что же, СПИД, что ли? Хотя — в девятнадцатом веке, возможно, и от гриппа умирали пачками. Наверное, Маринка от него все-таки заразилась. Не надо было вчера целоваться. Но как же без этого?..

Усмехаясь, он задвинул сонник на полку и вдруг схватил снова и начал быстро листать, высматривая собственный сон. И сразу замерз.

«Если видишь себя заблудившимся в большой толпе, на празднике — для женатого мужчины или замужней дамы — овдоветь, для одинокого человека — потерять родителей».

Ему снилось, что на ВДНХ Маринка убежала за какими-то сладостями, а он бродил один среди людей и не мог найти главный вход, где она обещала ждать его. Заблудился. В большой толпе.

Запищал на кухне телефон. Замдиректора института Серега Федин отрывисто крикнул в трубку:

— Леш! У тебя какая группа крови?!

— Третья, а что?.. — Алексей услышал фон: топот, голоса, завывание сирены.

— А резус?

— Отрицательный. Сергей, у вас авария?..

— Я перезвоню, Леш! Не могу сейчас, извини!..

— Маринка… — начал Алексей, но связь сразу оборвалась.

Оделся он за три минуты, а через пять уже ловил на шоссе машину и совал водителю сотенную бумажку:

— Поселок Дружба, институт, знаете?..

— Садись.

Ее тащили по коридору, под руки, двое в скафандрах высокой защиты, и один из них, Толя Епифанов, техник, плакал. Шлем не давал вытереть слезы, и они ползли по щекам за воротник, щекотали.

Маринка успела замести осколки стекла и пробирок, собрать веником рассыпанный бурый порошок. Открыла воду, чтобы помыть руки, и тут в распахнувшиеся двери ворвалась команда с ядовито-желтыми баллонами и шлангами, в спецкостюмах — точно космонавты из фантастического фильма. Вода из крана не пошла — в здании уже перекрыли водопровод и вентиляцию.

За минуту до этого на центральном пульте замигала лампочка, и Сергею Федину доложили:

— Сигнал «Сквозняк» из третьей лаборатории.

— Категория?.. — у Сергея ухнуло куда-то вниз сердце.

— Первая.

Он отдал команду на закрытие переборок и изоляцию здания, не переставая крутить в памяти собственные слова, сказанные Алексею Лапшину полгода назад: «Леша. Я тебе за нее отвечаю. Все нормально будет. Там просто. Очень простая и безопасная работа».

И снова: «Леша, я тебе за нее отвечаю…»

— Где Яковлева?! — Он заорал на помощника и спохватился. — Извини. Где Яковлева? Она была в лаборатории?

— Нет.

— А где она, мать ее, была?! — От отчаяния у Сергея заболело внутри, как от удара.

Не ответили. Привели зеленую Яковлеву, которая пила чай на складе и стояла теперь с крошками печенья у рта, в ужасе таращась на начальника.

— Посажу! Скотина! Под суд, в тюрьму! — Сергей задохнулся, — Ты на кого лабораторию оставила, дура, на практикантку? Ты знаешь, где сейчас она, знаешь?!

Маринка стояла в дезактивационном душе, и слабые ее руки скользили по белому кафелю стены, пока двое терли резиновыми мочалками ее тело. Текла тушь с ресниц, мокрые волосы прилипли к щекам, развязался «хвост», и яркая резинка валялась в луже горячего мыльного раствора на полу, забытая.

У нее пошла носом кровь, и Толя Епифанов быстро запрокинул ей голову, но не помогло, кровь потекла в горло, и Маринка закашлялась. Прибежала врач Ольга, неузнаваемая в скафандре, затолкала ей в ноздри комки ваты, пропитанной перекисью водорода, открыла оранжевый чемоданчик. Выбирая ампулы, смотрела сквозь стекло круглыми глазами, застывшими и черными от страха. Поманила Толю, прижала свой шлем к его, чтобы слышать, крикнула:

— Доза какая?

— По счетчику, семьсот одномоментно.

— Что вы ее терзаете? — Голос Ольги сразу стал механическим. — Что толку? Уложите, дайте, укол сделаю.

Маринке укололи противорвотное, снотворное, дали выпить йодный коктейль, закутали в простыню и положили на кушетку в душе. Она уснула.

— Оля! — Толик вцепился в шлем врача и стоял с ней лоб в лоб, не давая отойти. — Никак не получится? Откачать?

— Как? Я не Господь Бог. Она умрет в течение двух часов. Мужу звонили?

— Но что-то можно сделать?

— Обменное переливание крови.

— И все?..

— Да уйди ты! — Ольга обеими руками отпихнула его и выбежала в закрытый коридор, подвывая. Они дружили. Вязали что-то, мужиков обсуждали, прически друг другу делали. Маринка у Ольги на свадьбе стоя-

ла с почетной лентой «Свидетель». Теперь фотоснимки свадебные в руки не взять, ведь там она — улыбается.

Ольга прошла дезактивацию, сняла скафандр, постояла под счетчиком. Час рыдала в медпункте, сморкаясь в полотенце. Потом ей стало плохо, и институтский шофер отвез ее на «уазике» домой — плакать дальше.

— Умерла, Сергей Сергеевич. — Помощник положил трубку внутреннего телефона. — Этаж законсервирован, людей вывели через запасной коридор. Никто больше не засветился. Начали обработку помещений. Вам таблетку дать?.. Может, я врачу позвоню?

— Какому врачу? На черта? — Федин расстегнул воротник. — Мне надо поговорить с Министерством. Спецсвязь дайте.

Институт был оцеплен военными в два кольца, автобусы с опущенными занавесками вывозили сотрудников, выруливая на шоссе на большой скорости — как убегали.

— Нельзя, — железно произнес рослый солдат, загораживая Алексею дорогу к воротам.

— С Фединым могу поговорить?

— А вы кто?

— Здесь работает моя жена, Лапшина Марина.

— Сотрудники эвакуированы.

— Леша! — негромко и как-то жалобно крикнули из кирпичного домика проходной. Федин стоял без куртки, с пляшущей в руке сигаретой, — Пройди, Леш… пустите его, он ко мне.

— Посторонних… — начал солдат, но Федин глянул так, что он смолк и посторонился.

Осень утекала в реки, в землю, в небо. Вместе с дымом котельных уходила в космос.

— Вы ссорились?

— Как все. — Алексей смотрел на безбрежный лес. Толстенький священник рядом с ним грел в перчатках руки, дышал паром, провожал взглядом летящую птицу. — Как все… — повторил Алексей и втянул с болью воздух. — Кто не ссорится? Да разве это важно, если я ее любил?

— Конечно, — кивнул священник. — И сейчас вы любите ее. Она об этом знает, и ей от этого спокойнее.

— Не верю я в загробную жизнь.

— И зря, сын мой. Неверие рождает цинизм, а цинизм — путь к душевной пустоте и отчаянию.

— Ее даже похоронить нельзя было по-человечески, — пробормотал Алексей, едва разлепляя губы. — Тело — радиоактивно… Гроб пустой закопали… Разве так можно?

— Сын мой. — Священник мягко тронул его плечо. — Не ожесточайтесь. Прошу вас. Никто не хотел вам зла. Ничего нельзя вернуть. Надо смириться и помнить. Я буду молиться за упокой ее души. Ей там хорошо — верьте в это.

Он верил только в то, что остался один. Вспоминал ее голос, словечки, лицо. Темные волосы, глаза шоколадного цвета, родинку на правой щеке, похожую на нарисованную слезу. Пришел домой и долго держал

на коленях вязаный свитер, еще пахнущий ее духами. Листал сонник. Спал на ее половине кровати. По утрам не хотел просыпаться и судорожно цеплялся за спасительный сон. Пил таблетки, чтобы все время спать.

И вдруг, перед рассветом, услышал.

— Лешка, любимый, солнышко мое, — тихо сказала она и погладила его по лицу. — Как я скучаю, если бы ты знал…

Они стояли на берегу полноводной весенней реки, несущей куда-то ломаные льдины. Маринка была в своей любимой меховой куртке, в варежках, улыбалась.

— Как приятно тебя видеть. — Она снова тронула его щеку теплой рукой. — Ты так похудел, выглядишь плохо… Скучаешь по мне?

— Да! — Он поймал ее ладонь, прижался к ней губами сквозь варежку. — Где ты?

— Здесь. — Она оглянулась на реку, на луг в черных проталинах, на бледно-голубое небо. — В мире вечной весны. И у меня все хорошо, не думай. Только скучно без тебя. А так — нормально. Ты иногда сидишь в той комнатке?

— Каждый день. — Он обнял ее, почувствовал биение сердца. — И я храню твои вещи. Твоего медведя недавно пылесосил.

Маринка засмеялась:

— Какой ты замечательный… Столько времени прошло. У тебя есть девушка?

— Нет.

— Почему?

— А зачем? Тебе — двадцать лет, ты хоть понимаешь, что значит любовь? Я в двадцать, наверное, тоже не понимал. Думал: умер кто-то, ну так ведь ничего не поделаешь. Жизнь продолжается. А теперь мне — тридцать пять, и я не вижу никакой жизни. Так, существование.

— Но ведь и правда ничего не поделаешь…

— Марин! Ты мне скажи. Как я могу быть с тобой? Что сделать? Тоже умереть?

— Глупость какая! Живи. Ты должен быть счастливым, Леша.

— А ты?

— А мне хорошо. Я чувствую себя спокойно. И буду тебя ждать, там, на лугу. Просто буду сидеть и ждать тебя. Мы же увидимся. Только не сейчас.

Проснулся он на совершенно мокрой подушке и вскочил за сонником.

«Увидеть реку и луг на той стороне — обрести потерянное», — сообщила ему книга.

После Нового года, хмурым вечером, он ждал автобус и увидел женщину своих лет, нагруженную сумками и свертками. Она стояла изможденно, без сил, смотрела в мутную даль в ожидании автобусных фар, а проезжали одни легковушки.

— Давайте помогу. — Алексей отобрал у нее поклажу, проголосовал, остановил «жигуленок». — Вам куда ехать?

Оказалось — почти соседи. В пути стали болтать, и она рассказала, что живет с двумя детьми, сыном и дочкой, в общежитии ткацкой фабрики, работает технологом, муж-дальнобойщик погиб в аварии прошлой зимой.

Беда сближает. Позвал ее в гости, напоил чаем, стесняясь по-холостяцки пустого холодильника. Рассказал про Маринкину страшную смерть, когда ее, уже почти бесчувственную, волокли в душ, зная, что это бесполезно, а потом положили, как куклу, и ушли. Женщина ахала, сопереживала, даже заплакала немного.

Ее звали Валентина, но она просила звать просто Валей. Было в ней что-то стабильное, прочное, как дом, как мир вокруг, и Алексей пригласил ее снова, через день, а потом познакомился с детьми и решился — позвал насовсем.

Мальчику было четырнадцать, девочке — пятнадцать. Они перегородили шкафом большую комнату, а Алексей с Валентиной поселились в маленькой. Только в «Комнате Икс» никто не жил, там все так же стоял старый шкаф и лежал на полке сонник, которым теперь, для смеха, пользовались все.

Квартира ожила, даже обои стали ярче. Алексей снова спешил домой, радовался свету в окнах, покупал подарки.

Валя попросила только об одном: снять со стен Маринкины фотографии.

— Как увижу, сразу вспоминаю все это… как ее тащили… — жаловалась она.

Алексей согласился. Действительно, тяжело.

Весной два события тряхнули его душу. Первое: опять приснилась Маринка. Второе: Валя сказала, что ждет ребенка.

Маринку он увидел, как и в прошлый раз, на рассвете. Она стояла на том берегу, далеко, и смотрела без улыбки. Он услышал голос, очень ясно, словно она была рядом:

— Привет, Леш.

— Что ты такая? Что случилось? — тревожно спросил он и сразу устыдился своего вопроса. Конечно, случилось. Раз и навсегда.

— Все хорошо, — она чуть развела руками. — Просто скучаю. Хандра такая. Особенно в те моменты, когда ты забываешь обо мне.

— Я никогда о тебе не забываю, — уверенно возразил Алексей и осекся. Да, случались моменты. Он забывал. Любил, но забывал. Редко.

— Ты счастлив?

— Не знаю. Понимаешь, я люблю тебя. Но тебя нет. Что мне делать?

— Жить. Как можешь.

— Ты обижаешься, что я живу с Валей?

— Нет. Только не позволяй ей трогать мои вещи, пожалуйста. Лучше выкинь их сам.

— Никогда! — испуганно вскрикнул он и, вынырнув из сна, сразу подумал, что все это правда, вещи Маринкины действительно стали куда-то исчезать, прятаться по углам, таять. Какую-то одежду он видел на Валиной дочери, с плеером ходил сын, феном пользовалась сама Валя. Пропали альбомы с открытками, книги, кассеты. Давно не видел плюшевого медведя. Все растворялось в его новой семье, как в кислоте, и остановить это было невозможно, как невозможно остановить жизнь.

Он устроил скандал, и Валя, испуганная, в слезах, швырнула ему какие-то коробки и забилась в ванную. Пришлось успокаивать, говорить нежные слова, гладить по голове. И она сказала, что будет ребенок. Маринка никогда не думала о детях, а оказалось — все так просто…

Встретил постаревшего Сергея Федина, разговорились.

— А так все в порядке. — Алексей шагал по весенней грязи рядом с другом. — Ты что-то пропал, не заходишь…

— Я тебе за нее отвечал, — глухо возразил Федин. — А это правда, что ты снова женился?

— Мертвых не воскресить.

— Быстро ты как… Прости. Я-то кто, чтобы судить? Не уберег. Убить меня мало за такое.

Алексей поглядел на него. Федин был угрюм и, кажется, начал пить. Что-то в лице говорило об этом. Расстались прохладно.

Он остановился под своими окнами и долго стоял, глядя вверх. Вздохнул. Грязь уже подсохла, и ему вдруг захотелось сесть сейчас на первый попавшийся автобус и ехать до тех пор, пока не покажется из-за поворота холодная река и луг на той стороне. А потом выйти и идти в никуда, в сказку, где возможно чудо, и родные теплые ладошки могут вновь, как раньше, коснуться его щек.

«Я тебя любил. И еще люблю. Это — часть души, никак теперь не отказаться. Что мне делать? Забери меня к себе или отпусти. Я стал отцом семейства, мне плакать по тебе не положено. Маринка, ау!»

Купил целую авоську пива и расставил батареей в холодильнике. Жизнь несовершенна. Так пусть она будет легка…

В конце ноября, год спустя после смерти Маринки, у него родилась дочь. А он не мог заставить себя встать с кровати и поехать в роддом, мучило тяжелейшее похмелье.

Заглянул пасынок, сверкнул глазами почти с ненавистью:

— Па, ты поедешь? Опять нажрался!..

Дети уехали без него. Вернулись растерянные. Шептались в коридоре, шикали друг на друга. Потом зашла дочь.

— Слушай, тебе надо поехать. Маму успокоить. Она в истерике.

— Почему? — безразлично спросил он, изучая потолок.

— Девочка родилась странная.

— Урод, что ли? Так я тогда не пил…

— Не урод, — девушка помялась, тиская в руках какую-то бумажку. — Тебе посмотреть на нее надо. Она… она, в общем…

Поехал. Валентина глянула так, что он отвернулся и потребовал показать ребенка. Повели по белому коридору, остановили у ячейки с номером.

— Вот, папаша, пожалуйста. Отличная девочка, я не понимаю, чего мамаша психует. — Веселая медсестра средних лет поправила на детской головке ситцевую косынку, чтобы было лучше видно. — Красивенькая, вырастет, артисткой станет.

Из ячейки, из вороха сероватого казенного белья, глядели глаза, знакомые, шоколадные, в длинных ресницах, огромные и ясные; они останавливались то на Алексее, то на сестре, то на потолке. Родинка на правой щеке, похожая на слезу, была еще бледной, бежевой, но обещала в будущем стать такой, как надо. Все было хорошо.

— Привет, Маринка! — Алексей улыбнулся, и ребенок пискнул.

— Ну, что? — весело прищурилась сестра. — Берете?

— Беру, — покивал он. — Как раз то, что я хотел.

— Ну, и ладненько.

«Обязательно надо бросить пить, — подумал он. — И медведя найти, черт бы его побрал. Где я его последний раз видел? На антресолях, вроде. Сейчас приеду и поищу. И купить надо столько всего, одежек… Боже мой, сколько теперь забот. Как это здорово…»

Он постоял еще, посмотрел. Хмыкнул и пошел на выход, думая обо всем сразу. ❑

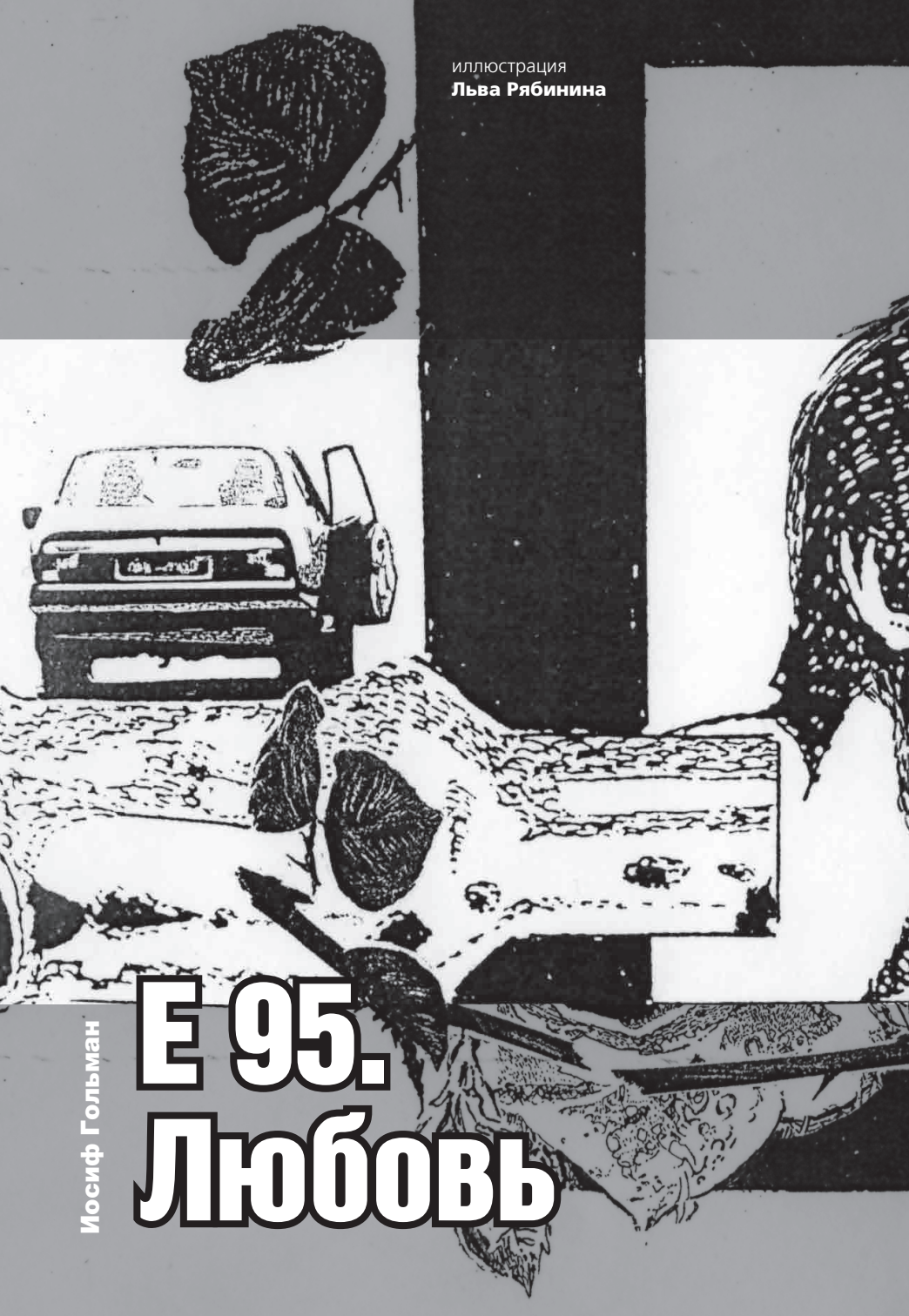


иллюстрация
Льва Рябинина

Иосиф Гольман

Е 95. Любовь

1

Сергей Петрович Фролов аккуратно припарковал свой старый «форд» к высокому бордюру и, не торопясь, направился к заведению. Торопиться он никогда не любил, в отличие от своих дружков, а по мере приближения к «полтиннику» его походка и вовсе стала степенной.

Вот и она, родимая. Или — оно? Называлось заведение все время по-разному — то столовая, то кафе, а теперь вот — кафе-бар, но суть его оставалась всегда единой: выпить и закусить. Разве что в советское время здесь выпивали тайком принесенное с собой и разлитое под столиком. Нынче, с появлением качественных и недорогих стройматериалов, все стало выглядеть представительней, а кухня, кстати, не отличавшаяся изысканностью, всегда была здесь достаточно вкусной.

Прямо у входа в бар стоял спортивный велосипед, примотанный цепью с замком к стройному тополю.

«Значит, Алеха уже тут», — отметил про себя Фролов. Узнать Алеху по его велосипеду можно было и десять, и тридцать лет назад. Понятное дело, опять-таки с поправкой на текущий момент: сначала это были советские «велики» (последний из них, шикарный и дорогой — аж за 93 рубля! — «Турист» с переключением передач, они отвоевали в «спортмаге» на Авиамоторной у целой толпы вьетнамских студентов, которые пачками вывозили двухколесный транспорт на родину). Потом — импортные. А сейчас, наверное, уж какой-нибудь совсем навороченный: Фролов лично наблюдал, как Леха перепрыгивал на своем дрыне через садовую лавочку.

«Вот ведь старый дурак!» — подумал о дружке Сергей Петрович. Навернется когда-нибудь наверняка, и хорошо, если шею себе не сломает.

Фролов печально вздохнул: жизнь подошла к тому порогу, когда потеря дружка становится уже похоронами изрядной части себя. Потому что новых дружков завести теперь — вряд ли. Так же, как вряд ли когда повторятся детские годы и веселые институтские денечки.

«Ох-ох-ох», — прокряхтел Сергей Петрович, поднимаясь по ступенькам крыльца. Ступенек было пять, когда-то — щербатых и без краев, нынче — аккуратно подлатанных и покрашенных.

Фролов ступеньки не считал, просто столько раз по ним поднимался, что ощущал их автоматически. И вообще, по зальчику он мог бы с закрытыми глазами ходить.

Леха действительно уже сидел за столиком, их любимым столиком у окна. Больше в заведении никого не было, даже персонал куда-то попрятался.

— Ну, ты, как старая перечница, ходишь, — с досадой встретил его дружок. — Голова — вниз, брюхо — вперед, и очень-очень не торопясь.

— Это тебе постоянно двадцать, — беззлобно огрызнулся Фролов. — А мне чуток побольше.

— Если б ты поменьше жрал и побольше двигался, тебе тоже было бы двадцать, — продолжал резать матку-правду Леха. Он уже давно и безуспешно пытался приобщить Фролова к здоровому образу жизни.

— Каждому — свое. — Сергей Петрович уселся за столик и платком вытер вспотевшую лысину.

На самом деле, здоровья ему еще хватало — например, ближайшие десять часов после ланча с друзьями он собирался провести за рулем, катя по отнюдь не хай-вею в северную столицу. Но держать грудь колесом ему просто было лень. Да и не для кого. Это раньше перед девками гоголем ходили. А теперь перед кем выпендриваться? Перед Лехой, что ли?

— А где наш Паша? — с ударением на втором слоге произнес имя третьего дружка Фролов.

— Отзвонился, что задерживается, — ухмыльнулся Леха. — Путин, наверное, вызвал. Пятки почесать. — Леха как старый демократ не любил ни Путина, за которым подозревал привычные диктаторские замашки, ни нынешней работенки их третьего друга Павла, который, по мнению Фролова, сделал отличную карьеру в медийном бизнесе, а, по мнению Лехи, продал душу Мамоне, причем — не задорого.

Впрочем, такая оценка не мешала ему непроизвольно радоваться при появлении Павла Кудряшова, или Паши (именно с ударением на втором слоге, потому что Кудряшов всегда, еще с юности, демонстрировал окружающим свое вельможное внутреннее самоощущение).

— Сказал — «черт», он и появился, — заметил Леха, бросив взгляд в окно.

Там, пытаясь угнездиться у бордюра, уже парковался чудовищных размеров черный джип североамериканской выделки. Не сумев влезть в щель, джип просто переполз высокий бордюр и встал прямо на газоне под тополем.

— Хозяева жизни, — прокомментировал Леха-велосипедист появление своего дружка-джиппера.

А вот и он сам. Открыл водительскую дверь, — ловкий, стройный, седина лишь придавала ему дополнительного шарма, — легко спрыгнул с высокой подножки и пружинистой спортивной походкой направился к заведению. Увидев в окно лица друзей, радостно помахал им рукой, но тут же перестроился, подняв вверх только один, средний, палец. Они немедленно ответили ему тем же: это у президента Паша — главный пяткочесатель, а для них — старый дружок, с которым столько прожито и выпито, что никаким модным ультрафиолетом не прикрыть того, что они могут прочесть по его наглой роже.

— Здорово, придурки, — приветствовал их Паша, подтаскивая третий стул к столику.

— Видишь, как власть относится к бизнесу? — повернулся Алеха к Сергею Петровичу. — И даже не скрывает своего отношения.

Алеха и в самом деле был бизнесменом: владел крошечным офсетным станком чешского производства, который в свое время вывез с полиграфической помойки за какую-то символическую сумму. Теперь, приведенный в порядок и обслуживаемый умелыми Алехиными руками — он еще по совместительству и печатником у себя самого работал, — станок реально приносил хозяину доход, достаточный для сносной «велосипедной» жизни.

— Власть дается людям свыше, — улыбнулся Сергей Петрович. — И ее надо уважать, какой бы она ни была.

— Да какая Паша власть? — отмахнулся Алеха. — Он — при власти. Угадывает струю — все пучком. Не попал — выкинули за борт. А ведь стихи когда-то хорошие писал! — не вполне в тему укорил он друга.

Кудряшова же все это абсолютно не трогало: он уже перемешивал принесенный официантом зеленый салат, старательно орудуя столовой ложкой и вилкой одновременно.

— Нет, ты подумай, — не успокаивался бизнесмен-велосипедист, — эти «черные полковники» — как медведи в посудной лавке: СМИ загробили, «нефтянку» тоже скоро загробят. Вы там, что, не понимаете, что это все в России уже проходили?

— Отстань от него, Лех, — вступился за Пашу Сергей Петрович. — Он что — президент? Он, что ли, политику определяет?

— Раз в правительстве сидит, значит — определяет.

— Вот ваши победят, — захохотал Кудряшов, — ты меня по погребам прятать будешь. Или за огурцы свои побоишься? — Леха и его жена Маша слыли непревзойденными мастерами засолки собственноручно взращенных огурцов.

— Для тебя мой погреб всегда открыт, — усмехнулся Алеха. — Да я все ваше правительство вместе с вашим президентом спрячу, лишь бы вы стране не вредили. Черт с ними, с огурцами.

— Ну, нет, — не согласился обычно на все согласный Сергей Петрович. — Огурцы — это святое. И ты, паразит, их, конечно, забыл.

— Я никогда ничего не забываю, — обиделся Алеха и полез в свой шуршащий пластиковый пакет. Оттуда он достал две банки, маленькую и побольше, обе плотно набитые крошечными, в палец, пупыристыми огурчиками. — Одну здесь смолотим, вторую с собой возьмешь. Ты ж, гад, свой день рождения от друзей зажал.

— Да ладно тебе, — отбоярился Сергей Петрович, которому через день действительно подходила предъюбилейная дата. — Не мог же я питерскую выставку перенести.

— К другу-министру бы обратился, — не мог успокоиться Леха. — Они там все могут. Взяли бы да отменили вашу выставку. Хоть одна их дурь была бы для нашего удовольствия.

— Ага, — ехидно подметил Кудряшов, закончивший возиться с салатом. — Значит, для собственного удовольствия можно и чей-то бизнес закрыть?

— А я и не говорил, что я идеален, — своеобразно оправдался представитель малого бизнеса.

Ну вот, застолье и началось.

Вроде бы толком ни о чем и не говорили. Ничего такого умного не обсуждали. Даже водку не пили — один трезвенник и два автомобилиста.

А было хорошо. Как будто сложились части какого-то единого механизма.

— Вот «полтинник» на следующий год торжественно отметим, — пообещал Сергей Петрович, испытывающий некоторое неудобство от того, что зажал-таки от друзей свой день рождения.

— Да, первенький грех пропустить, — согласился Алеха. Он и Кудряшов были на два года младше Фролова, который до вуза успел отслужить в армии.

— А не страшно? — вдруг спросил — похоже, неожиданно для себя самого — Паша.

— Чего? — даже не понял поначалу Сергей Петрович.

— Ну, стареть, — с некоторым усилием сформулировал-таки вопрос Кудряшов. — А то мне иногда не по себе становится.

— Вот ерунда, — вскинулся вместо Сергея Петровича Алеха. — Нормальным людям стареть не страшно. Потому что естественно.

— Ты молчи, — отмахнулся от него Кудряшов. — Ты как Машку свою на первом курсе схватил, так, кроме нее, никого не видишь.

— А нормальному человеку больше одной женщины и не надо! — разгорячился Леха, и по сей день обожающий свою маленькую, худенькую, рано поседевшую и никогда не красившуюся Машку. — Лично я только Машку и хочу. Мне чужого не надо.

— Да ты просто мещанин какой-то, — ухмыльнулся Кудряшов. — Бизнесмен-одностаночник.

— Ну, ты… — задохнулся оскорбленный в лучших чувствах Леха. — Ты сам-то сколько минут в неделю на секс тратишь? Пять? Десять? И под эти минуты всю жизнь строить?

— А скоро и на месяц пяти минут хватит, — погрустнел Фролов, для которого уже давно гендерные проблемы не были главными проблемами жизни. Так, конечно, женщины были. В основном, старые знакомые, его же возраста. А к новым он и подойти-то не знал как. «Племя младое» было и в самом деле незнакомым.

Они сидели уже больше часа, а расходиться не хотелось. Лишь Сергей Петрович, которому предстояла дальняя дорога, пару раз глянул на часы, но друзья однозначно заявили, что прекращать «загул» еще рано.

Они закончили с замечательным люля-кебабом, и официантка принесла им очень вкусное пирожное, местного же изготовления, и очень горячий чай.

Друзья пили его крошечными глотками, чтоб не обжечь губы, и закусывали опять же крошечными кусочками пирожных — чтобы в полной мере прочувствовать их вкусность. Разговор потихоньку затихал — не потому, что не о чем больше говорить, а просто снижался градус общения.

Теперь уже и Леха пару раз посмотрел на свою древнюю, но еще тикающую «Победу» — на ремонт этого старья денег уходило больше, чем на новые китайские, но — любил человек древности. Кудряшов тоже время от времени взглядывал на свои дорогущие швейцарские, однако и ему вставать, видимо, не хотелось.

А за окном погодка тем временем портилась. Тучки собрались, дождик начал накрапывать.

— Лех, как же ты на своем дрыне под дождем? — забеспокоился Кудряшов. — Хочешь, я тебя подкину? У меня вовнутрь «Запорожец» войдет, не то что велосипед.

— А мне не надо, — отмахнулся Леха, пребывавший после вкусной пищи и приятной беседы в необычном для него благостном состоянии. — Мы, мелкие бизнесмены, от дождика не таем, не сахарные.

— Ты уж точно не сахарный, — согласился Кудряшов.

И в этот момент в кафе вошла она.

2

Фролов и сейчас, отъехав по плотно забитой трассе, почти «пробке», километров тридцать от Москвы, никак не мог поверить, что девушка, поразившая всех обитателей кафешки — (скорее, все-таки, молодая женщина: лет ей было,

видимо, к тридцати) — сидит сейчас справа от него, на расстоянии вытянутой руки.

Нет, молнии при ее появлении небосвод не пробили, гром не грянул.

Но эту девушку уж точно сразу заметили все. Кстати, обитателей кафе к ее приходу стало, — возможно, из-за дождя, — заметно больше, и за каждым из пяти столиков уже сидели люди.

И вроде юбка на ней не была слишком короткой — наоборот, лишь немного выше колена. И блузка была достаточно строгой, хоть и подчеркивала деликатно все особо значимые для мужчин элементы хорошо сложенной женской фигуры.

Наверное, главное, все-таки, было в выражении лица, строгого и красивого одновременно.

Некое отрешенное состояние, которое так привлекает внимание романтически настроенных представителей сильного пола.

Конечно, троицу друзей — может, кроме Кудряшова — сильно романтическими было уже не назвать, однако и они уставились на девушку с нескрываемым интересом.

Впрочем, не только они.

Многие инстинктивно подвинулись, освобождая местечко таинственной незнакомке. Но только Кудряшов легко бросил вверх свое спортивное тело и сделал ей прямое и недвусмысленное предложение:

— Девушка, давайте к нам. Мы будем вам очень рады.

Фролов даже позавидовал, как легко Паша все это произвел. Он бы так точно не смог.

А девушка улыбнулась и очень грациозно присела за услужливо подвинутый Кудряшовым стул.

Далее все было, как в сказке.

В кафе она зашла действительно из-за дождя. Ну, и потому, что не успела позавтракать.

Но главное было не в этом. Главное заключалось совсем в другом. Опытный политикан Паша быстренько разговорил даму, в результате чего выяснилось, что следующей ее целью был… Ленинградский вокзал!

Потому что — белые ночи, и потому что незнакомка не пропускала ни единого июня, чтобы не погулять по аномальным, напрочь лишенным привычной ночной темноты, питерским улочкам и проспектам.

А зачем человеку поезд, если у него есть автомобиль? Тем более, что на поезде — с учетом заморочек с городским транспортом и билетами — к тому же, получится дольше.

Фролов еще раз искоса взглянул на Лиду — а ее звали именно Лидой — и снова испытал давно забытое чувство какого-то полуживотного счастья.

Не то что бы он питал на ее счет некие намерения — Сергей Петрович никогда не испытывал иллюзий, тем более сейчас, сидя в одиннадцатилетнем «форде-мондео», в котором не было кондиционера, АБС и много чего еще из новомодных недешевых штучек. Зато было зеркало заднего обзора, в котором Фролов легко мог наблюдать свое собственное отображение, и оно — впервые за последние годы — его обидно разочаровывало. Особенно с учетом того, что в этом же зеркале, чуть наклонив голову, можно было увидеть и лицо его попутчицы.

И все равно это было огромным удовольствием: ехать с ней рядом — пусть даже в старом «форде», пусть даже без шансов. Здорово — и все.

Что-то в этой девушке было.

Фролов даже порадовался, что с ними не поехал Паша. Никогда Сергей Петрович не завидовал другу и уж тем более не желал ему ничего худого, но сейчас ему было бы неприятно, если бы Кудряшов завел с Лидой очередной, стремительный и успешный, роман, оставив для Фролова печальный удел поджидать счастливую парочку где-нибудь возле придорожного мотеля.

А что, и такое было, лет десять назад, по дороге в Севастополь, куда Паша и Сергей поехали на недельку отдохнуть и порезвиться. И тоже была незнакомка-попутчица, только не Лида, а Таня. И даже «мондео» был тот же, по тем временам — очень крутой, почти новенький и еще принадлежавший Паше, узнаваемому в лицо, успешному политическому обозревателю центрального телеканала.

Но тогда Фролова это никак не задело, он даже порадовался за ушлого дружка — ведь и подружкой Паши согласилась стать не сегодняшняя прекрасная незнакомка.

«Ох, Фролов, Фролов… — сам себя укорил за такие мысли Сергей Петрович. — Уймись, не желай того, чего нельзя достигнуть. И не жалей о том, чего нет».

В этот момент зазвонил его сотовый.

— Да, — ответил Сергей Петрович, грубо нарушая правила дорожного движения: одной рукой держа руль, а другой — прижимая телефон к уху.

— Ну, как вы там? Едете? — услышал он веселый голос Кудряшова.

— А куда мы денемся? — обрадовался Сергей Петрович.

— Ты все же гад, что свой ДээР зажал, — заметил Паша.

— В следующем году реабилитируюсь, — пообещал Фролов.

— Но, тем не менее, подарок послезавтра получишь, — пообещал Кудряшов.

— Вы что, приедете в Питер? — обрадовался Сергей Петрович.

— Вряд ли. Просто передам. Ну ладно, меня зовут. Смотри, не засни на трассе.

— Постараюсь, — улыбнулся Фролов.

Вот и ответ на вопрос Паши.

Наверное, стариться не страшно, когда рядом друзья. Конечно, еще лучше, когда как у Лехи — рядом еще жена и дети. Но — что есть, то есть: он, Фролов, был брошен своей единственной любимой, безжалостно и невозвратно. Паша, наоборот, имел десятки любимых — он вообще влюблялся быстро, — которых потом то сам бросал, то они его покидали. В итоге, тоже жил бобылем. И что тут поделаешь?

Хорошо, хоть друзья остались.

Эти уж точно навсегда.

Философские мысли оборвал большой черный «БМВ». Несмотря на то, что ехали по Солнечногорску, Фролов держал на спидометре «80». «Бимер» же обогнал их, как стоячих. И мало того — еще и грубо подрезал, хотя, после подмосковных пробок, здесь дорога была уже совсем свободной.

— Он не со зла, — улыбнулась Лида.

— А зачем? — спросил Фролов. — Я в таких случаях никогда не понимаю — зачем?

— Самоутверждается, наверное, — предположила девушка.

— Наверное, — согласился Сергей Петрович, а сам подумал о том, сколько же он, автолюбитель с тридцатилетним стажем, повидал таких вот самоутверждающихся: и с крутым ревом проносящихся мимо, и с размозженными головами лежащих в своих смятых «тачках».

— Сдохнет — не жалко, — вдруг произнес он. — Но ведь и других за собой потащит.

Лида ничего не ответила.

3

— Сколько раз здесь езжу, — прервал затянувшуюся паузу Сергей Петрович, — а в пару мест так заглянуть и не смог.

— Каких? — полюбопытствовала попутчица.

— Ну, вот мы сейчас озеро Сенеж проехали. Километров пять справа. Тысячу раз о нем слышал, доехать — десять минут, а все никак не складывается.

— Ну, так давайте заедем, — предложила девушка. — Нельзя оставлять за спиной нереализованные мечты.

— А у вас все мечты реализованы? — улыбнулся Фролов.

— Пока нет, — тоже улыбнулась девушка. — Но я стараюсь. — И тут же спросила: — А, кроме Сенежа, куда не смогли попасть?

— Еще — Ильмень, — обрадовался Сергей Петрович теме. — Говорят, самое крупное озеро Европы. Или второе по величине. Но самое чистое — точно.

— Столько промышленности — и самое чистое? — усомнилась Лида.

— А там совершенно уникальные особенности. Я о нем все перечитал. Это и не озеро даже. Котловины как таковой нет, просто понижение дна. И в эту гигантскую низину втекают сразу с десяток крупных рек. А вытекает только Волхов. Вода за несколько дней полностью обновляется, поэтому и чистая. А берега такие ровные и пологие, что раньше, когда компасов не было, рыбаки по шесту определялись.

— Это как же?

— Если глубина уменьшалась — значит, к берегу. Если росла — значит, в море. Они его морем называли.

— Мелковато для моря, — усомнилась Лида.

— Для человека и 10 метров глубоко. А шторма на мелководье еще опаснее.

— Вы прямо поэт Ильменя, — засмеялась девушка. — Чего же не заедете?

— Да неудобно расположен, — с досадой ответил Фролов. — Из Москвы когда еду — уже вечер, и так обычно ночь прихватываю. Из Питера, после выставки, — тоже в ночь. Надо, конечно, заехать.

— Ну, так, давайте, заедем. Подумаешь, на пару часов позже докатим.

— Вы просто молодец, — обрадовался Сергей Петрович. — Взяла и решила. А то бы я до конца жизни Ильменя не увидел.

Денек тем временем разгуливался. Они покинули зону дождя, голубое небо сначала изредка показывалось в разрывах туч, а потом и вовсе заняло все пространство, лишь обрывки облаков еще напоминали о плохой погоде.

Впрочем, Фролов не обольщался: он знал, что до Питера погода может смениться не раз.

Так, под разговоры, проехали Клин, который для Фролова-автопутешественника почему-то ассоциировался не с великим композитором, а с огромной длинной трубой в грязно-серой теплоизоляции, вдоль которой приходилось ехать чуть ли не с километр. И еще с кучей светофоров, которые — после трассы — вызывали еще большее раздражение, чем в Москве.

Впрочем, Фролова сейчас все гораздо меньше раздражало. Он знал, почему.

Ответ сидел справа от него. Не поворачивая головы, боковым зрением можно было видеть в профиль спокойное точеное лицо, чуть ниже — обтянутую темным трикотажем небольшую, но красивую грудь, слегка приоткрытую сверху. А чуть опустив глаза, Сергей Петрович с удовольствием мог наблюдать круглые — не полные и не худые, а в самый раз — коленки в тонких светлых колготках. Фролову вдруг ужасно захотелось дотронуться до них рукой. Погладить ласково и нежно.

Он даже представил себе ощущение в пальцах и ладони, когда проведет ими по гладкой нежной коже, не защищенной тончайшим капроном.

Взглянул еще раз на ее лицо и …натолкнулся на улыбчивый взгляд.

«Неужели догадалась, о чем старый дурак размечтался? — ужаснулся Фролов. — Но если даже и догадалась, то виду не подала».

Ямуга, Спас-Заулок, Завидово — пролетали мимо знакомые названия. Вот уже и стеллажики деревянные, самодельные, появились, на которых местные жители торговали всевозможной рыбой: от леща и воблы до осетрины и угря.

— Хотите рыбки? — спросил он попутчицу. — А то можно остановиться.

Спросил — и сам себе удивился. В жизни никому не разрешал жрать вонючую рыбу в любимой машине — да и не рыбу даже, а просто бутерброды, чтобы крошки не сыпались. Запрет действовал для всех, включая Леху с Пашой. А тут — сам предложил.

«Еще влюбиться не хватало на старости лет», — с некоторым смущением подумал Сергей Петрович.

Чтобы отвлечься, он вспомнил свою старую знакомую, Елену Григорьевну, из их же типографии. Даме было лет сорок пять — очень еще даже ягодка, следуя народной возрастной классификации.

С ней Фролову было просто и удобно. Женщина она тоже была одинокая, о встречах договаривались заранее и без особых церемоний.

Елена Григорьевна приходила с разными вкусностями и любила сначала поговорить. Раньше она его принесенными вкусностями сразу и кормила, но однажды Сергей Петрович, не рассчитав силы, так наелся ее разносолами, да еще запив отличным, подаренным ему Пашой, коньяком, что позорно заснул, а на ночь Елена Григорьевна не оставалась по принципиальным соображениям, дабы, как она говорила, не замутить бытом ощущения праздника.

Но сейчас Фролов точно бы не променял гарантированные радости с Еленой Григорьевной на явно теоретические удовольствия от общения с Лидой.

«Ну и пусть», — решил Сергей Петрович. К тому же — это уже было из области рационального — из-за его ни к чему не ведущего увлечения молодой девицей Елена Григорьевна никуда не исчезнет. Останется, так сказать, про запас.

Лида от предложенной рыбы отказалась, только спросила, откуда здесь все эти рыбные удовольствия.

Ответ не заставил себя ждать. Фролов даже фразу не успел выстроить, как «форд», бежавший не быстро, но накатисто, без торможений и остановок, уже подъезжал к большой воде.

— Шоша, — прочла Лида название реки, более похожей на озеро или водохранилище. Из огромного водного зеркала то тут, то там росли островки, некоторые — пустые, из некоторых торчали мачты электропередач.

Оживляли картину и несколько рыбачков на различных плавсредствах: тут и катерок виднелся, и деревянные лодки, и мальчонка, забросивший удочку, угнездившись на огромной камере от большого грузовика.

Все это было доступно глазу в течение буквально нескольких минут, но Фролов успел получить очередную порцию удовольствия — он всю жизнь, сколько себя помнил, обожал большую воду.

Может, поэтому ему так нравились командировки в Питер, где выставки проходили совсем рядом с морским портом, и при желании можно было прямо из павильона разглядеть большие черно-ржавые бока сухогрузов, и пафосные многопалубные пассажирские лайнеры-паромы, которые, когда вставали к причальной стенке, часто оказывались выше самого здания морвокзала и торчали из-за него своими трубами и мачтами.

— А я подумала — это Волга, — удивилась размерам Шоши Лида.

— Нет, Волга будет дальше, перед Тверью и в Твери, — ответил Фролов. — И, по сравнению с Шошей, она выглядит не круто. Кстати, вы не стесняйтесь, если нужно остановиться, скажите, — вдруг вспомнил он о дорожной вежливости.

— Скажу, — улыбнулась Лида, — не постесняюсь.

Нет, с ней определенно было легко и хорошо. Молодец, все-таки, Паша, что заарканил для него такую попутчицу.

— А чем вы занимаетесь? — спросил он Лиду. Имена друг друга они узнали еще в Москве, но на этом знакомство и закончилось.

— Чем только ни занимаюсь, — невесело улыбнулась девушка.

— Давайте переформулируем вопрос, — поправился Фролов. — Чем бы вы хотели заниматься?

— Чему учили — тем бы и хотела, — задумчиво ответила она. — Литературой, наверное.

— Вы — писательница? — догадался Сергей Петрович. Что-то в этом роде он про нее и предполагал.

— Нет, конечно, — рассмеялась Лида. — Придумать сюжет — для меня просто невозможно. Мне нравится литературоведение. Размышлять про уже написанное — это с огромным удовольствием.

— А… этим можно заработать? — осторожно спросил Фролов, никогда не общавшийся с представителями подобных профессий.

— Вряд ли, — подумав, ответила Лида. — Только для души.

— Значит, что-то еще должно быть для денег. Мелкий бизнес. Или муж, — неловко пошутил Сергей Петрович.

— Лучше уж мелкий бизнес, — вздохнула девушка.

— Почему так?

— Потому что замужем я уже была. Сподобилась.

За беседой Фролов даже не заметил, что они сначала замедлили ход, а потом и вовсе встали, попав в конкретную, глухую «пробку». Водители выходили из кабин, смотрели вперед, но, судя по их хмурым взглядам, ничего интересного они там не выглядели.

«Пробка» на трассе — еще похуже московской: там хоть понятно, в чем дело и какие перспективы. А здесь, на еще десять минут назад пустом шоссе, на подъезде к селу со смешным названием Эммаус, — это было вне понимания, и соответственно — куда более неприятно и тревожно.

В другое время Сергей Петрович уже бы бешенством исходил, почти становясь на позиции революционно настроенного друга Лехи — особенно, если «пробки» возникали из-за проезда какого-либо сановного вельможи, которых ныне развелось больше, чем при Леониде Ильиче.

Но сейчас, в приятной компании, Фролов не нервничал абсолютно. Нравилось ему быть в одной машине с Лидой.

Нравилось — и все.

4

Поняв, что остановка — надолго, Фролов заглушил двигатель, опустил передние стекла и даже люк открыл — на стареньком «форде» он тоже имелся.

Большинство соседей поступили так же, и, в результате, через раскрытые окна в салон ворвался не аромат бензинового выхлопа, а очень даже приятная лесная свежесть. А еще — пение птиц, которое Сергей Петрович, ввиду редкости феномена, даже сразу не распознал.

В общем, почти идиллия наступила, нарушаемая лишь дробным матерком остановившегося прямо за ними — и, очевидно, опаздывающего — водителя огромного автомобилевоза. Парень, как тигр в клетке, расхаживал взад-вперед вдоль вставших машин и негромко, но отчетливо выражал свое отношение к происходящему.

В отличие от него, соседка Фролова была спокойна. Она явно получала удовольствие и от лесного воздуха, и от красивого вида: слева пейзаж был прикрыт микроавтобусом, но справа родные просторы наблюдались во всем великолепии.

— Интересно, что там может происходить? — наконец, спросила она.

— Либо ремонт, либо авария, — предположил опытный Фролов.

Он попал в точку, причем оба раза.

Когда «пробка», слегка пошевелившись, наконец поехала — небыстро, потихоньку, но уже без остановок, — люди в машинах смогли рассмотреть причину остановки вплоть до деталей.

И если других увиденное кого развлекло, кого напугало, то Сергей Петрович расстроился аж до холодной испарины на лбу. Ведь это он вслух почти пожелал владельцу «бимера» сдохнуть.

А в том положении, в которое сам себя загнал водитель «БМВ», ничего другого и не оставалось. На этом участке трассы действительно шел ремонт, машины тормозили ход, и куда-то спешившего человека это не устраивало. Поэтому он, — наверное, почти не снижая темпа, — перестроился на обочину и начал обходить медленно идущую колонну справа. После чего, описав вместе с трассой левый поворот, оказался прямо перед дорожным катком — на огромной скорости, с высоким кюветом справа и, видимо, большой машиной слева.

Теоретически, кювет в таких случаях предпочтительней, но то ли бедолага-водитель надеялся все-таки уйти на дорожное полотно, то ли пытался затормозить, забыв про смоченную дождем глину обочины, — результат был налицо: длинная черная машина не то что бы деформировалась, а просто перестала существовать, как единое металлическое целое.

Небольшая ее часть — с человеческими останками — осталась влипшей между катков дорожного монстра: около нее крутились два гаишника и совершенно бесполезный в таких ситуациях доктор.

Остальное было разбросано прямо по дороге и кювету, причем, судя по разлету обломков, — удар был страшный.

Некоторое время Фролов рулил молча, пытаясь справиться с нахлынувшими ощущениями.

И — удивительное дело! — девушка его прекрасно поняла.

— Вы здесь точно ни при чем, — мягко проговорила она. — Он сам для себя все выбрал.

Сергей Петрович промолчал, но лишь объехав по окружной дороге Тверь и переехав по мосту неширокую еще Волгу — а это километров с тридцать, — начал приходить в себя.

Конечно, не он, Фролов, со страшной силой запрессовал несчастного «гонщика» под дорожный каток. Но со словами надо быть аккуратней, все они имеют материальную силу — в этом Сергей Петрович был убежден полностью.

— Сколько мы проехали? — поинтересовалась Лида.

— Около трети пути. Устали?

— Нет. Наоборот, мне нравится. Еще бы без трагедий — совсем было бы хорошо.

— Есть не хотите?

— Вообще, уже можно, — согласилась пассажирка, в отличие от Фролова, ограничившая свой «обед» чаем с пирожным.

— Тогда выбирайте кафе, — предложил Фролов.

Но быстро поесть они не сумели.

Потому что впереди на обочине стоял старый, рыжего цвета, «Запорожец» с ушами-воздухозаборниками, а около него сгорбился немолодой мужчина с тросом в руках. Мимо него сплошным потоком проносились автомобили, и от того его лицо приняло совершенно отчаявшееся выражение.

Фролов тоже проехал бы мимо, но в «Запорожце» внутри кто-то сидел, а Сергей Петрович сегодня никуда не торопился.

Он притормозил, аккуратно съехал на обочину и направился к бедняге с тросом.

Тот, увидев благодетеля, припустил к нему мелким бегом: быстрее не получалось из-за протеза — на «Запорожце» сзади был соответствующий знак, а подойдя поближе, Фролов разглядел и ручное управление.

Сергей Петрович про себя чертыхнулся: как пела старуха Шапокляк — хорошими делами прославиться нельзя. Возиться с буксиром придется ему, не заставлять же инвалида. Но и уехать теперь тоже невозможно.

«Ладно, — решил Фролов, и ему даже легче стало, — пусть это будет за ту неосторожную фразу».

— Большое вам спасибо, — бормотал мужик. — Мне-то — ничего, а мама так нервничала. Полчаса стоим, никто не остановился.

— Никто? — ужаснулся Фролов.

— Кроме эвакуатора, — печально проговорил инвалид. — Но он такие деньги запросил, что лучше нам здесь ночевать.

— А куда вас тащить-то? — спросил Сергей Петрович.

— Мы из Выдропужска. Там сынок поможет.

— Откуда? — переспросила подошедшая Лида.

— Из Выдропужска, — спокойно повторил мужик, наверное, привыкший к реакции на название его малой родины.

— Впереди будет, по трассе, — объяснил ей Фролов, а про себя подумал, что тащить на веревке этот чертов «запор» придется долго: туда не меньше сотни километров.

Он протянул руку за тросом, но инвалид оказался проворным, быстро нагнулся и закрепил один его конец на своем автомобильчике.

Фролов пошел к своему и подал задом так, чтобы удобно было подцепить второй конец троса. Потом снова вылез из кабины.

Инвалид прикрепил буксир к «форду» и, наконец, задал так волновавший его вопрос:

— Вы уж меня простите, сколько мне это будет стоить?

— Нисколько, — отмахнулся Сергей Петрович.

— Я — не бедный, — обиделся инвалид.

— А я — не эвакуатор, — оборвал дискуссию Фролов. — За деньги не работаю.

— Спасибо, — поблагодарил тот. — Но мне все равно неловко.

— Да, мы хотели бы что-нибудь заплатить, — подтвердила мама инвалида, совсем пожилая, очень полная и, видно, властная старуха, которая с помощью Лиды тяжело выбралась из машины и медленно, вперевалку, подошла к месту переговоров. — Мы так привыкли.

— Вот что, друзья, — подвел итог Фролов. — Либо я вас везу бесплатно, либо стойте тут дальше.

— Это — шантаж, — усмехнулась старуха и протянула руку Фролову: — Эмма Витальевна, хирург. Правда, бывший, — тут же уточнила она.

— Сергей Петрович, полиграфист, — представился он, пожимая ей очень даже сильную ладонь и представил Лиду: — Лидия, литературовед.

— Пока еще не совсем, — смутилась девушка.

— Ничего, девочка, — утешила ее старуха, пожимая руку и Лиде. — Главное — не то, кто ты есть, а куда ты стремишься. — И представила своего сына, который зачем-то полез внутрь «Запорожца»: — Это мой Тимофей. Ничего не достиг, но душа — золотая.

— Ну что, по машинам? — спросил Фролов.

Окончательно диспозиция сложилась так: Тимофей устроился за рулем «Запорожца» с заклиненным движком, Лида пересела назад, а впереди в «форде» тяжело уселась Эмма Витальевна, которой явно хотелось общаться.

Фролов осторожно тронулся — трос выдержал, не порвался — и, вывернув на дорогу, потихоньку поехал вперед.

— Вас прямо Бог послал, — с чувством произнесла Эмма Витальевна. — Тимоша так нервничал.

— Чего уж сильно нервничать, — улыбнулся Сергей Петрович. — Не зима. И не Сибирь.

— Уж в Сибири мы точно бы так не стояли, — обиделась за Сибирь старая хирургиня. — Все бы сами останавливались, спрашивали, чем помочь.

— Вы давно оттуда? — деликатно поинтересовался Фролов.

— Двадцать лет. А вы думаете, и там изменилось?

— Могло, — вздохнул Сергей Петрович. — Очень уж все стали расчетливыми.

— Мне б Тимошу женить, — круто сменила тему Эмма Витальевна. — Такой хороший мальчик, а бобыль.

— А сколько лет мальчику?

— Пятьдесят два, молодой еще. Я его поздно родила. Он у меня очень добрый получился. Слишком, наверное. Жена была такая… прости Господи, а он

все ей с рук спускал. Доспускался, что совсем ушла. А Лидочка — ваша супруга? — спросила она вдруг у Фролова.

— Нет, — отчего-то смутился тот.

— А зря. Она добрая девочка, по глазам видно. И фигурка ладная.

Фролов посмотрел в зеркало: Лида на заднем сиденье улыбалась.

— Ох-ох-ох! — после паузы протяжно вздохнула старуха. — Мне уже умирать пора. А не могу, пока этих не пристрою.

— Ну, вам рановато еще, — вежливо сказал Фролов, хотя по одышливости и нездоровой полноте старухи было — в самый раз.

— Нет, миленький. Мне уж 86-й. Просто я толстая, и морщин не видно. Вот найти бы Тимке такую, как Лида. Только постарше. И можно на покой.

— Такую, как Лида — сложно, — вдруг вырвалось у Фролова. Сказал — и даже покраснел, втайне надеясь, что со спины не заметят.

— Ну, не как Лида, — спокойно согласилась старуха. — Попроще. Чтоб огород не пугал, и на танцульки не тянуло. А у вас-то жена есть?

— Нет, — ответил Фролов.

— А была?

— Была. — Сергей Петрович отвечал односложно, потому что эту тему ему поддерживать не хотелось. Но настырная старуха не отставала.

— И что, бросил женщину?

— Не совсем.

— Не совсем — это как? Наполовину бросил?

— Она сама ушла.

— А детки?

— Не было у нас деток.

— Вот это неправильно, — строго заметила Эмма Витальевна. — Без деток нельзя. Я Тимошу в одиночку родила, лишь бы с ребенком. И у Тимоши дитя осталось, сейчас школу заканчивает. Вам тоже надо.

— Я уже привык один, — без обиды произнес Фролов. Почему-то на Эмму Витальевну обижаться не хотелось.

— Дурацкая привычка. — Старая врачиха с трудом повернула шею назад. — Вам, Лидочка, надо на него воздействовать. Чтоб жизнь впустую не прошла. Воздействуете?

— Попробую, — сдерживая улыбку, ответила Лида.

До Выдропужска доехали удивительно быстро, хоть и скорость была небольшой — Фролов все время оглядывался на «Запорожец» сзади. У поворота их уже ждали. Высокий загорелый парень — то самое дитя Тимофея — восседал на примитивном маленьком тракторе, вообще-то, не предназначенном для буксировки «Запорожцев», но в данном случае привезенный именно для этого.

— Внучонок, — с гордостью проговорила старуха. — Хирургом будет. И руки золотые, и голова. Не то, что у Тимки. Но ведь какого парня Тимка сделал, а? И вы сумеете, если захотите. Правда, Лидочка?

Лида продолжала улыбаться и молчала.

Еще через пять минут они уже ехали дальше по трассе, слегка загнувшейся после Выдропужска к северу.

Только теперь в салоне «форда» была не одна банка огурцов, а целых четыре — Тимофей, а больше его мамаша, настояли-таки на натуральной форме благодарности, и отказывать им было неудобно.

День стремительно двигался к вечеру.

5

— А как называют себя жители их городка? — спросила Лида, вновь пересевшая на переднее сиденье. — Выдропужцы и выдропужанки?

— Н-не знаю, — задумался Сергей Петрович, застигнутый врасплох. — Это скорее к вам вопрос, к литературоведам. Но, думаю, те, кто там живет, своим городком гордятся. В провинции это принято. А те, кто не гордятся — уже перебрались в столицы. Они же обе рядом.

— Наверное, — подумав, согласилась Лида. — Иногда я не понимаю, как можно так жить — без театров, без людской толпы, без ночных огней. А иногда хочется все бросить и уехать с Анькой — даже не в Выдропужск, а совсем в деревню. Чтоб тишина, звезды и соловьи.

— А днем — огород, комары и слепни, — серьезно продолжил Фролов.

— Вот про слепней я не подумала. Комары — куда ни шло, а слепни, все-таки, пожалуй, нет. Останусь-ка я на Преображенке. Пусть с трамваями, зато без слепней.

— Видите, как одно слово может поменять жизненные планы, — улыбнулся Сергей Петрович. — А кто такая Анька? Сестра? Подружка?

— Дочка, — односложно ответила попутчица.

— У вас есть дочка? — радостно удивился Фролов. Почему-то ему ужасно понравилось, что у нее есть дочка. Или он уже начал оценивать свои шансы? Так нет у него никаких шансов — достаточно взглянуть на ее лицо и такую ладную фигурку. После этого можно даже не смотреть на собственное отражение, чтобы лишний раз не расстраиваться. — Сколько же лет дочке?

— Пять.

— А почему вы так лаконичны? Обычно про детей с удовольствием рассказывают, — спросил Сергей Петрович и вдруг со страхом подумал, что, может, с девочкой что-то не то, может, больна, а он лезет к ней в душу.

— Анька как Анька, — улыбнулась Лида. — Она у меня — прелесть. Тонкие ножки, тонкие ручки, две опять же тонких косы и пронзительный голосок. Никогда не молчит, никогда не останавливается. Вечный двигатель.

— Замечательный портрет, — согласился Фролов. — Я именно в таких в детском саду влюблялся. В социально активных.

— А сам вы, что, социально пассивным были? — спросила Лида, меняя тему.

— Даже не пойму, — честно сознался Сергей Петрович. — Но — не лидер, чего уж скрывать.

— У вас, наверное, ваш седой красавчик — лидер, — предположила Лида. — В институте комсомолом заведовал?

— Паша? — переспросил Фролов. — Вот уж нет. В институте комсомолом Леха заведовал. Он же — борец за справедливость. Такие в комсомоле тоже были, но, в основном, внизу.

— А почему — Паша? — поинтересовалась Лида. — Почему ударение на втором слоге?

— Потому что на Востоке он был бы пашой. И свой гарем имел бы официально. А так приходится ловчить, — засмеялся Сергей Петрович. Ему было приятно говорить о друзьях. — Он, кстати, большой человек. Член правительства.

— Я поняла, по джипу на газоне. Какой же член без джипа?

— Паша — замечательный, — заступился за друга Фролов. — Немного хитрован, конечно. Но наверху без этого нельзя. А так он — отличный парень. Просто отличный.

— Чем же он отличный?

— У нас Леха в 95-м под грузовик влетел, — подумав, выбрал пример Фролов. — На дрыне своем чертовом. Сплошное месиво было. Ну и что мы с Машкой могли? Только сидеть с ним рядом, губы смачивать. Вы же помните, какие больницы были?

— Они и сейчас не лучше, — пробормотала Лида.

— А Паша тогда все в момент устроил. И в правительстве он еще не был, только бизнесом занимался. За деньги все сразу нашлось: и хирурги, и эндопротез, и лекарства.

— А с вашим Лехой он сидел, губы ему смачивал? — спросила Лида.

— Н-не помню, — и в самом деле не смог сразу вспомнить Фролов.

— Раз не помните, значит — не сидел.

— Но Леху спасли именно его деньги! — загорячился Сергей Петрович.

— Ну, если б он еще и денег для друга зажал… — уже в открытую засмеялась Лида.

Фролов обиженно замолчал. Ну, зачем она так? Разве она знает Пашу? Впрочем, он понимал, что обиделся именно из-за того, что в чем-то Лида права. Что, однако, никак не меняло его отношения к Кудряшову. Друг есть друг, с любыми своими недостатками.

Но вот ведь — такая симпатичная и — язва! Или все женщины такие?

«Форд» тем временем въезжал в Вышний Волочек, двигаясь по-городскому неспешно — ухабы с рытвинами не способствовали скорости — и пересекая бесчисленные Тверецкие каналы.

— Говорят, им — 300 лет, — сказал Сергей Петрович, обида которого уже прошла.

— Да? — рассеянно переспросила Лида. — Надо же.

— А вот еще одна моя нереализованная мечта, — вдруг рассмеялся Фролов. С уличного щита реклама предлагала приобрести валенки ручной валки.

— Тоже нет времени заехать?

— Да нет, время есть. Просто где я их буду носить? У меня даже дачи нет. Но почему-то очень привлекает — «ручной валки». Может, вашей Анечке купим?

— Не стоит, — отказалась Лида. — Мы и так, похоже, выбились из графика.

— Зато сделали доброе дело. Боюсь, они на трассе долго бы простояли.

— Да уж, — вздохнула девушка. — Добрых самаритян в мире явно не прибавляется.

Городок проехали за несколько минут. Справа теперь тянулось что-то водяное — не то озеро, не то пруд. Слева — длинное ровное поднятие рельефа, как вытянутый холм.

— А за холмом — водохранилище, — повествовал о местных достопримечательностях Фролов. — Я это, наверное, раза с третьего понял. И то, когда с Пашой на его джипе ехал. С низкой-то машины не видно.

— Это, значит, мы ниже уровня воды едем? — спросила Лида.

— Ага. Будем надеяться, дамбу не прорвет, — пошутил Сергей Петрович.

— Будем надеяться. — Лида напряженно молчала до тех пор, пока нависавшая над ними незримо гора воды не осталась далеко за спиной. — Не люблю

воду, — объяснила она Фролову. И, отвечая на его незаданный вопрос, добавила: — В детстве тонула.

— Вытащили?

— На спасательном жилете к берегу выплыла.

— Ну, вот! Чего ж бояться?

— Родители не выплыли. Папа на меня успел нацепить жилет, а маму я даже не увидела.

— Как же так? — ошарашенно спросил Сергей Петрович.

— Да, вот такая печальная история. Речной пароход ночью врезался в мост. Родители на дискотеке были. Прямо на носу корабля. Мама, видимо, сразу погибла. А папа прибежал — лицо и руки в крови, вытащил меня, сонную, из кровати, одел в жилет, показал, где берег, и бросил в воду — пароход-то тонул.

— А сам? — затаив дыхание, спросил Фролов.

— Побежал искать маму. Больше я его не видела. А вы не слышали о той аварии?

— Что-то, кажется, слышал. — Фролову было жутко даже представить, что чувствовал той страшной ночью ребенок. И каково об этом всю жизнь помнить.

— О таких вещах тогда не принято было писать, — спокойно заметила Лида.

— Извините меня за дурацкую шутку про дамбу, — растерялся Фролов.

Ему вдруг ужасно захотелось погладить ее по голове. Но не так, как утром хотелось, чтобы почувствовать под рукой женское тело, а по-другому, он бы даже затруднился объяснить как, потому что своих детей никогда не нянчил.

— Чего уж там, — грустно улыбнулась Лида. — Что было, то прошло. Что-то я стала болтливая. Теперь вот вас гружу, вместо психоаналитика.

— Грузите, пожалуйста, — засуетился Сергей Петрович. — Я буду только рад, если хоть чем-то смогу быть полезен.

А за окнами «форда» начинало вечереть. Света стало меньше, тона — приглушеннее. Впрочем, Фролов знал, что до настоящей темноты еще очень и очень долго — они ехали на северо-запад, а после Великого Новгорода и вовсе свернут на север, туда, где в это время от ночи совсем почти ничего не остается.

6

Вот уже и развилка: направо — объезд, ведущий — через мост над Волховом — в Питер. Налево — въезд, правда, очень длинный — в Новгород.

Точнее, все ровно наоборот. Чтобы повернуть налево, в город, с трассы надо свернуть направо, залезть на эстакаду и пропустить объездную дорогу под собой. Что Сергей Петрович и сделал, с молчаливого одобрения Лиды.

Сам Сергей Петрович уже не был уверен, что поступает мудро: солнца даже на западном горизонте не было видно, и хоть темнота на дорогу еще не пала, но и светлым днем текущее состояние уже было не назвать.

Но — назвался груздем — полезай в кузов.

«Форд» ехал по пустынной дорожке, ни встречных, ни попутных машин не наблюдалось.

Никаких указателей, говорящих о близости самого чистого в Европе озера, тоже не было.

Сергей Петрович остановился, включил внутрисалонный свет и изучил атласы. Именно два, как привык: по одному можно уехать уж очень далеко.

В первом ближайший съезд к Ильменю был обозначен рядом с поселком «Пролетарий». На втором такого поселка вовсе не было, зато значился населенный пункт с не менее примечательным названием «Красные Станки».

В конце концов Сергей Петрович пришел к выводу, что не очень-то «Пролетарий» отличается от «Красных Станков», и приготовился искать нужный левый поворот.

И тут ситуация изменилась: внезапно, на фоне сгущавшихся сумерек, он увидел местного жителя, неторопливо бредшего им навстречу по противоположной стороне неширокого шоссе.

Фролов мигом остановил свой «форд» и приступил к рекогносцировке на местности методом экспертных оценок.

«Экспертом» оказался мужик лет сорока пяти, уже очень загорелый, явно в благостном настроении и с большим нательным крестом в вырезе легкой, несмотря на вечернюю прохладу, рубахи.

— Не подскажете, как нам к Ильменю подъехать? — обратился к нему Сергей Петрович, уже увидевший в мужике прямого потомка тех отважных людей, что узнавали курс по глубине погружения шеста.

— Не знаю, — равнодушно ответствовал сельчанин. — Не слыхал такого.

— Как не слыхали?! — воскликнул уязвленный Фролов. Два атласа одновременно и одинаково врать не могут — это он, по опыту своих путешествий, знал точно. — Про озеро Ильмень не слыхали?

— А-а-а, Ильмень! — сильно ударяя на первом слоге, протянул вечерний прохожий. — Кто ж здесь не знает Ильменя! Ильмень — это другое дело.

— Ну и как к нему проехать? — ерзал от нетерпения Фролов — небо начинало темнеть решительно.

— А никак, — доброжелательно разъяснил «эксперт». — Был на шоссейке мосток — теперь нет. Размыло. Так что — только через Новгород, — и, довольный собой, неторопливо пошагал по темной дороге, быстро исчезая в сгущающихся сумерках.

— Фокус не удался? — констатировала Лида, слышавшая разговор через раскрытые окна.

— Похоже на то, — разочарованно согласился Сергей Петрович.

— А все равно не зря сюда заехали.

— Почему?

— Разве вы не чувствуете?

Конечно, чувствовал Фролов. Воздух, несмотря на фиаско с самым чистым озером, был таким вкусным, таким сладким, что не почувствовать этого мог лишь совсем безносый человек.

«Черемуха!» — догадался Фролов. Как же до него сразу не дошло! Ведь она росла вокруг сплошной белой стеной.

— Точно, — согласилась Лида. — Никогда такого не видела.

— И я тоже.

Фролов сел за руль, завел мотор.

Ильменя они так и не увидели, потому что вскоре свернули направо, к трассе М10, по которой и ехали раньше.

Но представление об озере, как ни странно, получили. Дело в том, что уже метров через пятьсот от их остановки вода окружила шоссейку с обеих сторон. То это было что-то типа каналов, то разливалось широким озером, а то вооб-

ще становилось необъятной водной гладью, серо-стальной в скупом свете неполноценной пока белой ночи.

Если весь этот водный мир даже на карте не был обозначен, то Ильмень, заливший синим цветом изрядный кусок страницы географического атласа, действительно мог быть невообразимых размеров.

— А, может, хорошо, что мы его не увидели? — улыбаясь, спросила Лида. — Останется интрига на следующую поездку.

— С вами я готов искать Ильмень ежедневно, — серьезно ответил Сергей Петрович.

Девушка перестала улыбаться и замолчала.

«Так тебе и надо, старый дурак, — мысленно оборвал себя Фролов. — Так тебе и надо».

7

Выехали на трассу уже в полной темноте.

Сергей Петрович вдруг почувствовал, что устал. Раньше это ощущение он тоже испытывал, но — на несколько часов позже.

«Печально», — подумал он. Хотя, на самом деле, истинную печаль он испытывал вовсе не от того, что теперь без остановки мог проезжать на триста километров меньше, чем раньше.

Истинная печаль сидела справа от него, скорее даже не видимая, а угадываемая в полумраке салона — свет исходил только от приборной панели.

Сергею Петровичу теперь были предельно ясны две очень важные вещи.

Первая — она ему очень нравится. Так нравится, что дух захватывает.

Вторая важная вещь заключалась в том, что Сергей Петрович прекрасно понимал всю несбыточность своих мечтаний.

И дело не в возрасте. Для того же Паши все было бы даже очень сбыточно. Дело в его уставшей и очень немолодой душе. Ему было горько, печально и радостно одновременно.

— Что вы примолкли? — спросила Лида. — Устали?

— Есть немного, — честно ответил Сергей Петрович, а про себя подумал — еще лет десять назад ни за что бы не сознался женщине, что устал.

— Может, остановимся, чаю попьем? — Кафе нечасто мелькали по обочинам.

— Нет уж, лучше так. А то совсем в сон потянет. Возраст, знаете ли.

— Что-то я вас не пойму. Какой у вас возраст?

— К пятидесяти.

— Тогда вроде рановато себя в старики записывать. Ваш седой паренек вряд ли моложе будет.

— Паше — столько же. Ну и что?

— Он сейчас, наверное, уже по девочкам рванул, — усмехнулась Лида. — А утром рассола выпьет и пойдет безжалостно за кусочек власти биться.

— Вполне возможно, — согласился Сергей Петрович. — Хотя вы зря о нем так сердито. Паша — замечательный парень. И друг — тоже. А, возвращаясь к возрасту… Возраст-то, он разный бывает. Биологический и… — запнулся Фролов, подбирая слова.

— Просто вы никого не любите, — спокойно проговорила девушка. — И ни за кого не отвечаете. Вот и позволяете себе ветшать раньше времени.

Она так и сказала — ветшать. Это было обидно.

— Вы не обиделись?

— Обиделся, — согласился Фролов.

— Я не хотела. Вы — хороший.

— Чем же я хороший?

— Многим. Вот, например, вы не мажор…

— Что это такое? Я ведь вашего слэнга не понимаю.

— Мажор — это человек, ориентированный исключительно на повышение своего социального статуса. Для молодежи это — глупо. Для пожилых — глупо и стыдно.

— Точно литературовед, — пробормотал Фролов. — Еще чем я вас прельстил?

— Тем, что не пытаетесь рассказывать, как вы были круты в молодости. Тем, что не лезете меня лапать, особенно, когда стемнело. Тем, что Эмму Витальевну подвезли.

— Я ж тимуровцем в школе был, — усмехнулся Фролов.

— Тем, что не пытаетесь купить меня деньгами, — монотонно продолжала перечисление его достоинств Лида.

— Эх, Лидочка, я бы, может, и попытался… — улыбнулся Сергей Петрович.

— Но мало зарабатываете? — рассмеялась Лида.

— Достаточно для жизни. Но недостаточно для подобных покупок.

Атмосфера немножко рассеялась, и «форд», хоть и снизив в темноте скорость, но еще достаточно бодро миновал Подберезье, Мясной Бор и Спасскую Полисть.

— Не люблю я эти места, — признался Фролов.

— Почему?

— Давят они меня. Слишком много народу здесь убили.

— А что здесь было?

— Здесь полегла Вторая ударная. Помните генерала Власова? Он-то немцам сдался, а большинство его бойцов — нет. Обидно, что и после смерти на них осталось пятно. Вот мне и чудятся их не успокоившиеся души. Одно название чего стоит — Мясной Бор! Нет уж, эти места лучше по свету проезжать. Ой, я вас не напугал? — забеспокоился Сергей Петрович. — А то такие рассказы, на ночь глядя.

— Не напугали, — успокоила его Лида. — Вы же знаете, я только воды боюсь.

Погода опять портилась. Где-то на горизонте посверкивали то ли молнии, то ли зарницы.

«Форд» ехал все медленнее и медленнее.

— А вам обязательно сегодня в Питер надо попасть? — неожиданно спросил Сергей Петрович.

— А какие варианты? — поинтересовалась девушка.

— В Чудово — современный мотель. Там всегда есть места. Это — километров двадцать отсюда.

— Если вы устали — я не против.

Мотель был на одной огромной площадке с автозаправкой и стоянкой большегрузов. Все это было ярко освещено и выглядело довольно празднично.

Подъехали прямо к его обшитой сайдингом стене.

— Вовремя приехали, — заметил Фролов. По лобовому стеклу ударили первые крупные капли. — Сейчас гроза начнется. Вы посидите в машине, а я пока номера оформлю.

— А можно, я оформлю? — спросила Лида.

— Боитесь, что сделаю что-то не так?

— Нет. Просто боюсь в машине одна оставаться. Особенно если ливень начнется.

— Хорошо, — согласился Сергей Петрович, передавая ей свой паспорт. — Не обижайтесь, у меня полный багажник фирменного добра. Не могу оставлять, пока не сдадим под охрану.

— Я понимаю, — сказала Лида и вышла из машины.

Вернулась она минуты через три слегка обескураженная.

— А мест нет, — открыв дверцу и возвращая документ, сообщила Лида.

— Да ну? — удивился Фролов. — Ни разу такого не было.

— Вот, случилось, — подтвердила Лида, забираясь в салон.

Сергей Петрович все никак не мог поверить в произошедшее. Он опустил стекло и обратился к двум девицам, курившим на крылечке мотеля. Девчонки были вполне симпатичные, но их профессия просвечивала и без документов.

— Девочки, а что, действительно, все занято?

— Для вас, мужчина, место найдем, — рассмеялась одна. — Но оплата почасовая.

— Понятно, — пробормотал Сергей Петрович, закрывая окошко.

8

Надо было ехать, но он никак не мог настроиться. Это как с бегуном на дальнюю дистанцию: вот он уже, заветный финиш, а судья вдруг предлагает пробежать еще с десяток кругов.

— Я не против ночевки в салоне, — сказала Лида, поняв причины его медлительности.

— А я — против, — буркнул Сергей Петрович и завел, наконец, двигатель.

Дождь тем временем потихоньку крепчал, не переходя, правда, в сильный ливень. Лишь зарницы впереди приблизились и усилились.

— Девчонки — бедняги, — выруливая на трассу, пробормотал про себя Фролов. Но Лида услышала.

— Чем же они — бедняги? — спросила она.

— Работа свинская.

— Почему вы так считаете?

— Потому что езжу много. Такие уроды их снимают — мало не покажется.

— А вы думаете, их здесь силой держат?

— Нет, не думаю.

— Тогда и жалеть не надо, — резко бросила Лида.

— Почему же их не надо жалеть? — удивился Сергей Петрович.

— Потому что они сами для себя все выбрали.

— А вы считаете, человек не имеет права на ошибку?

— А почему вы считаете их выбор ошибкой, если их самих все в этом выборе устраивает?

— Ну, знаете. А для своей дочки, уж извините меня за вопрос, вы такую судьбу считаете приемлемой?

— Если она ее выберет — да. Хотя я бы очень не хотела. Но я бы многого для Аньки не хотела. Например, чтобы она стала дорожным рабочим, больничной няней или седьмым бухгалтером на госпредприятии. А решать уж будет она сама.

— Это очень современно, — только и заметил Сергей Петрович.

Некоторое время ехали молча, но Лида все не могла успокоиться.

— А, простите за нахальство, сами-то их услугами пользовались?

— Знаете, Лидочка, — ни разу в жизни.

— Почему? Заразы боитесь или чистоту души сохраняете?

— Заразы — вряд ли, — не торопясь, обдумывая ответ, произнес Сергей Петрович. — Я думаю, насчет заразы нормальные профессионалки безопаснее любительниц будут.

— И я так думаю, — согласилась попутчица.

— А что касается чистоты души — то тоже, наверное, нет. Просто я не могу вот так, с ничего, взять и — извините — спариться. Мне нужно, чтобы человек мне нравился. И очень желательно — чтобы я ему тоже.

— Да, сложный у вас случай, — вынесла вердикт Лида, и оба рассмеялись.

А еще через десять минут им обоим было уже не до смеха.

Потому что гроза, наконец, грянула. Да какая!

Боковой ветер налетал так, что приходилось обеими руками удерживать руль машины. И он же ломал ветви деревьев, а иногда и сами деревья, бросая их на край шоссе — приходилось смотреть в оба, чтобы успеть объехать обломки.

Ливень хлестал по лобовому стеклу — аж щетки не справлялись, хотя включены были на максимальную скорость работы.

Но еще неприятнее было другое: зарницы приблизились к ним вплотную и оказались мощнейшими молниями. Даже не молниями, а огромными световыми, рассекавшими нависающие тучи, прорубами, иногда — искривленными, зизгзагообразными, как их обычно и рисуют. Иногда — прямыми огненными столбами. Причем — такой интенсивности, что если вспышка происходила в секторе обзора, то напрочь ослепляла водителя, приходилось сбрасывать скорость практически до нуля, пока глаза снова не начинали видеть.

Завершал же эту адскую симфонию гром. Неимоверной силы удар — длинный, распадающийся на несколько оглушающих раскатов — сопровождал каждую сильную вспышку. А слабых вспышек в этой аномальной грозе вообще не было.

Такого Сергей Петрович не видел ни разу в жизни, хотя много чего успел в ней навидаться. Наверное, надо было остановиться и полчасика переждать — пусть не конца грозы, а хотя бы снижения ее интенсивности, но Сергей Петрович боялся это делать. Он опасался, что старенький «форд» не выдержит безумной влажности, и начнутся проблемы с запуском мотора. А вылезать в такую погоду из салона и копаться под капотом очень даже не хотелось. К тому же, от такого стояния они бы к Питеру точно не приблизились.

Нет уж, лучше плохо ехать, чем хорошо стоять.

Он бы и ехал потихоньку, если бы не странный звук справа. Сдавленный, зажатый, то ли всхлип, то ли вскрик.

Сергей Петрович посмотрел на пассажирку.

И обомлел. Она была в совершеннейшем ступоре. Широко раскрытые сухие глаза отражали в отсветах молний такой ужас, что у Фролова непривычно сдавило никогда ранее не болевшее сердце.

— Лида! Лидочка! — крикнул он. — Что с тобой? — Его голос потонул в очередном раскате грома.

Девушка мучительно затрясла головой, будто корчась от боли и от невозможности вдохнуть воздух.

И тут Фролов все понял.

Теперь он не думал о возможной возне под капотом. Тормознув машину, он аккуратно свел ее с дорожного полотна на гравийную обочину. Расстегнул привязной ремень. Сделал то же самое с ремнем Лиды.

Развернувшись, насколько позволяло сиденье, двумя руками притянул ее к себе и прижал к груди.

— Все хорошо, моя девочка, не бойся, все хорошо! — громко говорил он, обнимая теплое, но как будто застывшее женское тело. — Успокойся, моя милая! Это — просто гроза!

Он гладил ее по голове, по спине, прижав лицом к своей груди, и повторял, повторял, повторял одно и то же:

— Это — просто гроза. Все будет хорошо. Я с тобой. Не бойся, моя милая.

Прошло не меньше двух-трех минут, и наконец Лида заплакала. Да так жалобно, со слезами, со всхлипами. И, что больше всего разрывало сердце Фролову, — с какими-то детскими причитаниями.

— Мама! Мама, мамочка! — звала Лида свою исчезнувшую маму, на несколько ужасных минут вернувшись в ту страшную ночь.

Впрочем, приступ пережил свой пик и явно стихал. Еще минут через пять она уже обессиленно лежала в руках Сергея Петровича. Ни гримас, ни судорог, ни бреда больше не было.

— Успокоилась, девочка? — тихо спросил ее Фролов, чувствуя, что ей хочется освободиться, и ослабляя объятия.

— Простите меня, пожалуйста, — как школьница, попросила Лида.

— За что? У тебя часто так бывает?

— Нет, — уже спокойнее ответила она. — Редко.

Вместе с приступом заканчивалась и гроза, его вызвавшая. Ливень сменился обычным дождем, ставшим по силам изрядно изношенным «дворникам».

— Ну что, попробуем завестись? — улыбнулся Сергей Петрович.

— Попробуем, — благодарно улыбнулась в ответ Лида.

Старенький стартер взвыл в ночи и, пусть не сразу, но завел двигатель.

— Молодец, — похвалил его Сергей Петрович и включил скорость.

Еще через два часа они были в питерской двухкомнатной квартире, которую постоянно снимала компания-работодатель Фролова. Машину бросили здесь же, перед домом, на охраняемой стоянке. Сами поднялись наверх, разобрали постели и свалились замертво.

Перед тем, как заснуть, Сергей Петрович услыхал скрежет проворачиваемого ключа — Лидочка заперла дверь в свою комнату. Почему-то его обрадовало: значит, не так уж он и стар, если от него запираются на ночь молодые женщины!

9

Утро разбудило Сергея Петровича давно позабытым — и от того особенно приятным — ароматом домашнего завтрака. Именно домашнего, не заморозки

какой-нибудь фабричной. На маленькой кухоньке, громко пошкварчивая, явно жарились сырники или что-то подобное. Даже по запаху было понятно, что все получится безумно вкусным.

Фролов мгновенно поднялся, оделся и отправился на запах.

Лидочка была в домашнем, очень симпатичном халатике, хоть и подчеркивающем несомненные достоинства ее фигуры, но как-то тактично, не специально и уж точно не вызывающе.

— Доброе утро, — поздоровалась вчерашняя попутчица. — Ничего, что я хозяйничаю? Вот в холодильник без спроса влезла.

— У вас, во-первых, замечательно получается, — искренне проговорил Сергей Петрович. — А во-вторых, если б не вы, продукты точно бы пропали — из меня домашний хозяин никакой.

— А как же вы питаетесь?

— В выходные в кафе хожу. А в будни — у нас столовка на фирме отличная. И бесплатная, к тому же.

— Кстати, о деньгах, — вспомнила Лида. — Мне неудобно здесь жить, не заплатив. Да и вообще неудобно. Вчера еще куда ни шло, слишком поздно приехали, а сегодня поищу гостиницу.

— Да что вы! — испугался Фролов. — Никуда вас не отпущу. Кто ж мне такие сырники еще сделает?

— Честно говоря, мне самой тут нравится, — после короткой паузы призналась девушка. — Но тогда я должна заплатить свою долю.

— Лидочка, это невозможно, — объяснил ей Фролов. — Это — корпоративная квартира. Фирма платит за нее независимо от того, живет здесь кто или нет.

— А продукты?

— И с продуктами то же самое. Женщина местная за этим следит. Так что, кушаете вы здесь или нет — никакого значения не имеет. В лучшем случае, просроченную еду заберет эта дама. В худшем — она просто пропадет.

— Но ведь мне можно какие-то деньги внести?

— Куда? — вопросом ответил Сергей Петрович. — Бухгалтерия — в Москве. А я у вас точно не возьму. Так что бросьте все эти церемонии и живите спокойно, ладно?

— Ладно, — не стала ломаться Лида.

— Ну и славненько. — Фролов пошел в ванную, наводить марафет, а девушка осталась дожаривать свои восхитительно пахнущие сырники.

… Первые три сырника он слопал молча, на похвалу просто не хватало силы воли — ведь для этого необходимо было освободить рот.

— Где вы так научились? — наконец, вымолвил Фролов.

— От бабушки, — улыбаясь, ответила Лида. Ей было приятно смотреть на столь очевидную оценку своих кулинарных способностей.

— Молодчина у вас бабушка.

— Молодчина, — согласилась Лида. — Я бы без нее точно пропала. И тогда, и сейчас — она же с Анькой сидит, когда я в отлучке.

— А чего ребенка с собой не взяли? — полюбопытствовал Сергей Петрович. — Пять лет — уже можно брать. Кстати, немножко рано все-таки для белых ночей. Чуть позже они еще белее будут.

— Ребенок еще успеет, — не сразу, будто обдумывая, ответила девушка. — А поехала, как обстоятельства позволили.

— А что же вы сами не едите? — упрекнул ее Сергей Петрович.

— Фигуру берегу.

— Вам ли говорить про фигуру? — укоризненно произнес Фролов.

— О-о-о… — протянула она. — Стоит только отвлечься…

— А по мне, вы такая красивая, что больше ничего и не надо, — вдруг быстро выпалил он. И опять покраснел — в отличие от своего шустрого друга Паши, Сергей Петрович не то чтобы был скуп в комплиментах, а даже поздравлять женщин с Восьмым марта — и то стеснялся.

— А где вы все сдружились? — спросила Лида, одновременно ловко собирая посуду и протирая стол влажной салфеткой.

— В Полиграфическом. Сразу, еще на первом курсе. Я только из армии пришел, а эти салаги — из школы. Леха — москвич. Паша — из маленького городка на Украине, уже не помню точно, откуда.

— Вы меня удивили вчера, — сказала Лида.

— Чем же?

— Что ушлым комсомольцем был Алексей, а не ваш Паша.

— Леха тоже не был ушлым комсомольцем. Он просто был принципиальный и социально активный. Вот и пошел по комсомольской стезе, правда, карьеры не сделал.

— Да уж, — улыбнулась она. — Принципиальность карьере — точно не помощник.

— А я в парткоме института был, — похвастался Сергей Петрович. — Я ведь из армии уже членом партии вернулся. В войсках ГБ служил.

— Серьезный вы мужчина. Диссидентов гоняли?

— Нет. Не наш профиль. А в вузе — даже защищал. Кстати, вместе с Лехой.

— Как это?

— А вот так. И, знаете, кто у нас в качестве диссидента проходил?

— Откуда ж мне знать. Кто-нибудь известный?

— Паша, личной персоной. Ночью перетрудился на любовном фронте и заснул прямо на лекции по марксистско-ленинской философии — вы и предмета такого, небось, уже не застали.

— И что? Это был ужасный проступок?

— Да нет, не очень. Но когда преподаватель подошел, чтобы разбудить пообиднее, он у Паши на коленках книжку раскрытую увидел. И вытащил. «Архипелаг Гулаг» Солженицынский. А это уже не только исключением пахло. По тем временам, все светило гораздо круче.

— И как же отбились?

— Мы с Лехой целый спектакль поставили. Якобы он нам обоим — но поодиночке — говорил, что нашел книгу в парке, а изучает ее, чтобы знать врага в лицо. И обещал сдать по прочтении в соответствующие органы.

И еще двое это подтвердили: что, мол, плевался, но читал — иначе как честному комсомольцу отбивать идеологические атаки? А другим якобы даже на обложку взглянуть не давал.

— А на самом деле — давал?

— Не знаю, как всем, но мы с Лехой прочли от корки до корки. Впечатление было — как дубиной по башке. Я-то к любой власти лояльный, чего уж скрывать. А Леха, по-моему, именно с тех пор завелся.

— А чего вас в полиграфию потянуло? — сменила тему Лида.

— Сам удивляюсь. Я по льготе мог в любой вуз поступить. А пошел туда. И не жалею. Вот вы знаете, как печатали этот календарь? — Он показал рукой на плакат с пейзажем и календарной сеткой, висевший на стене кухни.

— Понятия не имею, — честно призналась Лидочка.

— А это такие хитрые процессы… Взять ту же плоскую печать: ничего не выступает, ничего не вдается, а краска ложится только туда, куда надо печатнику. Разве не интересно?

— Наверное, интересно, — согласилась девушка.

— А хотите со мной на выставку? — загорелся идеей Сергей Петрович. — Там я вам уж точно все покажу и расскажу.

— Спасибо, — мягко отказалась она. — Это мы и в Москве сможем. А в Питере я лучше буду изучать Питер.

— Тоже верно, — не стал настаивать Фролов — очень уж ему понравилась мысль о том, что они еще чего-то вместе смогут в Москве.

А, с другой стороны, почему бы и нет? В конце концов, 49 — не 89. Если вести себя осторожно и осмотрительно, то такая семья сможет просуществовать очень долго. И очень счастливо. Тем более что, по характеру и возрасту, он был заранее вполне снисходителен к любым возможным Лидочкиным слабостям.

— А где и как встретимся? — уже уходя, вдруг вспомнил Фролов. — Ключ-то у нас — один! Может, я его вам отдам?

— Ну, уж нет, — твердо отказалась Лидочка. — Я и так тут — приживала, да еще у хозяина ключ отнять.

— Что вы такое говорите, — укорил ее Сергей Петрович. — Надо же так сказать — приживала… — И тут же принял решение. — Ладно, пусть ключ будет у меня. Тогда давайте обменяемся телефонами.

Не откладывая, прямо на розовых салфетках, тоже заботливо подготовленных не ведомой им местной тетенькой, написали свои мобильные. И — обменялись салфетками.

— Не потеряйте, — засмеялась Лидочка. — Это дефицит. Я, вообще-то, свой телефон никому не даю.

— Не волнуйтесь, — заверил ее Сергей Петрович. — Уж точно не потеряю.

И поехал на работу.

10

Выставка встретила его обычной суетой.

Фролов подогнал «форд» прямо к павильону — за это удовольствие устроители, как обычно, содрали с него 200 рублей. Хоть и знал он, что по приезде все расходы будут возмещены, это мелкое вымогательство всегда злило экономного Сергея Петровича.

Привычно организовав процесс, он быстро перетаскал на свой стендик содержимое объемистого «фордовского» багажника — очень полезная в таких случаях тележка на колесиках не зря была привезена с собой из Москвы.

Стенд, как обычно, «на выезде», был маленький, всего шесть квадратных метров. И еще через десять минут все они были плотно заняты образцами офсетных пластин, банками с «химией» и проспектами, в которых подробно расписывалось, почему питерские полиграфисты должны покупать именно эту продукцию, а не какую-нибудь иную.

Рядом такие же серьезные дяденьки — женщин среди стендистов было намного меньше — занимались той же самой работой.

Разложившись, народ пошел друг к другу общаться — конкуренция в этом бизнесе никогда не была помехой дружбе. Тем более вузов подобного профиля — раз-два и обчелся, так что все действующие лица в той или иной степени друг друга знали.

В другой раз Сергей Петрович воспринял бы это с обычным удовольствием. Но — не сегодня.

Сегодня он лишь усилием воли заставлял себя не смотреть на часы каждые три минуты: от частых взглядов время, наоборот, застывало, и на измученную душу Сергея Петровича накатывало ужасное ощущение, что этот бесконечный день не кончится никогда.

В самый тяжкий момент, он, как талисман-оберег, нащупывал в нагрудном кармане рубашки розовую салфетку и мягко сжимал ее пальцами. Этот ритуал в определенной мере возвращал ему уверенность в том, что Лидочка — вовсе не сон, навеянный романтикой несусветного города, а реальная милая женщина, и он ее точно сегодня вечером увидит.

О чем-либо большем Сергей Петрович пока не мечтал, искренне боясь спугнуть пусть и малое, но все-таки уже обозначенное.

Фролов даже отказался от своего обычного ежегодного удовольствия, из-за которого он так любил питерские выставки — медленного и неспешного осмотра прилегающей водной глади: ведь выставочный павильон стоял буквально в двух шагах от залива, с одной стороны огражденный морпортом и большой водой, с другой — узким рукавом канала, по которому, кстати, тоже то и дело сновали милые сердцу Сергея Петровича плавсредства.

Сосед слева пару раз предлагал ему на обмен последить за стендами. Фролов не отказывался и за чужим стендом следил честно. Но сам выпавшую возможность отлучиться не использовал — не тянуло.

И даже с посетителями Сергей Петрович в этот раз не был так любезен и обходителен, как прежде: отвечал односложно, неохотно, при этом прекрасно понимая, что деньги, потраченные его фирмой на эту экспозицию, по его, Фролова, вине окупаются не в полной мере. Понимать — понимал, но ничего не мог с собой поделать.

А за десять минут до конца первого рабочего дня — вот уж чего с ним никогда ранее не случалось — уже собрал все вещички и был полностью готов к ускоренной эвакуации. На обычное предложение организаторов отметить начало выставки на пароходике — с музыкой и фуршетом — только махнул рукой и быстро-быстро покинул свое рабочее место.

Домой приехал первым, в пустую квартиру — а как могло быть иначе, единственный ключ-то у него! — и часов до восьми ждал нетерпеливо, но без особого беспокойства.

Когда пробило 9, а Лидочки все не было, решил все-таки позвонить.

Достал розовую салфетку. Надел плюсовые очки — вблизи стал неважно видеть. Сдерживая стук сердца, набрал номер. И долго слушал длинные гудки.

Набрал еще раз и снова слушал.

Когда испуг и отчаяние уже почти захлестнули несчастного Сергея Петровича, чертова трубка внезапно откликнулась спокойным Лидиным голосом. Просто телефон был в сумке, и она — за уличным гулом — не расслышала звонков.

Никогда еще Сергей Петрович Фролов не был так счастлив просто от того, что чей-то голос ответил ему по телефону. Даже с бросившей его женой, которую действительно любил, было не так. Но тогда — в просветах — ему казалось, что все еще впереди.

— Когда вы придете? — борясь с предательским спазмом, спросил Сергей Петрович.

— А может, лучше погуляем? Белые же ночи!

— Конечно, — быстро согласился Фролов. — Конечно, погуляем. Куда мне придти?

— Коней клодтовых знаете?

— Да, конечно. Это — рядом.

— Я буду ждать вас на мостике.

Это была такая дурь — в его возрасте чуть ли ни бежать, и чуть ли ни в припрыжку. Но — что было, то было.

Приблизившись к Лиде, не смог сдержать одышку и снова испугался — не хотел, чтобы она сочла его немощным.

Но Лида просто не заметила его страхов.

Она действительно была хорошим гуманитарием, и даже Сергей Петрович, интересовавшийся историей культуры много лет, узнал во время прогулки много нового и интересного.

Впрочем, если бы она сейчас рассказывала ему про тонкости производства компоста или особенностях работы городской канализации — он бы слушал столь же прилежно и восторгался столь же естественно. Потому что восторгался он вовсе не изысками великих русских итальянцев и не плакатными видами. А — понятно кем, даже имени называть не надо.

Погуляли вдоль Фонтанки, побродили по композиторским улочкам, прошлись по Литейному. Сделали променад на Невском.

Когда гуляли по Невскому, завязалась более чем занимательная — по крайней мере, для Сергея Петровича — беседа.

Почему-то взялись обсуждать сильно разновозрастные браки.

Начали полушутя, с двух эстрадных солистов, связавших свои судьбы то ли по любви, то ли в целях public relations.

А потом заговорили всерьез.

Сергей Петрович, взяв пример из реальной жизни, засомневался, как может восемнадцатилетняя девушка влюбиться на всю оставшуюся — не очень долгую — жизнь в шестидесятилетнего мужика. (Случаи «любви» за деньги, наследство или карьеру они, для чистоты дискуссии, сразу вывели за рамки обсуждаемой темы.)

Лидочка же считала, что возраст в любви вообще почти ничего не значит.

— Как же — не значит? — не соглашался Сергей Петрович, втайне очень даже желающий, чтобы права оказалась его оппонентка. — Как может не значить? Это же, по сути, люди из разных человечеств! Они просто многих слов в речи друг друга не понимают!

— По контексту поймут, — то ли в шутку, то ли всерьез парировала Лидочка. — Главное — что они чувствуют, находясь друг возле друга.

Спорили долго. И как бы ни хотелось Сергею Петровичу победы оппонентки — это ведь был бы рост и его шансов, но — не убедила.

Вернее, не так. Убедила.

Да, действительно, старик может ослепить девчонку силой своей личности. Но не любую, а только умную. Глупая просто этой самой силы личности не прочувствует.

И еще одно условие.

Как правило, такие молодые девчонки уже заранее должны быть нацелены на Личность. А поскольку их сверстникам состояться еще — просто по возрас-

ту — рановато, то их душевный, а вслед за ним и сексуальный интерес волей-неволей переключается на гораздо более зрелых мужчин.

Так что, вроде и приятные вещи утверждала Лидочка, да только на себя эти результаты Фролов — если по совести — инвертировать не мог. Ну, какая из него Великая Личность?

Единственное утешение — лет ему гораздо меньше, чем в обсуждаемых примерах. Хотя разве это утешение? Он и в тридцать не сумел удержать свою любовь…

Устав, присели в маленькой кафешке, необычно вкусный фаст-фуд которой усугублялся феерическим видом из окон.

— Все. Не могу больше, — сказала Лидочка. — Хочу, но не могу. Этот город меня победил.

— Домой? — спросил Фролов.

— Ага, — устало-расслабленно ответила она.

И они пошли домой. Под ручку. То ли папа с дочкой, то ли «папик» с девушкой. Нет, скорее все-таки папа с дочкой. На «папика» не тянули его — даже не «прикид» и атрибуты — а скорее выражение лица и глаз.

— Что будете на ужин? — спросила Лида.

— Ничего, — ответил Фролов.

— Хотите спать?

— Нет! — чуть не закричал Сергей Петрович.

— А я бы вас и не отпустила, — засмеялась Лидочка. — Это так, проверка на дорогах. На самом деле, мы сейчас с вами чай будем пить. С тортом.

— Я сбегаю, — спохватился Фролов. — Как же сразу не догадался.

— Не надо бегать. Он к нам сам приедет.

И почти сразу же зазвонил входной звонок.

— Это ко мне, — сказала Лида и вышла в коридор, плотно прикрыв дверь.

Ничего не понимал Сергей Петрович. И понимать не хотел. Когда человеку и так хорошо, зачем еще какие-то аналитические мысли?

Лидочка отсутствовала довольно долго. А когда, наконец, послышался ее голос, сказанное удивило Сергея Петровича чрезвычайно.

— Свет погасите, пожалуйста! — потребовала она.

Сергей Петрович повиновался.

— И откройте дверь!

Сергей Петрович открыл.

На пороге полутемной комнаты — в этой питерской квартирке и днем-то было не слишком солнечно! — появился Ангел во плоти.

В руках у Ангела был небольшой торт, на котором ярко горели много-много свечек.

— С днем рождения, Сергей Петрович!

— Откуда вы узнали… — ошеломленно спросил Фролов. Но уже через мгновение догадался: — Мотель в Чудово! Смотрели в паспорт?

— Ужасный поступок? — рассмеялась Лидочка.

— Чудесный! — искренне прошептал Сергей Петрович.

Потом они пили чай и ели торт. Свечки Фролов задул одним махом, чему сам очень обрадовался — есть еще порох в пороховницах.

Торт ели жадно и почему-то руками, как дети. Может, потому, что Сергей Петрович расспрашивал Лидочку об Аньке? Ему был очень интересен этот ребенок, он даже фотографию девочки отдавать не хотел.

Но все, и самое плохое, и самое хорошее, когда-нибудь да заканчивается. Правда, вслед за этим, как правило, начинается что-то новенькое.

11

Сергей Петрович лег спать, ясно понимая, что быстро теперь точно не заснет. Он мучительно прислушивался к звукам за стенкой и был готов поклясться, что характерного скрежета ключа сегодня не слышал.

Что же это значит? Просто забыла? Или ситуация изменилась?

О, Господи! Просто голова раскалывается.

А вдруг она его приглашает? И он, боясь пошевелиться, упускает свой единственный и последний шанс?

А вдруг, если он попытается прийти к ней, она испугается и возмутится, или — еще хуже — расплачется, как вчера ночью, в дороге, и все, что случилось сегодня, будет испачкано и смято?

Неизвестно, сколько бы еще промучился Сергей Петрович, так ни на что и не решившись, если бы в полной тишине, нарушаемой лишь редкими ночными машинами за высоким окном, внезапно не возник тонкий отчетливый звук.

Это скрипнула дверь в комнате Лидочки.

«Куда она собралась?» — только и успел подумать Фролов, как ее фигурка — с размытыми сумраком очертаниями — возникла в проеме двери.

— Вы спите? — шепотом спросила Лидочка.

— Нет, что вы! — громко проговорил Сергей Петрович, испугавшись, что она сочтет его спящим и уйдет. — Я совсем не сплю.

— И я тоже. — Лидочка присела на кровать Сергея Петровича, аккуратно приподняла край легкого одеяла и юркнула под него. — Вы напуганы? — спросила она.

— Нет, — ответил Фролов.

Наверное, секунд тридцать оба молчали.

Сергей Петрович не очень понимал, что происходит, и действительно страшно боялся неловким поступком или словом все испортить. А Лида повернулась на бок, к нему лицом, и внимательно смотрела на Фролова блестящими глазами.

А потом протянула к нему руку и погладила по голове.

— Вы и в самом деле напуганы, — улыбаясь, сказала она.

— Похоже на то, — честно выдохнул Фролов.

— Чего же вы боитесь?

— Что сделаю что-нибудь не так, и вы уйдете.

— Что может мужчина сделать не так с женщиной, пришедшей к нему в постель? — мягко спросила Лидочка. — Я не обидела вас? Вот уж чего бы совсем не хотела…

— Да вы что! — наконец вышел из оцепенения Фролов. — Просто я не сразу поверил!

— А теперь верите?

— А теперь — будь что будет. — Он повернулся к ней и по-мужски властно обнял за теплые плечи. — Все равно я уже счастлив.

Она прильнула к нему, тоже обняла его руками. Он, теряя голову, искал губами ее губы, но Лидочка неуловимо отворачивала лицо. Впрочем, его уже это не волновало: теперь он точно знал: она — не уйдет, она — его, сейчас и немедленно, и это было самым главным знанием на данный момент, вызывающим острое, ничем не сдерживаемое ощущение счастья.

Он нежно перевернул Лидочку на спину — она и не думала противиться, — и начал расстегивать мягкий халат.

— Ой, подожди! — вдруг попыталась выскользнуть из его рук Лидочка.

— Что, милая? — не понял Фролов.

— Нельзя без… — зашептала девушка, так и не выговорив, без чего нельзя. — Дни опасные.

— Я так хочу ребенка, — чуть не заплакал Сергей Петрович. — Не бойся, я буду работать, как вол.

— Не надо, пожалуйста. — Лидочка теперь тоже чуть не плакала. — Возьми, в кармане халата.

Сергей Петрович, с трудом оторвавшись от ее тела, достал из неглубокого кармашка искомый квадратик.

Лидочка, поняв, что проблема исчезла, сама легла так, чтобы ему было удобнее, даже халат руками придержала, тоже, видимо, не желая отвлекаться на пуговицы. Еще мгновение — и…

Странное дело, раньше, представляя себе в ночных мечтах то, что только что с ним произошло, Сергей Петрович всегда испытывал неприятное волнение. Его пугал то возраст, — и связанные с этим возможные проблемы, — то собственный живот, вид которого никак не соответствовал женским мечтам.

Он даже «Виагру» новомодную прикупил и каждый раз, перед приходом Елены Григорьевны, мучительно раздумывал, не принять ли. И только глубокая нелюбовь к «химии» мешала ему это сделать, что, правда, никак пока не отражалось на его возможностях.

А вот с Лидочкой он не боялся ничего. И не думал ни о чем. Только о ней, только о том, что безумно хочет ее и никак не может ею насытиться.

Впрочем, если бы она пожелала, чтобы они просто всю ночь лежали рядом и разговаривали о Гете и Верлене — ни того, ни другого Фролов, к сожалению, не читал, — он все равно был бы безмерно счастлив.

Но делать то, что они только что делали, — этот уровень ощущений словами уже не передавался.

Потом они действительно лежали рядом и тихо разговаривали. Не про Верлена и Гете — нашлись другие темы.

Сергей Петрович держал Лидочку за руку, что-то ей отвечал, а сам мучительно пытался понять: за что же все-таки ему это выпало? Что он сделал такого замечательного в этой жизни, что было там замечено и ему, Сергею Петровичу Фролову, воздано?

Уже и рассвет за окном появился — не сумрак ночной белесый, а настоящий, с солнышком. Уже и уставшая Лидочка — захотела доспать до утра в своей кровати — ушла в свою комнату.

А он все лежал, мучительно размышляя на жалящую мозг тему, и не находил ответа на свои вопросы. Единственное, что примиряло его с этой абсолютно не понятной ему действительностью, он был ею — опять же абсолютно — удовлетворен.

12

Проснувшись, Сергей Петрович — впервые за последние два десятилетия — сделал зарядку. То ли еще будет: он теперь и диспансеризацию пройдет, и зубы вылечит, и острого есть не станет. Теперь-то ему не надо объяснять, зачем нужно жить долго.

А в остальном утро оказалось точным слепком прошлого. С кухни доносились такие же звуки, а запахи были даже еще более восхитительными.

Только и разницы, что жарились не сырники, а оладушки.

Точно, как вчера, Сергей Петрович ел оладушки, хваля их великолепный вкус, хотя на самом деле не чувствовал никакого вкуса. Другие чувства, несравнимо более сильные, занимали его, не оставляя места ни на что более.

Лидочка снова сидела напротив, подперев голову руками и смотря на жующего мужчину.

— Действительно вкусно? — спросила она.

— Не то слово, — ответил он.

— Подвезешь меня на вокзал?

У Сергея Петровича чуть кусок изо рта не выпал.

— Как — на вокзал? На какой вокзал?

— На Московский, — улыбнулась Лидочка. — Я, вообще-то, в Москве живу.

— Что, работа? — упавшим голосом спросил Фролов.

— Да, — вздохнула она.

— А никак нельзя задержаться?

— Никак, — печально ответила Лидочка. — Нужно принимать жизнь такой, какая она есть.

— Я тогда тоже уеду, — сказал Сергей Петрович.

— А как же выставка?

Это был удар ниже пояса. Работу теперь точно терять нельзя, после всего, что случилось. Найти новую может оказаться непросто — на эту-то уже с помощью Лехи устраивался.

— Не расстраивайся, — сказала Лидочка. И погладила Фролова по голове.

— Я приеду в пятницу и сразу тебе позвоню, — сказал он ей на перроне.

— Хорошо. — Она подставила щеку для поцелуя и скрылась в синем вагоне.

На выставке было тихо и малолюдно: посетители еще не подошли, а многие стендисты после вчерашней прогулки на пароходике сегодня задерживались.

Сергей Петрович в одиночестве сидел на стенде, как-то слегка выпав из реально проистекающей действительности. Ему бы следовало все серьезно обдумать, но мысли струились по своим, ведомым только им направлениям, и никак не хотели складываться в единое целое.

Вдруг зазвонил телефон.

Фролов было вскинулся, но по высветившемуся номеру сразу определил Леху.

Сергей Петрович всегда был рад старому дружку, однако сейчас бы он — с несравнимо большим удовольствием — пообщался с другим человеком.

Леха от себя и от Машки поздравил его с днем рождения, Фролов старательно изобразил в голосе радость и поблагодарил друга.

И снова замер в своем замороженном состоянии.

Один раз только пробил страх — что потерял Лидочкин номер. Но потрогал салфетку пальцами и опять затих.

Еще через четверть часа позвонил Паша.

— Здорово, старик! — энергично завибрировала мембрана. — Ну, и как тебе «предполтинник»?

— Нормально, — оценил Сергей Петрович.

— А вообще как дела? — поинтересовался Кудряшов.

— Обалдеть! — честно ответил Фролов.

— А подарок мой тебя нашел? — спросил Паша. — Точнее, нашла ли тебя мой подарок? — весело хихикнул он в трубку. — Я же обещал.

Мир померк, закатился куда-то, перевернулся. И снова встал на место.

— Какой подарок? — еще на что-то надеясь, прошептал Сергей Петрович.

— Ты Ваньку-то не валяй! — уже в голос ржал Паша. — Давай, колись, старый! Она уже мне отзвонила из поезда.

Фролов замолчал. И так надолго, что друг всерьез забеспокоился.

— Эй, да что там с тобой? — завопил он в трубку.

— Нет, ничего, — осипшим голосом ответил Сергей Петрович. — Все в порядке.

На том конце линии явно шла какая-то мыслительная работа.

Наконец, уже другим, неуверенным голосом, Паша спросил:

— Слушай… Я там ничего не перемудрил? С подарком? Я не думал, что ты такой… — Какой, по его мнению, был Фролов, Паша так и не сформулировал.

— Нет, нет, все в порядке, спасибо, — быстро проговорил Сергей Петрович, мечтая только об одном — чтобы этот разговор кончился.

Он еще немного посидел на стуле.

Случайный посетитель задал ему какой-то вопрос и, не получив ответа, только покачал головой.

Сергей Петрович достал из кармана розовую салфетку, зачем-то тщательно прогладил ее по сгибам, после чего аккуратно разорвал пополам, сложил половинки и еще раз разорвал. Пальцы Фролова были сильными, поэтому в корзинку для мусора посыпались совсем небольшие розовые кусочки.

Потом пришел его сосед слева, как говорится — усталый, но довольный.

Сергей Петрович отпросился на пятнадцать минут у него, и тот с удовольствием его отпустил: долг платежом красен.

Фролов вышел из павильона, подошел к краю пирса.

Здесь было глубоко. Впрочем, он отметил это обстоятельство машинально, топиться Сергей Петрович не собирался.

Он посмотрел налево. В другое время картинка порадовала бы: за зданием морского вокзала стояло чудовищное по размерам — и грациозное одновременно — изделие финских корабелов, готовое поглотить в свое чрево несметное скопище автомобилей, уже выстроившихся на площади.

Направо, на мысу за рукавом-проливом, стояло небольшое строение — бывший маячок, с высоким красным шпилем, каждый год все более ветшавшее, но все равно привлекающее взгляд.

Между ним и маяком, уже на выходе из пролива, бодро рассекал серую воду маленький буксир. В этот раз он никого не буксировал: вся поклажа — большой синий биотуалет-кабина — находилась прямо на его носу, вместо знамени. Наверное, вез обустраивать какой-то пляж.

Картину дополняли громко орущие чайки, пополнявшие свой рацион не столько балтийской рыбкой, сколько обильными пищевыми отходами с многочисленных судов, баров и ресторанов.

Сергей Петрович постоял еще немного — пока спазм отпустил горло — и пошел на свое рабочее место.

У его стенда уже стоял народ, и Фролов несколько минут, сам себя не слыша, рассказывал про офсетные пластины, пока вновь не остался в одиночестве.

И тут он ощутил какие-то изменения.

Присмотревшись, понял: нет корзинки для мусора, в которую только что бросил разорванную салфетку.

Сразу вскочил на ноги.

— А где корзинка? — чуть не крикнул он соседу.

— Уборщица взяла. Выкинет и принесет обратно. Она их на тележку собирала.

— А куда она пошла? — выдохнул Сергей Петрович.

— Вон туда, — показал рукой направление сосед и — уже несколько недовольно — снова отпустил Сергея Петровича.

Тот мелкой рысью помчался в указанную сторону. Его состояние можно было назвать паникой, пока в голову не пришла мысль о том, что телефон Лидочки почти наверняка есть у Паши. Немного успокоенный, он даже остановился на мгновение.

Но тут же припустил снова: Кудряшов мог и не иметь заветного номера. Или имея — потерять. Это у Сергея Петровича Лидочка — одна, а у него — много.

Он не сомневался, что найдет уборщицу и вернет нить, связывавшую его с этой женщиной. А что будет потом, в данный момент его не интересовало.

Что будет — то и будет. ❑

КТО СТУЧИТСЯ в дверь ко мне?..

Екатерина Постникова

Всем известная пословица гласит: «Мой дом — моя крепость». Подразумевается, что в стенах собственного жилища человек рассчитывает если не на полную, то хотя бы на относительную безопасность. Для этого нужны и стальные двери, без которых сейчас немыслимо представить стандартную квартиру, и домофоны, и консьержки, и сложные системы видеонаблюдения. Но что может защитить человека от его же собственной — не скажу «глупости» — но доверчивости и неосмотрительности?

Квартирные грабежи занимают среди всех преступлений почетное пятое место. Для тех, кто не очень разбирается в понятиях, поясню, чем грабеж отличается от кражи: для того, чтобы изъятие преступниками материальных ценностей квалифицировали именно как «грабеж», необходимо в момент изъятия присутствие владельцев имущества. Иными словами, квартиру грабят, когда хозяева дома. И такое случается очень часто!

Вы можете спросить: а какой в этом смысл? Ведь, по идее, проще заявиться в отсутствие жильцов и спокойно вынести все ценности. Но жулики, которые решаются на грабеж, приходят обычно не ради того, чтобы забрать «два магнитофона, два медальона…», как в известном фильме. Их интересует то, что без хозяина получить затруднительно — содержимое замаскированных сейфов, всяческих тайников, пин-коды кредитных карточек и прочее в том же духе. Случаются, конечно, и чисто дилетантские налеты на квартиры, в которых нет практически ничего ценного, и налеты по ошибочной наводке, и откровенные ляпы, когда грабители являются, «купившись» на богатые пластиковые окна, и находят в квартире бригаду отделочников, плохо говорящих по-русски…

Вскрывать замки, точно зная, что хозяева находятся в квартире и могут позвонить в милицию, никто не станет. Отсюда вытекает главная особенность современных квартирных грабежей — в большинстве случаев жертвы сами, добровольно, впускают к себе домой налетчиков.

Вы спросите: как же люди, вроде бы здоровые, вменяемые, трезвые, ни с того ни с сего открывают дверь бандитам?

А вот примеры.

…Жена офицера ВДВ майора Тихонова (фамилия изменена) находилась дома и ждала мужа с дежурства, когда в дверь неожиданно позвонили. Дело было днем, почти все жильцы дома ушли на работу, и во всем подъезде насчитывалось от силы пять-шесть человек, включая Наталью Тихонову, которая пребывала на седьмом месяце беременности.

За дверью, тактично переминаясь, стоял пожилой мужчина очень интеллигентного вида. Вежливо представившись, визитер сказал, что хочет повидать Наташиного мужа по важному делу, касающемуся их квартиры. Причем дело настолько важное и срочное, что он готов немедленно ехать к майору в часть, вызывать его за КПП и разговаривать прямо на улице. Обратите внимание — мужчина ни в коем случае не просил Наташу открыть ему дверь! Он всего лишь хотел узнать, как добраться до места службы майора. Но психологический расчет оказался совершенно верным: женское любопытство — сильнейшая в мире вещь. Женщина впустила гостя, чтобы подробно расспросить его, тем более что муж должен был вот-вот вернуться.

К ее удивлению, мужчина оказался не один! Вместе с ним в квартиру вошли еще трое крепких, но уже совсем не таких интеллигентных молодых людей, и сообщили Наташе, что их свежеприобретенная квартира куплена незаконно у подставного владельца, а настоящим хозяином является вот этот пожилой господин. То, что сделка липовая, подтверждается документами — и перед лицом Наташи потрясли целой пачкой испещренных печатями листков. Вели себя гости крайне напористо, грубо, бесцеремонно ходили по квартире, вслух обсуждая вынос мебели и замену замков. Старичок же подчеркнуто мягко пытался успокоить застывшую в ступоре хозяйку, вздыхал, говорил ласковые слова и называл ее «дочкой».

Сказать, что Наташа находилась в шоке, значит, ничего не сказать. Единственной ее эмоцией был самый настоящий ужас, ведь все звучало так убедительно! И так совпадало с ее собственными давними подозрениями! Квартиру они с мужем купили по обналиченному жилищному сертификату действительно у какого-то скользкого типа, историю владельцев помещения как следует не проверили, да еще и денег на покупку не хватило, пришлось майору занимать у сослуживцев весьма круглую сумму — четыре тысячи долларов…

Но больше всего потрясло Наташу, что незваные гости буквально все знали и о бывшем хозяине, и о сделке, и о работе мужа, и о ее сомнениях, и даже об одолженных в части деньгах! Не знали они только о том, что буквально вчера майор принес домой нужную для расплаты с офицерами сумму, которую выручил от продажи дачного участка. Точнее — сразу оговорюсь — так думала несчастная, до смерти запуганная женщина. На самом же деле, «гости» все прекрасно знали и явились именно за этими деньгами, а вовсе не собирались посягать на жилплощадь семьи. Собственно говоря, на грабеж они пошли потому, что Наташа практически не выходила из дома, и надо было, что называется, ловить момент, пока деньги находятся в квартире, иначе бандиты просто вскрыли бы дверь.

Откуда же они все знали? Да от самой Наташи, точнее, от ее хорошей подруги, которая по совместительству являлась сожительницей одного из налетчиков. Женщина сама навела на себя грабителей, подробно растре-

пав отзывчивой знакомой все семейные секреты. Но в тот момент, когда визитеры вдруг, не дожидаясь прихода ее мужа, под каким-то нелепым предлогом вышли из квартиры и исчезли, в голову ей пришло только одно: «Неужели корпусом ошиблись?..»

Потом, конечно, была истерика, обнаружилась пропажа денег, началось расследование, бандитов после долгих поисков арестовали. Но сам метод, который они применили, чтобы взять бедную женщину «на понт», говорил о том, что организатор преступления был неплохим психологом. Ведь, когда приходят отбирать единственно ценное, что у тебя есть, поневоле забудешь и о деньгах в серванте, да и вообще о чем угодно…

Вывод? Дружба дружбой, а табачок врозь, как бы вам ни хотелось верить в чистые побуждения окружающих. Не надо болтать! Уже одно это убережет вас от множества неприятностей. И, конечно же, не стоит поддаваться искушению немедленно узнать, по какому делу к вам пришли. Если что-то важное, вы в любом случае это узнаете.

Очень часто, кстати, на те же грабли наступают люди, имеющие детей. Ладно женщина! Женщины далеко не все «языком метут, как метлой машут», как выразился рецидивист Петр Ручников из советского детективного сериала. Но вот разговорить малолетнего ребенка на предмет ценностей, хранящихся в квартире — дело для знающего человека пустяковое. И напрасно обольщаются некоторые мамы, утверждая: «Что вы, мой Мишенька (Сашенька, Оленька) никому и никогда!..» Думать так — большая ошибка.

…Кириллу было семь с половиной лет, и он четко знал, что с незнакомыми взрослыми (и даже с незнакомыми детьми!) разговаривать нельзя. Никому нельзя сообщать свой адрес, телефон, имена родителей и бабушки, никому нельзя давать ключи. Мальчик он был неглупый, старших слушался. Но старшие, естественно, не могли предусмотреть все и не предупредили мальчишку, что откровенничать не стоит вообще-то и со знакомыми тоже, и — более того — даже с друзьями! Им, старшим, казалось, что Кирилл и так все понимает и не будет никому «трепаться».

Мальчик и не трепался! Позднее, во время беседы со следователем, он добросовестно пытался вспомнить, говорил ли хоть кому-нибудь о том, что папа взял кредит на машину и держит деньги дома, в запертом ящике стола. И не смог. Он действительно не помнил! Только когда следователь пригласил детского психолога, выяснилось, что, когда Кирилл отвечал «Никому!», он дословно имел в виду «Никому из посторонних». А в число посторонних, естественно, не входил лучший друг, которого мальчик знал с пеленок и с которым делился абсолютно всем, что имел за душой.

Дальше цепочку проследить было уже легче. Лучший друг без всякой задней мысли похвастался маме, что Кирилла скоро будут катать на машине, так как его папа взял в банке кучу денег. Ведь это же мама! Ей можно сказать что угодно!

Мама, в свою очередь, поделилась с мужем, мол, Ивановы машину покупают, а мы что-то все не решимся. Муж, он же папа малыша, глубоко задумался и чисто случайно, в приятельской беседе с коллегами, сказал, что пора, наверное, подумать о кредите, вон, знакомая семья уже решилась, и даже деньги взяли…

В общем, никто никому не желал зла, никто и не думал наводить грабителей! Однако через три дня в квартиру, где находилась только ста-

ренькая бабушка Кирилла, явились мужчина и женщина, представились родителями одноклассницы мальчика (которую тот якобы обидел) и, стоило двери распахнуться, оглушили женщину и в пять минут нашли деньги, благо прятать их Иванов-старший никогда и не умел.

И обвинять мальчишку во всем этом нельзя. Речь идет о ребенке! У детей другая логика, и до определенного возраста (он колеблется от 10 до 13 лет) ребенку лучше просто не знать, что дома имеется что-то ценное. Согласитесь, нельзя разболтать то, чего не знаешь.

Навести бандитов может кто угодно. И даже — что угодно: например, дорогой стеклопакет, хорошая дверь с мощными засовами, видимые с улицы картины на стенах, одежда хозяев и даже содержимое их мусорного ведра. Все банально. Да и способы проникновения в жилище особым разнообразием не отличаются. Войти в ваш дом могут под видом участкового, сантехника, электрика, газовщика, соседа, нищего…

А совсем недавно, в марте 2006 года, произошел просто курьезный случай. Пожилая женщина открыла дверь… представителю штаба гражданской обороны! Уж откуда взялся такой реликт, трудно сказать, но рассчитал он верно — у бедняжки просто сработал давний рефлекс, прочно засевший в подсознании еще во времена холодной войны. Стоило незнакомому мужчине открыть рот и сообщить, что в районе объявлена радиационная опасность, как женщина моментально впала в неадекватное состояние и начала метаться по квартире, собирая необходимые для эвакуации вещи. «Представитель штаба ГО», естественно, немного ей помог, в результате чего вместе с ним эвакуировались все сбережения дамы, в сумме около 7 тысяч долларов. Приехавшие оперативники долго не могли понять, кто именно приходил, и переспрашивали: «Представитель МЧС? Нет? Именно гражданской обороны? Он был в форме? А документы показывал?..» Увы, преступника не нашли.

Доверчивость наших граждан вообще переходит все границы. У нас готовы открыть дверь просто любому желающему! Бывает, звонят и слезно просят разрешить вызвать по телефону «скорую» для умирающей выше этажом бабушки. Казалось бы, в чем проблема? Помогите человеку, вызовите его бабушке «скорую». Но в квартиру-то его зачем впускать, если можно отлично переговорить через дверь, а потом пойти и позвонить? Так нет — впускают, ведут к телефону, сочувствуют, помощь предлагают. А потом плачут и проклинают подлость человеческую…

Или, к примеру, явился к вам участковый. Я уж не говорю о том, что в наше смутное время всех участковых инспекторов микрорайона хорошо бы знать в лицо. Но хоть документы-то можно спросить? Почему-то считается, что просьба раскрыть перед дверным глазком удостоверение может унизить представителя власти. Вот и распахивают саму дверь и сердечно приглашают товарища войти. Слава Богу, если это правда участковый. А если нет?

То же самое и с сантехниками, электриками и прочими работниками коммунальной сферы. Если вы не вызывали данного специалиста на дом, желательно просто взять и позвонить в объединенную диспетчерскую службу (ОДС) микрорайона или в свой ДЭЗ и узнать, присылали они кого-нибудь или нет. Все нужные телефоны есть в справочниках, их вам скажут по «09». И не надо бояться «заставить человека ждать». Ничего страшного с ним не случится, а вот с вами — может.

Отдельная тема — курьеры из службы доставки. Было уже несколько случаев, когда жулики, отследив телефонный разговор из интересующей их квартиры, задерживали на подходах к дому настоящего курьера, а вместо него присылали своего человека. А уж что говорить о распространителях всякого залежалого товара, которые упорно прорываются в дома и трезвонят в двери! А религиозные проповедники? А сборщики подписей в поддержку депутата или, наоборот, в рамках акции протеста против чего-то? А несчастные оборванные женщины с грудничками, у которых «сгорела квартира и нечего кушать»?..

Перечислять можно долго. А правил, которые следует помнить, гораздо меньше:

• даже если вы искренне с кем-то дружите, это еще не повод загружать человека лишней информацией о ваших доходах;

• ребенок на то и ребенок, чтобы до поры до времени не заниматься взрослыми проблемами;

• если днем дома остается пожилой или малолетний член семьи, дверь должна оставаться закрытой для всех, как бы ни хотелось им ее открыть. Это касается и беременных женщин. Я вовсе не хочу их обидеть, но иногда психика женщины «в положении» существенно меняется — со всеми вытекающими;

• кто бы к вам ни пришел, сначала убедитесь, что данный человек — именно тот, за кого себя выдает;

• вызвать «скорую» можно и не открывая дверь. Если в этом есть реальная нужда, никто на вас не обидится;

• очень хочется подать нищенке? Попросите ее подойти под окно и бросьте вниз завернутые в бумагу деньги;

• принесли срочную телеграмму? Попросите почтальона прочесть ее вслух. Повестка? Скажите, что сейчас не одеты и зайдете на почту сами, чуть позже.

И так далее. Действуйте по обстановке. Помните — если вы хотите, чтобы дом стал крепостью, надо уметь его защищать.

И последнее. Если грабитель уже находится в квартире, что-либо делать поздно. Ваша задача — спасать свою жизнь, а не играть в Терминатора. Безропотно отдавайте все, что он требует, не кричите, не оскорбляйте, не злите его, не вздумайте угрожать или насмехаться! Ваша жизнь — ценнее любых денег.

… У меня смешные соседи. Мы лично знакомы полтора года, они точно знают, из какой я квартиры и как моя фамилия, но, если я звоню в их дверь, они не открывают. Мало ли, а вдруг у меня дома заложник, и меня вынудили к ним позвонить?.. Береженого Бог бережет. Время сейчас такое. ❑

Приспосабливаясь к реальности

Лоренс Блок

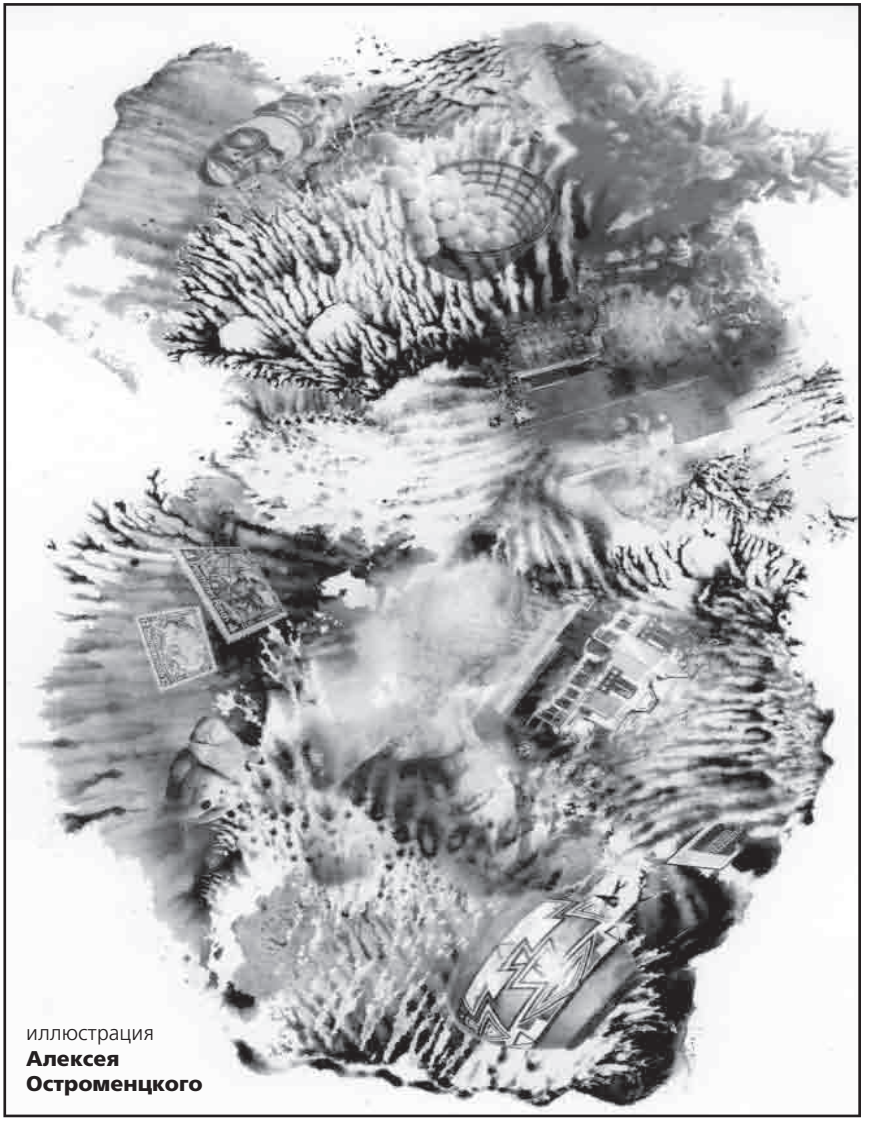


иллюстрация
Алексея Остроменцкого

Келлер, дожидаясь, пока красный свет сменится зеленым, размышлял о том, что случилось с миром.

До того, как все полетело в тартарары, ему бы не пришлось пересекать страну на автомобиле. Он бы доехал на такси до аэропорта имени Кеннеди, купил бы билет до Финикса, взял бы напрокат автомобиль, поездил бы на нем день или два, то есть время, необходимое для выполнения работы, сдал бы его и на самолете вернулся бы в Нью-Йорк. Туда и обратно, дело закрыто, можно жить дальше.

И при этом не оставил бы никаких следов. При посадке в самолет требовалось показывать удостоверение личности, уже несколько лет, как требовалось, но никто же не говорил, что оно должно быть настоящим, и годилась далеко не первоклассная подделка. Теперь же, прежде чем пассажира пускали на борт, у него снимали отпечатки пальцев, проверяли сумки и чемоданы, сданные в багаж, а ручной клади вкатывали смертельную дозу радиации. И оставалось только рассчитывать на милость Божью, если на кольце для ключей висели кусачки для ногтей.

Он не летал с тех пор, как были введены новые и очень жесткие меры безопасности, и не знал, поднимется ли когда-либо на борт самолета. Он где-то читал, что число деловых поездок значительно сократилось, и понимал, почему. Человеку, которому нужно попасть по делам в другой город, проще сесть в свой автомобиль и проехать пятьсот миль, чем прибыть в аэропорт за два часа до вылета и преодолеть полосу препятствий, устанавливаемых новой системой. Это не радовало даже тех, кто ехал на совещание или конференцию. А вот Келлеру и его коллегам новая система просто закрывала дорогу в небо.

Келлер практически всегда путешествовал только по делу, редкие исключения составляли поездки на марочные аукционы или в южные края, чтобы погреться в разгаре нью-йоркской зимы. Он полагал, что в этих случаях сможет воспользоваться услугами авиакомпаний, показать настоящее удостоверение личности, а ногти постричь дома, но сомневался, возникнет ли у него такое желание. Доставит ли путешествие удовольствие после всех этих аэропортовских процедур?

Все изменилось, разумеется, сентябрьским утром, когда два самолета врезались в две башни-близнеца Всемирного торгового центра. Келлера в этот день дома не оказалось. Он был в Майами, где провел уже неделю, готовясь убить некоего Рубена Оливареса, игравшего важную роль в эмигрантских кругах, но Келлер не знал наверняка, почему кто-то захотел потратить приличную сумму денег на его устранение.

С вечера воскресенья он хвостом ходил за Оливаресом, наблюдал, как тот пообедал в стейкхаузе в Корал-Гэблс, после чего в компании двоих мужчин, с которыми обедал, посетил два титти-бара[1] в Майами-Бич. Ушел Оливарес с одной из танцовщиц, и Келлер проследовал за ним до квартиры женщины, и остался дожидаться у дома. Через полтора часа решил, что останется у танцовщицы на ночь. Келлер, который наблюдал

[1] Титти-бар — бар, где клиентов обслуживают голые по пояс официантки и танцовщицы выступают с голой грудью (здесь и далее прим. переводчика).

за тем, как зажигаются и гаснут окна многоквартирного дома, не сомневался, что знает, где найти сладкую парочку. И в дом он мог попасть без всяких проблем. Он подумал о том, чтобы прямо сейчас и покончить с Оливаресом. Однако прошлую ночь он спал плохо, поднялся рано, целый день кружил на автомобиле по незнакомым улицам, очень устал, ему не хотелось вскрывать дверь черного хода, подниматься по лестнице, убивать одного человека, не говоря уже о двоих.

Поэтому Келлер вернулся в мотель, долго стоял под душем и улегся спать. Проснувшись, не включил телевизор, вышел из мотеля и пересек улицу, направляясь в ресторанчик, где всегда завтракал. Открыв дверь, он сразу понял: что-то изменилось. На столе в глубине зала стоял телевизор, и все смотрели на экран. Он тоже посмотрел несколько минут, взял контейнер с кофе и отнес в свой номер. Сел перед телевизором и не мог оторвать глаз от одних и тех же кадров, которые показывали снова и снова.

Если бы он закончил работу ночью, осознал Келлер, то находился бы в воздухе, когда это произошло. А может, и нет, потому что, разобравшись с Оливаресом, скорее всего, немного бы поспал, поэтому остался бы здесь, в номере мотеля, наблюдать, как самолет врезается в здание. И существенная разница заключалась бы лишь в том, что Рубен Оливарес, который сейчас, скорее всего, лицезрел те же кадры, что и вся Америка, не смотрел бы телевизор. И вообще, закончил бы свой путь в этом мире…

Только в среду у него возникла мысль позвонить Дот, и лишь в четверг он дозвонился до нее, нашел дома, в Уайт-Плейнс.

— Я как раз думала о тебе, Келлер, — сказала она. — Все самолеты посадили в Ньюфаундленде, все, что находились в тот момент в воздухе, направили в Ньюфаундленд, и одному Богу известно, когда они вернутся домой. Я чувствовала, что и ты можешь оказаться там.

— В Ньюфаундленде?

— Местные жители разбирают застрявших в аэропорту пассажиров, развозят по своим домам, принимают, как дорогих гостей, потчуют мясным бульоном и сэндвичами со страусиным мясом…

— Со страусиным мясом?

— Скорее да, чем нет. Я так живо представила тебя там, Келлер, а ты, оказывается, в Майами. И только Богу известно, когда они позволят тебе прилететь домой. У тебя есть автомобиль?

— Взял напрокат.

— Тогда держись за него, — посоветовала Дот. — Не сдавай, потому что в агентствах по прокату автомобилей их не осталось. Слишком много людей застряли в разных городах и теперь пытаются добраться домой на автомобиле. Может, и тебе стоит поступить так же?

— Я об этом думаю, — ответил Келлер. — Но думаю и о другом, ты знаешь. О том парне.

— Ах, о нем.

— Я не хочу называть его имя, но…

— И не называй…

— Дело в том, что он все еще… э…

— Занимается тем же, что и всегда.

— Совершенно верно.

— Вместо того, чтобы последовать примеру Джона Брауна.

— Кого?

— Или тела Джона Брауна. Насколько я помню, оно превращается в прах в могиле.

— Тебе виднее.

— Наверное, мы сможем догадаться, если подумаем вместе, Келлер. Ты задаешься вопросом, а в силе ли наши договоренности, так?

— С одной стороны, нелепо даже думать об этом, — ответил он. — Но с другой…

— С другой стороны, половина денег заплачена. И мне бы не хотелось их возвращать.

— Я понимаю.

— Знаешь, я бы предпочла получить и вторую половину. Но, если они дадут задний ход, мы оставим то, что они прислали. А если скажут, что ничего не меняется, что ж, ты уже в Майами, не так ли? Сиди на месте, Келлер, мне нужно позвонить.

Того, кто хотел отправить Оливареса в мир иной, смерть нескольких тысяч людей в тысяча пятистах милях от Майами не заставила отказаться от намеченного. И Келлер, думая об этом, не мог понять, а почему, собственно, он решил, что заставит. По телевизору много рассуждали о возможных последствиях трагедии. Нью-йоркцев, предположил кто-то, она сплотит, они проникнутся друг к другу более теплыми чувствами, поняв, что все они — одна большая семья.

Почувствовал ли Келлер связь с Рубеном Оливаресом, которой ранее не ощущал? Он подумал об этом и решил, что нет, не почувствовал. Более того, где-то даже обиделся на него. Если бы Оливарес провел меньше времени за обедом и поспешил с прелюдией в титти-баре, если бы сразу поехал на квартиру танцовщицы, а потом отбыл в посткоитусном блаженстве, Келлер прикончил бы его и успел на последний рейс в Нью-Йорк. И в этом случае находился бы у себя в квартире, когда самолеты врезались в башни-близнецы.

Но что бы от этого изменилось? Ему пришлось признать, что ничего. Он бы наблюдал, как разворачивается эта жуткая драма, на экране собственного телевизора, а не того, что стоял в номере мотеля. Повлиять же на происходящее он не мог.

По всей Америке люди выписывали чеки и выстраивались в очереди на станциях переливания крови. Копы, пожарные, обычные граждане садились в автомобили и ехали на северо-восток, чтобы принять участие в спасательных работах. Оливарес же по-прежнему потворствовал своим желаниям, утром шел в офис, днем и ранним вечером совершал обход баров и ресторанов, а завершал день ромом в стриптиз-клубе.

Келлер ходил за ним три дня и три вечера, и к третьему вечеру решил, что не стоит мучиться угрызениями совести. Он прошел мимо столика, за которым Оливарес болтал с тремя молодыми женщинами, и увидел, как тот отсчитывает деньги. Все три женщины сидели за столиком и, похоже, не собирались расставаться с Оливаресом. Келлер уже смирился с тем, что придется отправить к праотцам одну постороннюю женщину, но теперь получалось, что речь шла о троих.

Но, подождите… Оливарес поднялся и, судя по жестам и выражению лица, говорил женщинам, что ему нужно на минутку отлучиться. И да,

взял курс на мужской туалет. Келлер вбежал туда раньше Оливареса и нырнул в пустую кабинку, наблюдая за ним поверх стенки.

Оливарес вошел, достал маленькую бутылочку синего стекла и крохотную ложечку, вдохнул каждой ноздрей по ложечке порошка, Келлер предположил, что в бутылочке — кокаин, и повернулся лицом к раковине.

Келлер выскочил из кабинки. Оливарес, который мыл руки, должно быть, не услышал его за шумом льющейся воды. В любом случае, не отреагировал. Келлер подлетел к нему, одной рукой ухватился за подбородок, второй — за жирно блестящие волосы, сломал Оливаресу шею, подтащил бездыханный труп к кабинке и торопливо покинул туалет.

Полчаса спустя он уже ехал на север по автостраде 95…

Через неделю после возвращения он нашел сообщение на автоответчике. Дот просила его позвонить. Он посмотрел на часы, решил, что еще слишком рано. Налил себе чашку кофе, а когда выпил, набрал номер в Уайт-Плейнс.

— Келлер, — ответила она, — поскольку ты не перезвонил, я решила, что ты вернулся поздно. А теперь ты поднялся рано.

— И что?

— Почему бы тебе не сесть на поезд? У меня болят глаза, а ты для них, что бальзам.

— Что с твоими глазами?

— Ничего. Я просто старалась оригинально выразить свою мысль и такой ошибки больше не повторю. Есть у тебя желание приехать, чтобы повидаться со мной?

— Сейчас?

— Почему нет?

— Я без сил. Всю ночь не сомкнул глаз, мне нужно выспаться.

— А где ты… неважно, мне это знать не обязательно. Хорошо, вот что я тебе скажу. Отоспись и приезжай к обеду. Я что-нибудь закажу в китайском ресторане. Келлер? Ты мне не отвечаешь.

— Я приеду во второй половине дня.

Вскоре после полудня он уже сидел в электричке, а на станции в Уайт-Плейнс взял такси. Она встретила его на крыльце большого дома, построенного в викторианском стиле. На столике стояли большой графин чая со льдом и два стакана.

— Посмотри, — Дот обвела рукой лужайку. — Могу поклясться, в этом году деревья раньше сбрасывают листву. В Нью-Йорке такая же история?

— Честно говоря, не обращал внимания.

— Раньше сюда приходил один юноша, сгребал листья, но в этом году, должно быть, уехал в колледж. Что будет, если не сгребать листья, Келлер? Ты, часом, не знаешь?

Он не знал.

— И тебе это совершенно не интересно, я это вижу. У тебя в голове что-то другое, и мне кажется, я знаю, что именно. Ты не влюбился, а?

— Влюбился?

— Так я не ошиблась? Ночью тебя нет дома, а по возвращении ты можешь только спать. Кто эта счастливица, Келлер?

Он покачал головой.

— Счастливицы нет. Я работаю по ночам.

Он позволил ей все из него вытянуть. Через день или два после того, как он вернулся из Майами и сдал взятый напрокат автомобиль, он что-то услышал в новостях и пришел на один из причалов на Гудзоне, где набирали добровольцев для работы в столовой, обслуживающей спасателей, которые круглосуточно разбирали завалы на месте обрушения башен. И с тех пор они собирались на причале в десять вечера, плыли вниз по реке, поднимались на борт другого корабля, который стоял на якоре рядом с ВТЦ. Еду готовили шеф-повара лучших нью-йоркских ресторанов, а Келлер и другие раздавали ее рабочим, которые после смены в дымящихся развалинах демонстрировали отменный аппетит.

— Господи, Келлер, я пытаюсь это себе представить, — в голосе Дот слышалось изумление. — Ты стоишь с большим половником и наполняешь их тарелки? В фартуке?

— Там все в фартуках.

— Готова спорить, ты в своем смотришься клево. Только не думай, что я над тобой насмехаюсь, Келлер. Ты делаешь нужное дело и, конечно же, должен быть в фартуке. Ты же не хочешь залить рубашку соусом. Но мне это кажется странным, вот и все.

— Нормальная работа.

— Это героизм.

Он покачал головой.

— Ничего героического в этом нет. Все равно, что работаешь в столовой, раскладываешь по тарелкам еду. Люди, которых мы кормим, долгие часы выполняют тяжелую физическую работу и дышат дымом. Вот это — героизм. Хотя я не уверен, что в этом есть смысл.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Видишь ли, они называют себя спасателями, но никого не спасают, потому что спасать-то некого. Все мертвы.

Она что-то сказала, перебив его, но он не услышал.

— Та же история с кровью. В первый день все бросились в больницы, сдавали кровь для раненых. Но, как выяснилось, раненых не было. Люди или вышли из зданий, или не вышли. Если вышли, то остались целы и невредимы. Если нет, то погибли. А кровь, которую пожертвовали люди? Ее выбросили.

— То есть она пропала зазря.

— Все зазря. — Он нахмурился. — В общем, этим я и занимаюсь по ночам. Раскладываю по тарелкам еду, а они стараются спасти мертвых. Этим мы и занимаемся.

— Чем дольше я тебя знаю, тем больше убеждаюсь, что не знаю совсем. Ты не перестаешь удивлять меня, Келлер. Давай поговорим о чем-то другом, скажем, по какому поводу я позвонила и попросила тебе приехать.

— Хорошо.

— На самом деле, поводов — два. Во-первых, пришли деньги. Майами, помнишь?

— Само собой.

Она протянула ему конверт.

— Я думала, они тебе нужны, хотя, похоже, не так сильно, раз уж ты ни разу про них не спрашивал.

— Я о них и не думал.

— Естественно, кто будет думать о деньгах, работая добровольцем? Но ты, несомненно, найдешь им применение.

— Безусловно.

— Ты всегда сможешь купить на них марки. Для своей коллекции.

— Конечно.

— У тебя, должно быть, уже большая коллекция.

— Она пополняется.

— Не сомневаюсь в этом. Теперь второй повод, Келлер. Мне позвонили.

— И что?

Она добавила в стакан чая, отпила.

— Есть работа. Если ты хочешь. В Портленде, что-то связанное с профсоюзами.

— В каком Портленде?

— Ты знаешь. Я забываю, что есть еще один, в штате Мэн, но он есть, и там, полагаю, свои проблемы с профсоюзами. Но я говорю про тот Портленд, что в Орегоне. Речь даже не о самом Портленде, а о Бивертоне, это — пригород. Но почтовый индекс такой же, что и в Портленде.

— На другом конце страны, — заметил он.

— Несколько часов на самолете.

Они переглянулись.

— Я помню времена, — первым заговорил Келлер, — когда от тебя требовалось лишь подойти к стойке и сказать, куда ты хочешь лететь. Потом ты отсчитывал купюры, и они радовались, получая наличные. Тебе приходилось назвать им имя и фамилию, но их ты мог придумать прямо у стойки. Документы, удостоверяющие личность, требовались, лишь когда ты пытался расплатиться чеком.

— С тех пор мир изменился, Келлер. Ты можешь поехать на поезде.

— Или на клипере. Вокруг мыса Горн.

— А чем тебя не устраивает Панамский канал? — Она допила чай, вздохнула. — Думаю, ты ответил на мой вопрос. Я передам в Портленд, чтобы на нас не рассчитывали.

После обеда Дот отвезла его на станцию, а две недели спустя он сам позвонил и сказал ей, чтобы она не отказывалась от всех заказов подряд.

— Ты сейчас дома? — спросила Дот. — Никуда не уходи. Я позвоню в одно место. А потом свяжусь с тобой.

Он сидел у телефона, так что снял трубку сразу после первого звонка.

— Я боялась, что они уже нашли кого-то еще, но нам повезло, если можно так сказать. Они что-то посылают нам «Эйрборн экспресс»[1]. Клянутся, что пакет будет у меня в девять утра, но ты в это время только приходишь с работы, так? Как думаешь, успеешь на электричку, которая отправляется с центрального вокзала в четырнадцать ноль четыре? Я встречу тебя на станции.

— Есть электричка в десять ноль восемь, — ответил он. — Прибывает в Уайт-Плейнс около одиннадцати. Если тебя не будет, возьму такси.

[1] «Эйрборн экспресс» — частная служба доставки почтовой корреспонденции.

День выдался холодный, ненастный, шел дождь. Дот усадила Келлера за кухонный стол, налила чашку кофе, дала прочитать записи, которые сделала, и внимательно рассмотреть полароидные фотографии, присланные вместе с деньгами, авансом за работу, в пакете, доставленном «Эйрборн экспресс». Он долго смотрел на одну из них, запечатлевшую мужчину лет за семьдесят, с круглым лицом и седыми усиками, который поднимал клюшку для гольфа с таким видом, словно надеялся, что кто-то освободит его от нее.

Келлер отметил, что этот мужчина не похож на профсоюзного лидера, и Дот покачала головой.

— То был Портленд. А это — Финикс. Точнее, Скоттсдейл, и я готова спорить, сегодня там лучше, чем здесь. И точно лучше, чем в Портленде, потому что там, как я понимаю, всегда идет дождь. В Скоттсдейле никогда дождей не бывает. Не знаю, что это со мной, но я превращаюсь в диктора с канала погоды. Ты можешь и полететь, знаешь ли. Не до Финикса, но, по крайней мере, до Денвера.

— Я подумаю.

Она постучала ногтем по фотографии.

— Они говорят, что мужчина ничего не ожидает, не предпринимает никаких мер безопасности. С другой стороны, его жизнь — мера безопасности. Он живет на охраняемой территории.

— Тут написано «Сандаунер эстейтс».

— Там поле для гольфа на восемнадцать лунок, а вокруг — частные дома. В каждом — индивидуальная система охраны, но пока сигнализация срабатывала только по одной причине: мяч после удара какого-нибудь клоуна влетал в гостиную, по пути разбивая окно. Потому что войти на территорию можно, лишь миновав охранника. Никаких металлодетекторов, у тебя не конфискуют даже пилку для ногтей, но, если ты там не живешь или не приглашен в гости, он тебя не пустит.

— Мистер Эгмонт когда-нибудь покидает территорию поселка?

— Он каждый день играет в гольф, если не идет дождь, а дождь, как мы уже выяснили, не идет там никогда. Ленч есть в гольф-клубе, у них там свой ресторан. Дважды в неделю к нему приезжает уборщица, возможно, и кухарка. Охранники, как я понимаю, ее знают. В остальное время он живет в доме один. Вероятно, его часто приглашают на обед. Он не женат, а в таких закрытых поселках, насколько мне известно, на одного мужчину всегда шесть женщин. Ты так пристально смотришь на его фотографию, и, готова спорить, я знаю, почему. Знакомое лицо, не так ли?

— Да, но не пойму, почему?

— Ты когда-нибудь играл в «Монополию»[1]?

— Ну, конечно! Он выглядит, как банкир в «Монополии».

— Ты прав, — кивнула Дот. — Те же усы и круглое лицо.

Она отвезла его на станцию, но из-за дождя они дожидались прихода поезда не на платформе, а в машине. Он сказал, что практически пере-

[1] «Монополия» — изобретенная в 30-х годах прошлого столетия настольная игра, и теперь остающаяся очень популярной.

стал работать на корабле-столовой. Она, по ее словам, и не сомневалась, что он не будет заниматься этим до конца своих дней.

— Там все поменялось, — объяснил он. — За дело взялся «Красный крест». Это — их работа, ликвидация последствий катастроф, они — профессионалы, но их приход привел к тому, что порыв простых нью-йоркцев превратился во что-то безликое. Я хочу сказать, когда мы начинали, знаменитые повара лезли из кожи вон, чтобы повкуснее накормить этих парней, а с появлением «Красного креста» мы наполняем их тарелки макаронами с сыром и тушенкой. Из ресторана попали в какую-то забегаловку.

— И радости уже никакой, да?

— А тебе хотелось бы проработать десять часов, просеивая кусочки железа и собирая части тел, а потом оказаться в армейской столовке? Знаешь, я просто не мог смотреть им в глаза, накладывая в тарелки это дерьмо. Пропустил ночь, и меня заела совесть, вышел в следующую ночь, и почувствовал себя еще хуже. Так что, больше там не появлялся.

— Наверное, ты и так хотел с этим завязать, Келлер.

— Не знаю. У меня было так хорошо на душе, пока не показался «Красный крест».

— Так вот почему ты ходил туда, — кивнула она. — Чтобы было хорошо на душе.

— Чтобы помогать.

Вернувшись в город, Келлер позвонил в одну из авиакомпаний, решив, что воспользуется предложением Дот и полетит до Денвера.

На следующее утро он первым делом забрал «форд-таурус», миновал тоннель и выехал на автостраду в Нью-Джерси. Машину он взял на свое имя, по своему водительскому удостоверению и своей кредитной карточке «Американ экспресс», но у него была клонированная кредитка, на другое имя, которую дала ему Дот, и он пользовался ею, когда останавливался в мотелях.

До Тусона добирался четыре дня. Ехал, пока не возникало желание поесть или необходимость заправить автомобиль бензином, или посетить туалет, потом снова садился за руль и ехал дальше. Когда уставал, находил мотель и регистрировался под указанными в поддельной кредитной карточке именем и фамилией, принимал душ, короткое время смотрел телевизор и ложился спать. Спал, пока не просыпался, опять принимал душ, одевался, искал место, где бы позавтракать. И ехал дальше.

Гольф-клуб «Сандаунер эстейтс» с расположенными на его территории частными жилыми домами, в одном из которых жил Уильям Уоллис Эгмонт, находился в Скоттсдейле, богатом пригороде Финикса. Тусон отделяли от Финикса двести миль, и ближе подъезжать на «таурусе» Келлер не собирался. Следуя указателям, добрался до аэропорта и оставил автомобиль на стоянке длительного пребывания. За долгие годы он частенько оставлял автомобиль на стоянке длительного пребывания, но обычно каждый такой автомобиль принадлежал другому человеку, чей труп в этот самый момент лежал в багажнике. Келлер эти автомобили забирать не собирался, поэтому при первой возможности отделывался от квитанции. На этот раз ситуация была другая, поэтому полученную от дежурного

квитанцию он аккуратно убрал в бумажник и запомнил как секцию стоянки, так и ячейку, на которую поставил автомобиль.

Потом прошел в здание аэропорта, нашел выстроившиеся в ряд стойки агентств проката автомобилей, на этот раз обратился в «Авис», конкуренту «Хертца», и остановил свой выбор на «тойоте камри», предъявив поддельную кредитную карточку и водительское удостоверение на те же имя и фамилию, выданные в штате Пенсильвания.

Мотель Келлер выбрал семейный, не принадлежащий ни к одной из сетей. Располагался он в Темпе, другом пригороде Финикса. Келлер расплатился наличными, за неделю, и внес депозит в двадцать долларов на телефонные звонки. Звонить не собирался, но, если бы такая необходимость возникла, хотел, чтобы телефон работал.

Зарегистрировался он как Дейвид Миллер из Сан-Франциско, написать адрес и почтовый индекс труда не составило. На регистрационной карточке полагалось указывать и номер водительского удостоверения. Он изменил пару цифр в номере своего удостоверения, вместо букв АЗ поставил КА. Мог бы и не стараться, ни у кого не возникло бы и мысли заглядывать в регистрационную карточку, но у него вошло в привычку без необходимости не светиться.

Он позвонил Дот по мобильнику и оборвал связь через семь или восемь гудков. Решил, что она или отъехала, или в душе. А может, он набрал неправильный номер? Такое всегда возможно, подумал он, и нажал кнопку повторного вызова, но сразу же сообразил, что опять попадет не туда, если в первый раз неправильно набрал номер. Разорвал связь, набрал номер заново, и на этот раз услышал короткие гудки: занято.

Следующая попытка тоже закончилась короткими гудками. Он выждал какое-то время, предпринял еще одну. Трубку сняли, едва раздался первый гудок. Она рявкнула: «Да?» — в одном коротком слове в полной мере передав переполняющее ее раздражение.

— Это я.

— Какой сюрприз.

— Что-то не так?

— Кто-то позвонил в дверь, и свистел чайник, а когда я, наконец, добралась до телефона и сняла трубку, то услышала лишь гудок.

— Я звонил долго.

— Как мило с твоей стороны. Я положила трубку и только отвернулась, как раздался новый звонок. На этот раз я схватила трубку еще до того, как он замолчал, чтобы услышать короткие гудки. Привет. Где ты?

— Здесь.

— Скажи мне, что все в порядке, и ты едешь домой.

— Я только что приехал сюда.

— Этого я и боялась. Как погода?

— Жарко.

— Не здесь. У нас обещают снег, но предупреждают, что его может и не быть. Ты звонишь, чтобы сообщить о приезде?

— Точно.

— Очень приятно слышать твой голос, и я люблю поболтать, но ты же говоришь по мобильнику.

— Совершенно верно.

— Звони в любое время. Твой звонок мне всегда в радость.

Келлер не знал, какова плотность населения в «Сандаунер эстейтс» в пересчете на один акр, хотя предполагал, что получить достаточно точный ответ труда не составит. Территория была достаточно большой, раз на ней разместилось поле для гольфа на восемнадцать лунок и количество частных домов, достаточное для того, чтобы оплачивать поддержание инфраструктуры на должном уровне.

Он объехал гольф-клуб пару раз, убедился в наличии двух ворот, одних — на востоке, вторых — не совсем напротив, в юго-западном углу. Припарковался так, чтобы держать под наблюдением юго-западные ворота, но выяснил лишь одно: каждый автомобиль, въезжающий или выезжающий, останавливался, и водитель общался с одетым в униформу охранником. Может, ему показывали пропуск, может, он звонил, чтобы убедиться, что гостя ждут. Точно сказать Келлер не мог, но в одном сомнений у него не осталось: просто так подъехать и убедить охранника пропустить его на территорию под каким-то надуманным предлогом не удастся.

— Вот что я вам скажу. — Голос женщины звучал очень убедительно. — Если вы решите купить дом в «Сандаунере», то сожалеть об этом не будете. Еще никто не сожалел.

— Это — весомая рекомендация, — кивнул Келлер.

— Это — потрясающее место, мистер Миллер. Полагаю, мне не нужно спрашивать, играете ли вы в гольф.

— Люблю это дело, — признался Келлер.

— Надеюсь, вы привезли с собой клюшки. В «Сандаунере» — первоклассное поле, знаете ли. На нем можно проводить соревнования любого уровня, вплоть до чемпионатов страны и мира. Его проектировал Роберт Уокер Вильсон, а консультантом был Клей Бунис. Мы находимся в пустыне, но, оказавшись за стенами «Сандаунера», вы этого не почувствуете. Поле зеленое, как пастбища в Ирландии.

Ее звали, как выяснил Келлер, Мишель Прентис, но все называли Мици. А как насчет него? Он предпочитал, чтобы к нему обращались Дейв или Дейвид?

Это был вопрос на засыпку, и Келлер понял, что слишком затянул с ответом.

— В зависимости от ситуации. Я откликаюсь на оба варианта.

— Держу пари, ваши деловые партнеры называют вас Дейв, — предположила она, — а действительно близкие друзья — Дейвид.

— Откуда вы могли это узнать?

Она широко улыбнулась, довольная тем, что угадала.

— Просто догадка. Просто удачная догадка, Дейвид.

Значит, им предстояло стать близкими друзьями, подумал он. Ради этого она не преминула рассказать ему кое-что о себе, и к тому времени, когда они добрались до будки охранника у восточных ворот «Сандаунер эстейтс», он уже знал, что ей тридцать девять лет, три года тому назад она развелась со своим мужем, законченным мерзавцем, и переехала сюда из Франкфорта, штат Кентукки. Она продавала дома во Франкфорте, при первой возможности получила в Аризоне лицензию риэлтера, и оказалось, что здесь продавать дома гораздо проще, чем в Кентукки, потому что они, можно сказать, продавались сами. Финикс с пригородами раз-

растался, как дрожжевое тесто, заверила она его, и участие в этом процессе доставляло ей огромное удовольствие.

У восточных ворот она сдвинула солнцезащитные очки на лоб и лучезарно улыбнулась охраннику.

— Привет, Гарри. Мици Прентис, а это — мистер Миллер, приехал, чтобы взглянуть на дом Латтимора на Сангаро-секл.

— Мисс Прентис, — он улыбнулся Мици и кивнул Келлеру. Сверился с какой-то бумажкой, вернулся в будку, позвонил по телефону. Мгновением позже появился и предложил Мици проезжать. — Полагаю, вы знаете, как туда добраться.

— Полагаю, должна знать, — сказала она Келлеру, когда они миновали ворота. — Я показывала этот дом два дня тому назад, и он как раз дежурил у ворот. Но это — его работа, а к ней они относятся очень серьезно, доложу я вам. Я знаю, что шутить с ним бесполезно, с любым из них, на шутки они не отвечают. Не могут, потому что не хотят, чтобы это зафиксировала камера. Им может за это влететь.

— Здесь есть камеры наблюдения?

— Работают двадцать четыре часа в сутки. Попасть на территорию невозможно, если твоей фамилии нет в списке, и камера фиксирует время приезда и отъезда, автомобиль, на котором ты приехал, номерные знаки и все такое.

— Однако.

— В «Сандаунере» живут очень влиятельные люди, и кое-кто из них уже в годах. Не могу сказать, что вы не найдете здесь много ваших ровесников, особенно на поле для гольфа и около бассейна, но стариков тоже хватает, а у них, знаете ли, безопасность — вопрос номер один. Вы только посмотрите, Дейвид. Прекрасный вид, не так ли?

Через окно Мици указывала на поле для гольфа, и для Келлера выглядело оно обычным полем для гольфа. Он согласился, что поле великолепно.

На кухне дома Латтимора они сидели за столом друг напротив друга, и Мици выкладывала аргументы «за». Дом продавался с обстановкой, которая, как он мог видеть, в идеальном состоянии. Конечно, он мог внести кое-какие изменения, но, в принципе, ремонта не требовалось. Он мог купить дом сегодня, а уже завтра въехать в него.

— Это, конечно, только слова, — она коснулась его руки. — Финансовые вопросы требуют времени. Даже если вы хотите заплатить наличными, на оформление бумаг уйдет несколько дней. Вы ведь думаете о том, чтобы заплатить наличными?

— Так всегда проще.

— Да, но я уверена, что у вас не будет проблем с закладной. Банкам нравится оформлять закладные на дома в «Сандаунер эстейтс», потому что цены только растут, — ее пальцы охватывали его запястье. — Я не знаю, стоит ли мне говорить вам об этом, Дейвид, но сейчас особенно удачный момент для покупки.

— Мистеру Латтимору не терпится продать дом?

— Мистера Латтимора это уже не интересует. Ни продажа дома, ни что-либо еще. Продать дом хочет его дочь. Она получила предложение на десять процентов ниже объявленной цены, но только что выставила дом

на продажу и не пожелала снижать цену, думая, что покупатель поупирается и согласится, а покупатель купил другой дом, и теперь женщина кусает себе локти. Я бы предложила на пятнадцать процентов меньше той суммы, которую она запрашивает. Возможно, договориться не удастся, но скидку в десять процентов можно гарантировать, а это — очень неплохой результат.

Он задумчиво кивнул, потом спросил, а что случилось с Латтимором.

— С одной стороны, грустная история, — ответила Мици, — с другой — нет, потому что он умер, занимаясь любимым делом.

— Играя в гольф, — догадался Келлер.

— На тринадцатой лунке у него получился отменный первый удар и появились отличные шансы добраться до нее за три удара, вместо положенных пяти. «Классный удар», — прокомментировал его успех партнер. «Да, я еще кое-что могу», — ответил Латтимор, упал и умер.

— Если уж приходится ум…

— Так все и говорят, Дейвид. Тело кремировали, в гольф-клубе провели погребальную службу. Потом дочь и ее муж на электрических тележках подъехали к шестнадцатой лунке и опустили урну с пеплом в водяную ловушку, — она непроизвольно рассмеялась и отпустила его запястье, чтобы прикрыть рот рукой. — Извините за смех. Просто вспомнила, как кто-то сказал: «Там немало его мячей, и теперь он сможет их отыскать».

Ее рука вернулась на его запястье. Он посмотрел на нее, их взгляды встретились. Келлер заговорил первым.

— Моя машина — около вашего офиса, так что, я бы хотел, чтобы вы меня подвезли. Потом я бы хотел вернуться в мотель, где остановился, и переодеться, после чего буду счастлив пригласить вас на обед.

— Я бы с удовольствием.

— Вечер у вас занят?

— Я живу с дочерью, и мне нравится быть с ней в те дни, когда она ходит в школу, особенно сегодня, потому что по телевизору показывают программу, которую мы никогда не пропускаем.

— Я понимаю.

— Так что, обедать вам придется одному, но разве дело в обеде, Дейвид? Почему бы вам просто не отвести меня в спальню мистера Лоттимора?..

Келлер пообедал один в мексиканском ресторане, который напоминал ему любой другой мексиканский ресторан. Пил вторую чашку кофе с молоком, когда его вдруг осенило. Многие годы тому назад работа привела его в Роузбург, штат Орегон, и, прежде чем он уехал оттуда, заглянул к одному местному риэлтеру, тоже даме, и провел вторую половину дня в поездках по городу и пригородам: риэлтерша показывала ему выставленные на продажу дома.

Он не переспал с орегонской риэлтершей, такая мысль даже не приходила ему в голову, не использовал ее для того, чтобы получить нужную ему информацию. Найти этого мужчину, которого Программа защиты свидетелей защищала очень уж неуклюже, оказалось проще простого, но Келлер, который всегда знал, что личную и деловую жизнь всегда нужно разделять, почему-то позволил себе подружиться с бедолагой. И, прежде чем он успел и глазом моргнуть, у него появились мыс-

ли о том, чтобы самому переехать в Роузбург, купить дом, завести собаку, осесть.

Он осматривал дома, но это все, на что оказался способен. Пришел вечер, когда он взял себя в руки, потом заставил себя разобраться с мужчиной, из-за которого и приехал в этот город. Воспользовался гарротой, задушил мужчину, после чего пришла пора возвращаться в Нью-Йорк.

Теперь он вспомнил «Мексиканское кафе» в Роузбурге. Еду подавали вкусную, хотя большее впечатление на него произвела не еда, а официантка, в которую он чуть не влюбился. Но любовь эта, конечно же, была такой же фантазией, как и идея о переезде в Роузбург. Он думал о мужчине, которого убил, бухгалтере, который стал владельцем маленькой типографии. Затем принялся избавляться от лица мужчины, отмывая от цвета, отталкивая все дальше и дальше. Заставляя исчезнуть. Процесс оказался более трудным и длительным, но, в конце концов, прием сработал, лицо мужчины исчезло, ушло в то место, куда уходили все лица мертвецов. Келлер не знал, что это за место, но надеялся, что оно останется там навсегда.

Он долго стоял под душем, а потом лег спать.

Утром он позавтракал в одном из ресторанов, на этот раз не мексиканском. Почитал газету, выпил вторую чашку кофе, потом объехал «Сандаунер эстейтс» по периметру. Вернувшись в мотель, позвонил Дот по мобильнику.

— Вот какая у меня возникла мысль. Я припаркуюсь так, чтобы видеть ворота. Потом, когда кто-то выедет, я последую за ними.

— За ними?

— За ним или за ней, в зависимости от того, кто будет сидеть за рулем. Или за ними, если в машине будет еще и пассажир. Рано или поздно они остановятся и вылезут из машины.

— И ты с ними разберешься, а если будешь продолжать в том же духе, то рано или поздно придет черед нужного парня.

— Они вылезут из машины, я покручусь рядом, а когда никто не будет смотреть, залезу в багажник.

— Багажник их автомобиля?

— Если бы я хотел залезть в багажник своего автомобиля, то мог это сделать прямо сейчас. Да, в багажник их автомобиля.

— Я поняла. Их автомобиль станет «Троянским Крайслером». Они привезут тебя в огороженный стеной город, ты окажешься во вражеской крепости и будешь ждать, когда они откроют багажник и выпустят тебя.

— В наши дни в замок багажника встроен специальный механизм, позволяющий открывать его изнутри. Чтобы жертва похищения могла удрать.

— Ты шутишь, — воскликнула она. — Чтобы автостроители что-то изменили ради восьми человек, которых за год запихивают в багажник?

— Думаю, запихивают больше восьми, — ответил он, — и потом, многие люди, в основном, дети, запираются в багажнике случайно. Короче, вылезти — не проблема.

— А как влезть в багажник? Ты умеешь открывать замки?

— Тут могут возникнуть трудности, — признал он. — Нынче все запирают свой автомобиль?

— Могу поспорить, что те, кто живет в поселке, окруженном стеной, запирают наверняка. Не дома, разумеется, где они чувствуют себя в полной безопасности, а когда они выезжают за свою территорию и попадают в столь опасное место, как пригород Финикса. Ты — в восторге от своего плана, Келлер?

— Скорее нет, чем да.

— Потому что ты даже не можешь знать, собираются ли они вернуться? Может, решили провести три недели в Лас-Вегасе.

— Я об этом не подумал.

— Разумеется, ты это сразу поймешь, как только откроешь багажник. Потому что он будет набит чемоданами и книгами типа «Как утереть нос крупье».

— План не очень хороший, — признал он, — но ты просто не поверишь, узнав, какая тут охрана. Другой вариант — купить дом.

— Ты хочешь сказать, купить там дом? Не думаю, что бюджет операции покроет такие расходы.

— Я могу сохранить дом, как инвестиции в недвижимость, и сдавать в аренду на то время, когда я буду в отъезде.

— То есть на пятьдесят две недели в году?

— Но, если бы я мог позволить себе такую покупку, я бы мог позволить себе и другое: сказать клиенту, чтобы он решал свои проблемы самостоятельно. Возможно, мне все равно придется так поступить.

— Потому что задание выглядит сложным?

— Потому что оно выглядит невозможным, — ответил он. — А помимо всего…

— Да, Келлер? Куда ты пошел? Алле?

— Неважно. Я только что понял, как это можно сделать.

— Как видишь, вид не идет ни в какое сравнение с тем, что открывался из окна гостиной дома Латтимора, — говорила Мици Прентис. — И спален здесь две, а не три, и обстановка не первой молодости. Но в сравнении с двумя неделями в мотеле…

— Здесь более комфортабельно, — признал он.

— И более безопасно. На случай, что ты привез с собой коллекцию марок.

— Не привез, но безопасность еще никому не вредила. Я бы хотел его снять.

— Не могу тебя за это винить, это — хорошая сделка и неплохой доход для мистера и миссис Сундстрем, которые сейчас на Галапагосских островах, любуются местной флорой и фауной. Все это дерьмо на стенах — оттуда. Не с Галапагосских островов, но из тех мест, где они побывали, путешествуя по всему миру.

— Интересно.

— Они могли бы рассказать тебе целую историю о каждом из сувениров, но их здесь нет, а когда есть, их дом не сдается в аренду, так? Мы поедем в офис, подпишем все бумаги, потом я дам тебе ключи, удостоверение, с которым тебя будет пропускать охранник, пропуск в здание гольф-клуба, сведения о величине чаевых. Я надеюсь, у тебя найдется время для гольфа?

— Думаю, я не упаду без сил на третьей лунке.

— Я в этом уверена. И, раз уж разговор зашел о физической форме, давай заглянем в дом Латтимора перед тем, как начнем заполнять бумаги на аренду. Нет, глупый, я не собираюсь уговаривать тебя купить этот дом. Просто хочу вновь показать тебе спальню. Ты же понимаешь, что я не смогу заниматься этим в спальне Синтии Сундстрем, не так ли? Со всеми этими жуткими масками на стенах. У меня от них мурашки бегут по коже. Такое ощущение, что за мной наблюдают все первобытные племена мира.

Дом Сундстремов комфортом значительно превосходил мотель, и, как выяснилось, Келлеру совершенно не мешала компания сувениров, которые хозяева привозили из своих странствий. Во второй спальне, которая служила и кабинетом Гарви Сундстрему, стены занимала коллекция холодного оружия, ножи, кинжалы, вроде бы боевые топоры. Масок и гобеленов хватало и в других комнатах. Некоторые маски действительно были страшными, но мурашки по коже у него от них не бежали, а с одной он даже сдружился, из Восточной Африки, с зубами, напоминающими могильные камни, и множеством веревок, вместо волос. Кивал ей, проходя мимо, даже приветственно поднимал руку.

«Еще немного, — подумал он, — и я начну с ней говорить».

И ему становилось все яснее, что есть, есть у него потребность выговориться. Собственно, потребность эта имела место быть всю его жизнь, но долгие годы он занимался таким делом, что никому не мог открыться, излить душу. Практически всю взрослую жизнь он был наемным убийцей, а человек, который выбирает такую профессию, обычно не рассказывает о своих производственных успехах незнакомцам… да и друзьям тоже. Тебе платят за то, что ты делаешь, а ты держишь рот на замке, и по-другому не бывает.

В баре гольф-клуба Келлер сочувственно слушал, как мужчина по имени Эл рассказывал о том, как сегодня проходил все поле, от первой до восемнадцатой лунки.

— Что меня убивает, так это моя неспособность сохранить концентрацию от начала и до конца. Скажем, сегодня, на седьмой лунке я первым же ударом преодолел половину расстояния до нее. А вторым забросил мяч за лунку, он упал над ней, в десяти, может, в пятнадцати футах от границы зеленого круга.

— Здорово, — Келлер пытался изгнать из голоса все эмоции, чтобы Эл вдруг не подумал, что он иронизирует.

— Очень здорово, — согласился Эл. — И мне осталось только забросить мяч поближе к лунке и следующим ударом закатить его, то есть пройти лунку с результатом минус один. Я могу использовать клиновидную клюшку, но чего так напрягать мозги? Поэтому я беру маленькую закругленную и бью по мячу ей.

— Понятно.

— Мяч падает от лунки в каких-то двух ярдах, но ударил-то я слишком сильно, он набирает скорость и катится, катится и катится, скатывается с зеленого круга и оказывается дальше, чем был в момент моего удара.

— Чертовское невезение.

— Я бью еще раз, опять мимо лунки, хотя и не так уж и далеко. Короче, мне потребовалось пять ударов, чтобы положить мяч в лунку. А все-

го — семь, на два больше, чем положено. Двумя ударами я прошел четыреста пятьдесят ярдов, а на последние пятьдесят затратил целых пять!

— Что ж, это — гольф, — глубокомысленно заметил Келлер.

— Клянусь Богом, вашими устами глаголет истина, — кивнул Эл. — Это — гольф, все так. Как насчет того, чтобы еще по стаканчику, Дейв, а потом пойти пообедать? Есть тут ребята, с которыми вы просто обязаны познакомиться!

В итоге, он оказался за одним столом с четырьмя мужчинами. Двое, Эл и Феликс, жили в «Сандаунер эстейтс», еще двое были гостями Феликса, жителями Скоттсдейла. Феликс рассказал длинный анекдот о несчастном гольфисте, который покончил с собой, крайне неудачно пройдя все лунки. Подняв руки, перекрестив запястья, прижимая их друг к другу, он произнес ключевую фразу: «В котором часу?» — и все покатились со смеху. Они заказали стейки, пили пиво, говорили о гольфе, политике, падении акций на бирже, и Келлеру удавалось успешно поддерживать разговор. Во всяком случае, никто, похоже, и не заметил, что он понятия не имеет, о чем говорит. И когда кто-то спросил его: «Как идет жизнь на той стороне?» — ответ у него был уже наготове.

— Знаете, интересная получается история, — голос звучал задумчиво. — Ты можешь пахать и пахать, как человек, пытающийся клюшкой до смерти забить мяч, а потом тебе удается один удар, но такой классный, что на душе у тебя тихая радость: день прожит не зря.

Он не мог вспомнить, где слышал последнюю фразу, но она определенно понравилась его соседям по столу. Они все согласно кивнули, потом кто-то сменил тему, проехался по демократам, и теперь уже согласно закивал Келлер.

Почему нет?

— Так завтра утром встречаемся на поле, — сказал Эл Феликсу. — Дейв, если хочешь присоединиться к нам…

Келлер перекрестил запястья, ответил: «В котором часу?» А когда смех утих, добавил: «Я бы с удовольствием, Эл. Но завтра исключается. Как-нибудь в другой раз».

— Ты можешь взять урок, — предложила Дот. — Разве в клубе нет инструктора? Разве он не дает уроков?

— Есть, — ответил Келлер, — и наверняка дает, но с чего у меня может возникнуть желание учиться играть в гольф?

— Чтобы получить возможность появиться на поле. Вести себя, как все. Мимикрия, знаешь ли.

— Если кто-то увидит, как я размахиваю клюшкой для гольфа, с уроком или без, у него сразу возникнет вопрос, а что я здесь делаю? А так они могут подумать, что я поиграл рано утром. В любом случае, я не собираюсь проводить много времени в гольф-клубе. Стараюсь как можно быстрее убраться оттуда и езжу по пустыне.

— По пустыне? — переспросила она.

— Да, смотрю на кактусы.

— На кактусы?

— Ну да, но тут проблемы с браконьерами.

— Ты шутишь.

— Отнюдь, — и объяснил, что кактусы в пустыне охраняют, потому что браконьеры выкапывают их и продают в цветочные магазины.

— Похитители кактусов, — в голосе Дот слышалось изумление. — Представить себе такого не могла. Полагаю, им нужно остерегаться колючек.

— Это точно.

— А если уколются, так им и надо. Так ты просто ездишь по пустыне?

— Езжу и думаю.

— Что ж, это хорошо. Только не забывай, ради чего ты там поселился.

Он держался подальше от гольф-клуба весь следующий день, потом еще один. Наконец, во вторник, во второй половине дня, сел в автомобиль и покружил по поселку. Проехал мимо дома Латтимора, задавшись вопросом, а показывала ли его кому-нибудь в последние дни Мици Прентис. Проехал мимо дома Уильяма Эгмонта, который ничем не отличался от дома Сундстремов. «Кадиллак» Эгмонта стоял под навесом, но у Эгмонта была личная тележка для гольфа, которая под навесом отсутствовала. Скорее всего, он поехал на тележке к первой лунке, и то ли тренирует удары, то ли отправился в дальний путь к восемнадцатой лунке.

Келлер вернулся домой, поставил «тойоту» под навес у дома Сундстремов. После того, как он арендовал дом на две недели, он тревожился, что Мици будет постоянно звонить ему или, того хуже, заявляться без приглашения. Но она ни разу не дала о себе знать, за что он ей был очень признателен, и теперь уже у него появились мысли, а не позвонить ли ей домой или на работу, и найти место для встречи. Дом Сундстремов не подходил из-за масок, ее дом тоже, из-за дочери, и…

Вот это и решило дело. Если он начал так думать, значит, пора приниматься за работу. Иначе, не успеешь оглянуться, как начнешь брать уроки гольфа, купишь дом Латтимора и поменяешь плюшевую собаку на настоящую.

Келлер вышел на улицу. Вторая половина дня перетекала в вечер, и Келлеру показалось, что темнеет здесь быстрее, чем в Нью-Йорке. Оно и понятно, Финикс находился гораздо ближе к экватору. Кто-то в свое время ему это подробно объяснял, и он вроде бы все понял, но теперь в памяти остались только голые факты: чем дальше ты от экватора, тем больше сгущаются сумерки.

В любом случае, гольфисты день уже закончили. Пешком он прошелся вдоль кромки поля для гольфа, миновал дом Эгмонта. Автомобиль по-прежнему стоял под навесом, тележка — нет. Он прошел чуть дальше, повернул, вновь взяв курс на дом Эгмонта, и увидел, как кто-то приближается к тому же дому на электрической тележке для гольфа. Эгмонт возвращался домой? Нет, когда расстояние до тележки сократилось, он увидел, что водитель — более худой, волос у него было куда как больше, и они еще не поседели. И тележка повернула, не доехав до дома Эгмонта, то есть ехал на ней совсем другой человек.

А кроме того, как он скоро выяснил, Эгмонт уже успел вернуться домой. Тележка стояла под навесом, рядом с «кадиллаком», а из багажной секции торчали клюшки для гольфа. Вид этих клюшек напомнил Келлеру какую-то песню, но он не мог вспомнить ни слова, ни отношение этой песни к тележке для гольфа. Песня была печальная, музыкальное со-

провождение обеспечивалось волынками, но большего память выдавать не желала.

В доме Эгмонта горел свет. Он один? Или привел кого-нибудь с собой?

Существовала возможность легко это выяснить. По дорожке Келлер подошел к двери, нажал на кнопку звонка. Услышал, как он звенит в глубине дома, после чего воцарилась тишина. Келлер уже собрался позвонить второй раз, но сначала попробовал открыть дверь. Обнаружил, что она заперта, и не удивился, а тут послышались шаги, очень тихие, словно кто-то шел по толстому ковру. Дверь приоткрылась на несколько дюймов, дальше ее не пускала цепочка. И Уильям Уоллис Эгмонт уставился на него с написанным на лице недоумением.

— Мистер Эгмонт?

— Да?

— Я — Миллер. Дейвид Миллер. С другого склона холма. Арендовал дом Сундстремов на две недели.

— Да, конечно. — Эгмонт явно расслабился. — Разумеется, мистер Миллер. Кто-то говорил мне о вас на днях. И вроде бы я видел вас в клубе. И, если не ошибаюсь, на поле.

В этом Эгмонт ошибся, но поправлять его Келлер, естественно, не стал.

— Скорее всего. Я играю в гольф при первой возможности.

— Как и я, сэр. Я играл сегодня и собираюсь поиграть завтра.

Келлер поднял руки, перекрестил запястья, прижимая их друг к другу, спросил: «В котором часу?»

— Очень хорошо, — заулыбался Эгмонт. «В котором часу?» В вас говорит бывалый гольфист. Чем я могу вам помочь?

— Дело деликатное. Вы не будете возражать, если я на минутку зайду к вам?

— Конечно, конечно, заходите. — Эгмонт отщелкнул цепочку, распахнул дверь.

Пульт управления системы сигнализации крепился на стене, справа от двери. Рядом с пультом висел лист бумаги с надписью поверху: «КАК УСТАНАВЛИВАТЬ ОХРАННУЮ СИГНАЛИЗАЦИЮ». Ниже шла инструкция, напечатанная большими буквами, дабы старику не приходилось напрягать глаза. Келлер прочитал инструкцию, нажал положенные кнопки в нужной последовательности, вышел из дома Эгмонта. Несколько минут спустя вернулся в свой дом… дом Сундстремов. Сварил себе кофе на кухне Сундстремов, сел в кресло в гостиной Сундстремов и, пока кофе остывал, инициировал процесс прощания с Уильямом Уоллисом Эгмонтом.

Сам процесс он давно уже довел до автоматизма. Образ, появившийся перед его мысленным взором, из цветного стал черно-белым, потом серым, уходил все дальше и дальше, становился меньше и меньше, превратился в точку, наконец, исчез, проглоченный прошлым.

Когда чашка с кофе опустела, он прошел в спальню Сундстремов и разделся, принял душ в ванной Сундстремов, вытерся полотенцем Сундстремов. Направился в кабинет, кабинет Гарви Сундстрема, снял со стены боевой топор с острова Фиджи, изготовленный из черного дерева, более тяжелый, чем казался, судя по всему, скорее настенное украшение, чем

настоящее оружие. Но Келлер взялся за рукоятку, несколько раз махнул топором и понял, как островитяне могли его использовать, что для защиты, что для нападения.

Он мог бы взять топор с собой в дом Эгмонта и уже видел, как, держа топор обеими руками, описывает им широкую дугу и обрушивает лезвие на череп Эгмонта. Келлер покачал головой, вернул топор на место. Действительно, он прекрасно управился и без топора.

Утром он уехал, чтобы позавтракать, возвращаясь, увидел, как машина «Скорой помощи» выезжает из восточных ворот «Сандаунер эстейтс». Охранник узнал Келлера и махнул рукой, показывая, что тот может проезжать, но Келлер нажал на педаль тормоза, опустил стекло и спросил насчет «Скорой помощи». Охранник покачал головой и поделился печальной новостью.

Он поехал домой и позвонил Дот.

— Ничего не говори. Ты решил, что не сможешь этого сделать.

— Все сделано.

— Просто удивительно, как я могу это чувствовать. Как думаешь, это шестое чувство или известная всем женская интуиция? Можешь не отвечать. Я бы хотела сказать, увидимся завтра, но не получится, так?

— Мне потребуется время, чтобы добраться до дому.

— Слушай, никакой спешки нет. Не торопись, осмотри достопримечательности. Клюшки у тебя с собой, не так ли?

— Клюшки?

— Остановись где-нибудь по пути, поиграй в гольф. Наслаждайся жизнью, Келлер. Ты это заслужил.

За день до окончания двухнедельной аренды он заглянул в здание гольф-клуба, расплатился по счету, отдал ключи и пропуск. Пешком прошелся до дома Сундстремов, положил чемодан в багажник, маленькую плюшевую собаку — на переднее сиденье. Потом сел за руль, медленно объехал поле для гольфа и покинул «Сандаунер эстейтс» через восточные ворота.

— Милое местечко, — сказал он собаке. — Я понимаю, почему оно нравится людям. Не просто из-за гольфа, погоды и безопасности. Человек ощущает, что тут с ним не может случиться ничего плохого. Даже твоя смерть здесь — всего лишь часть естественного круговорота вещей в природе.

Он подключил блок круиз-контроля и направил автомобиль к Тусону, опустил щиток, защищая глаза от утреннего солнца. Хорошая погода для круиз-контроля. Как-то раз по радио он услышал, как какой-то мужчина профессионально сладким голосом предупреждал, что использовать круиз-контроль при дожде опасно. Если на мокрой мостовой сцепление колес и асфальта упадет, процессор блока круиз-контроля может решить, что колеса вращаются слишком медленно, и увеличит число оборотов двигателя, чтобы добавить автомобилю скорости. И вот тут автомобиль может занести со всеми вытекающими из этого трагическими последствиями.

Келлер не мог вспомнить, сколько людей гибло за год из-за ошибки, которую в вышеуказанной ситуации допускал процессор блока круиз-контроля, но их оказалось куда больше, чем он мог себе представить, а

потому для себя Келлер уже принял решение выключать круиз-контроль одновременно с включением дворников. Но теперь, пересекая аризонскую пустыню с запада на восток, он задался вопросом, а какова практическая применимость полученной им информации? Смерть в результате несчастного случая — штука полезная, именно такая причина появилась в свидетельстве о смерти Уильяма Уоллиса Эгмонта, но Келлер пока не мог представить себе, как использовать круиз-контроль в качестве рабочего инструмента для тех регионов Соединенных Штатов, которые славились дождливым климатом. Однако никогда не знаешь, чем обернется дело, поэтому он позволил себе поразмышлять на эту тему.

В Тусоне он убрал собаку в чемодан, прежде чем сдать автомобиль, потом вышел в жару и нашел свой «форд таурус» на стоянке длительного пребывания. Бросил чемодан на заднее сиденье, вставил ключ в замок зажигания, задался вопросом, а заведется ли двигатель. Если б не завелся, никаких проблем не возникло бы, ему лишь пришлось бы прогуляться к стойке агентства «Хертц». Но, допустим, они заметили бы, что он сдавал в «Авис» другой автомобиль? Они такое подмечают? Он так не думал, но аэропорты за последнее время изменились. Там появились люди, которые подмечали все.

Он повернул ключ, и двигатель сразу завелся. Женщина у ворот подсчитала, сколько он должен заплатить, и в ее голосе слышались виноватые нотки, когда она называла сумму. Он не мог не задуматься, а сколько заплатил бы за другие автомобили, которые оставлял на таких же стоянках, автомобили с телами в багажниках. Наверное, очень большие деньги, да только никто их платить не собирался. И он решил, что, для разнообразия, может хоть раз расплатиться по счету. Отсчитал купюры, взял квитанцию, вернулся на автостраду.

По пути думал о том, как бы поступил, если бы двигатель не завелся. «Ради Бога, посмотри на себя, а? — сказал он. — Что-то могло случиться, но не случилось, с этим покончено, а ты гадаешь, как бы ты поступил, какую избрал стратегию. Переливаешь из пустого в порожнее. Что, черт побери, с тобой происходит?»

Он задумался над ответом. И озвучил его: «Ты хочешь знать, что с тобой происходит? Ты говоришь сам с собой, вот что с тобой происходит».

Он прекратил это безобразие. А двадцать минут спустя свернул на площадку отдыха, перегнулся через спинку, открыл чемодан и вернул собаку на переднее сиденье.

— Поехали, — сказал Келлер.

В Нью-Мексико он свернул с автострады и, следуя указателям, поехал к индейскому пуэбло. Полная женщина с заплетенными в косички волосами и бесстрастным лицом сидела в комнате в окружении горшков, которые сама и слепила. Келлер выбрал маленький черный горшок с зубчатой кромкой. Женщина осторожно завернула горшок в несколько газетных страниц, положила завернутый горшок в бумажный пакет, бумажный пакет сунула в пластиковый. Келлер запихнул покупку в чемодан и поехал дальше.

— Не спрашивай, — предупредил он собаку.

На границе штата Колорадо пошел дождь, и он ехал десять минут, прежде чем вспомнил предупреждение парня со сладким голосом. На-

жал на педаль тормоза, что автоматически вызывало отключение блока круиз-контроля, но на всякий случай воспользовался и выключателем.

— А ведь мог забыть и попал бы в аварию, — сообщил собаке.

Возвращаясь в Нью-Йорк по мосту Джорджа Вашингтона, он не преминул заметить: «Что ж, их нет».

Говорил, понятное дело, о башнях-близнецах. И, разумеется, их не было, они рухнули, и он это знал. Побывал на месте Всемирного торгового центра не один раз, чтобы убедиться, это не какой-то фотографический фокус, башен действительно нет. Но всякий раз надеялся их увидеть, где-то в глубине души полагал, что их разрушение — всего лишь сон. Нельзя же заставить исчезнуть часть горизонта, не так ли?

Он приехал в агентство «Хертц», вернул автомобиль. Выходил из офиса с чемоданом в руке, когда его догнал кто-то из служащих. В руках он держал плюшевую собаку.

— Вы что-то забыли, — мужчина широко улыбался.

— Да, конечно, — кивнул Келлер. — У вас есть дети?

— У меня?

— Отдайте игрушку своему ребенку. Или любому другому ребенку.

— Вам она не нужна?

Он покачал головой, не сбавляя шага.

Приехав домой, принял душ и побрился. Окно выходило на восток, не на юг, башен из окна он видеть не мог, поэтому все было, как прежде. Вот почему он и смотрел в окно — убедить себя в том, что ничего не изменилось, все на месте, ничего не ушло.

Отсутствие перемен ему нравилось. Он снял трубку с телефонного аппарата и позвонил Дот.

Она ждала его на крыльце, на столе, как обычно, стоял графин ледяного чая.

— Ты заставил меня беспокоиться. Не звонил, не звонил и не звонил. Добирался до дома чуть ли не месяц. Ты что, шел пешком?

— Я не мог уехать сразу. Заплатил за две недели.

— И не хотел, чтобы деньги пропали даром.

— Я подумал, что более ранний отъезд вызовет подозрения. Я помню одного парня, он уехал на четыре дня раньше, сразу после смерти мистера Эгмонта.

— И ты подумал, что лучше болтаться рядом с местом убийства.

— Не было никакого убийства, — возразил Келлер. — Человек пришел домой, проведя вторую половину дня на поле для гольфа, запер дверь, включил охранную сигнализацию, разделся, набрал в ванну горячую воду. Потом лег в ванну, потерял сознание и утонул.

— Большинство несчастных случаев происходит дома, — кивнула Дот. — Такова статистика, не так ли? Что он сделал, ударился головой?

— Скорее всего, о кафельную стену, после того, как потерял равновесие. А может, у него был легкий инсульт. Трудно сказать.

— Ты его раздел и все такое?

Келлер кивнул.

— Положил в ванну. В воде он пришел в себя, но я ухватил его за ноги и высоко поднял, так что голова ушла под воду, и на том все закончилось.

— Вода в легких?
— Точно.
— Утонул.
Он кивнул.
— Ты в порядке, Келлер?
— Я? Конечно. Безусловно. В общем, я решил, что побуду там еще четыре дня, уеду. Когда мое время истечет.
— Как у Эгмонта.
— Не понял?
— Он ушел, когда его время истекло, — пояснила Дот. — И однако, за сколько дней можно добраться сюда из Финикса? За четыре, пять?
— Я сделал небольшой крюк. Просто не спешил домой. Мне надо было подумать.
— Не могу сказать, что меня это удивляет.
— Я давно собирался отойти от дел. Помнишь?
— Очень даже хорошо.
— В тот момент я решил, что могу себе это позволить. Отложил деньги на жизнь. Не так, чтобы много, но хватило бы на небольшое бунгало где-нибудь во Флориде.
— И ездил бы с утра пораньше в ближайшее кафе, чтобы получать скидку. Маленькая, но экономия.
— Ты тогда сказала, что мне нужно хобби, и вновь заинтересовала меня коллекционированием марок. Я и оглянуться не успел, как тратил на марки большие деньги.
— Вот так и пришел конец пенсионному фонду.
— Он уменьшился, — признал Келлер. — И мне дольше не удавалось копить деньги, потому что все свободные уходили на марки.
Она нахмурилась.
— Думаю, я понимаю, что происходит. Ты не можешь заниматься тем, чем занимаешься, и не можешь уйти на пенсию.
— Вот я и пытался придумать, чем еще смогу заняться.
— Ты работаешь над сценарием, Келлер? Готовишься сдать экзамен на риэлтера?
— Я так и не смог придумать, чем же мне заняться. Нет, конечно, я могу найти работу с минимальной зарплатой. Но я привык к определенному образу жизни, и многочасовые рабочие смены — не по мне. Если моя жизнь только начиналась, я бы поступил на работу в какую-нибудь фирму и поднимался по служебной лестнице. Но для этого я слишком стар. Во-первых, никто меня не возьмет, а во-вторых, мне не хочется делать то, что я умею.
— Хочешь к чаю картофель-фри? Нет, Келлер, что-то с тобой не так. Ты сам на себя не похож.
— Однажды я уже начинал с самого низа. Поначалу было только отрицание. Я говорил себе, меня это не тревожит, и заставлял себя в это верить. И потом, я начал собой гордиться. Посмотрите, что я сделал, какой я молодец. Ба-бах, он мертв, а ты — нет, и тут есть чему радоваться.
— Даже теперь?
Келлер покачал головой.
— Есть только ощущение, что работа закончена, вот и все. Если она была сложной, что ж, ты взял новый рубеж. Если есть другие дела, кото-

рыми ты предпочел бы заниматься, то сейчас ты можешь пойти домой и заняться ими.

— Покупать марки, ходить в кино.

— Совершенно верно.

— Ты просто притворялся, что тебя это не тревожит, и пришел день, когда перестало тревожить.

— Притворяться было легко, потому что тревожило не так уж сильно. Но да, я продолжал это делать, и мне более не приходилось притворяться. В Скоттсдейле я жил в доме, где стены в комнатах украшали маски. Как я понимаю, различных первобытных племен. Вот я и подумал, что сначала я начал носить маску, но вскоре из маски она превратилась в мое лицо.

— Пожалуй, я тебя понимаю.

— Надеюсь. И потом, как я добрался сюда, неважно. Куда я отсюда пойду? Вот в чем вопрос.

— У тебя было много времени для того, чтобы обдумать ответ.

— Не так уж и много.

— Ты нашел ответ, Келлер?

— Ну, — он глубоко вдохнул. — Первый, я готов завязать с тем, что делаю. Бизнес стал другим, со всей этой безопасностью в аэропортах и людьми, живущими за крепостными стенами. Я тоже изменился. Постарел, занимаюсь этим слишком долго.

— Хорошо.

— Второй, я не могу уйти на пенсию. Мне нужны деньги, а другого способа заработать на жизнь я не знаю.

— Я надеюсь, есть и третий, Келлер, потому что первый и второй не оставляют места для маневра.

— Что я сумел сделать, так это подсчитать, сколько мне нужно денег.

— Чтобы уйти на пенсию.

Он кивнул.

— И по моим подсчетам получился миллион долларов.

— Милая кругленькая сумма.

— Она гораздо больше той, на которой я остановился, когда задумался о пенсии в прошлый раз. Я думаю, эта — более реалистичная. При правильном инвестировании я смогу прожить на проценты, которые составят примерно пятьдесят тысяч в год.

— И ты сможешь на них прожить?

— Мне же многого не нужно. Я обойдусь без кругосветных круизов и дорогих ресторанов. И на одежду много денег не трачу. Если что-то покупаю, то ношу, пока вещь не истрется.

— Или даже дольше.

— Если бы у меня был миллион наличными, плюс то, что я выручу за квартиру, то есть еще полмиллиона.

— И куда бы ты переехал?

— Даже не знаю. Наверное, туда, где теплее.

— В «Сандаунер эстейтс»?

— Слишком дорого. И потом, мне нет нужды жить за крепостной стеной, да и в гольф я не играю.

— Можешь и начать, чтобы чем-то себя занять.

Он покачал головой.

— Некоторым из этих парней гольф нравился, но другие… меня не покидало ощущение, что они просто убедили себя, что любят гольф. Самогипноз, знаешь ли. «В котором часу?»

— Это ты о чем?

— Есть у них такой анекдот. Это неважно. Нет, там я жить не хочу. Но в Нью-Мексико есть маленькие городки к северу от Альбукерке, в пустыне, и ты можешь купить там какой-нибудь коттедж или присмотреть себе дом на колесах и где-нибудь там его припарковать.

— И ты думаешь, что сможешь это выдержать? Жизнь на природе?

— Не знаю. Дело в том, что я получу полмиллиона за квартиру, плюс накоплю миллион. Если инвестировать их хотя бы под пять процентов годовых, то получится семьдесят пять тысяч в год. Да, на такие деньги я прекрасно проживу.

— И твоя квартира стоит полмиллиона?

— Около того.

— Значит, тебе нужен миллион. Я бы с удовольствием одолжила его тебе, но в этом месяце у меня проблемы с деньгами. Так что ты собираешься сделать, продашь марки?

— Они таких денег не стоят. Я не знаю, сколько денег потратил на коллекцию, но гораздо меньше миллиона, да и потом, нельзя выручить за них столько же, сколько заплатил.

— Я думала, марки — хорошие инвестиции.

— Лучше вкладывать деньги в них, чем тратить на черную икру и шампанское, потому что при продаже хоть что-то ты выручишь, но дилеры тоже должны получать прибыль, поэтому, если на каждый вложенный доллар ты получаешь пятьдесят центов, это хорошо. И потом, продавать марки я все равно не собираюсь.

— Ты хочешь оставить их у себя. И пополнять коллекцию.

— Если я буду получать семьдесят пять тысяч долларов в год, — ответил он, — и жить в маленьком городке в пустыне, то смогу позволить себе тратить на марки от десяти до пятнадцати тысяч в год.

— Готова спорить, в Нью-Мексико многие так и поступают.

— Может, и нет, но это не значит, что я не смогу этого делать.

— Ты просто будешь первым, Келлер. Но для этого тебе нужен миллион долларов.

— Именно об этом я и думал.

— Понятно. И как же ты собираешься его добыть?

— Ну, вопрос подразумевает ответ, не так ли? Я хочу сказать, умею-то я только одно.

— Думаю, твою мысль я уловила. Ты больше не можешь этого делать, а потому должен заняться этим с удвоенным рвением. Ты должен уменьшить население страны наполовину, чтобы прекратить убивать людей.

— Когда ты так ставишь вопрос…

— Да, есть тут некая ирония, не так ли? Но и логика тоже. Ты хочешь браться за все высокооплачиваемые заказы, чтобы побыстрее накопить нужную сумму и выйти из дела. Ты знаешь, кого ты мне напоминаешь?

— Кого?

— Копов. Их пенсия определяется заработком в последний год службы, вот они и работают внеурочно, чтобы получить по максимуму и на пенсии жить в свое удовольствие. Обычно мы сидим и долго выбираем,

а кроме того, между заказами ты всегда выдерживаешь паузу, но теперь ситуация меняется, так? Ты хочешь сделать работу, вернуться домой, перевести дух и тут же браться за другую.

— Точно.

— Пока не накопишь миллион.

— Совершенно верно.

— Или даже чуть больше, чтобы учесть инфляцию.

— Возможно.

— Еще холодного чая, Келлер?

— Нет, благодарю.

— Может, кофе? Я смогу сварить кофе.

— Нет, нет.

— Ты уверен?

— Абсолютно.

— Ты провел много времени в Скоттсдейле. Он действительно похож на банкира из «Монополии»?

— На фотографии. В реальной жизни — нет.

— Он не доставил тебе хлопот?

Келлер покачал головой.

— Он понял, что происходит, лишь когда для него все практически закончилось.

— То есть он ничего не опасался.

— Нет. Я вообще не понимаю, кто его мог заказать.

— Моя версия — нетерпеливый наследник. Тебя ничего не волновало, Келлер? До того, во время, после?

Он подумал, покачал головой.

— И ты не сразу уехал оттуда.

— Подумал, что есть смысл побыть несколько дней. Если бы задержался еще на один, то попал бы на похороны.

— То есть ты уехал в тот день, когда его похоронили?

— Только его не хоронили. С ним поступили так же, как и с мистером Латтимором.

— Я должна знать, кто это?

— Я мог бы купить его дом. Тело мистера Латтимора кремировали, а после погребальной службы урну с его прахом опустили в водяную ловушку.

— Которая находилась на расстоянии одного хорошего удара от его парадной двери.

— Пожалуй, — кивнул Келлер. — И потом, я все равно предпочел потратить тот день на дорогу домой.

— И тот, и многие другие. Со всеми музеями.

— Мне требовалось время, чтобы многое обдумать. Решить, как жить дальше.

— И сегодня, если я правильно тебя поняла, первый день твоей жизни по-новому. Позволь расставить все точки над «i». Ты покончил с кормежкой рабочих, которые разбирали завалы во Всемирном торговом центре. И теперь ты готов выйти на охоту и убивать, убивать и убивать ради денег. Так?

— Похоже на то.

— Пока тебя не было, я только и делала, что отказывалась от заказов, Келлер, а теперь я хочу взять в руки рог и протрубить, что мы готовы

заняться делом. Заняться активно. Я выразилась достаточно ясно? — Дот поднялась. — Кстати, о деле. Не уходи. — Она вернулась с конвертом, положила на стол перед Келлером. — Они заплатили сразу, а ты добирался до дому так долго, что я уже начала полагать эти деньги своими. Что это?

— По пути домой кое-что прикупил.

Она развернула бумагу, достала маленький черный горшок.

— Красиво. Это что-то индейское?

— Из пуэбло в Нью-Мексико.

— Для меня?

— У меня появилось неодолимое желание купить этот горшочек, а потом я задался вопросом, а что мне с ним делать? И подумал, что тебе, возможно, он понравится.

— Он будет прекрасно смотреться на каминной полке. И подойдет для того, чтобы держать в нем скрепки. Но мне придется выбирать, для чего его использовать, потому что скрепки на каминной полке не держат. Так ты говоришь, что купил горшок в Нью-Мексико? В том городке, где решил осесть?

Он покачал головой.

— Я купил его в пуэбло. Чтобы там жить, нужно быть индейцем.

— Что ж, они делают красивые вещицы. Эта украсит мой дом.

— Рад, что тебе понравилось.

— А ты не потеряй вот это, — она указала на конверт. — Это — первый взнос в твой пенсионный фонд. Хотя, полагаю, часть ты все равно потратишь на марки.

Двумя днями позже, когда он занимался марками, зазвонил телефон.

— Я — в городе, — сказала она. — Если на то пошло, рядом с твоим домом.

Она назвала ресторан, в котором сидела, он спустился вниз и нашел ее в кабинке у дальней стены. Дот ела мягкое мороженое.

— Когда я была маленькой, такое продавали в «Аптечном магазине Уохлера» за тридцать пять центов. Если сверху посыпали молотым грецким орехом, цена повышалась на пять центов. Мне не хочется говорить тебе, сколько стоит мороженое здесь, причем без грецкого ореха.

— Теперь все не так, как раньше.

— Насчет этого ты прав, и долгая поездка не пропадает зря, если результатом становятся такие вот философские наблюдения. Но я приехала по другому поводу. А вот и официантка, Келлер. Хочешь заказать такое же мороженое?

Он покачал головой, попросил принести чашку кофе. Официантка принесла, и, оставшись вдвоем, Дот объяснила причину приезда.

— Утром мне позвонили.

— И что?

— Я собиралась позвонить тебе, но это — не телефонный разговор, а мне не хотелось просить тебя приехать в Уайт-Плейнс, поскольку практически уверена, что ты напрасно потратил бы время. Вот и решила приехать сама и поесть мороженого, раз уж я здесь. Мороженое вкусное, пусть и цена заоблачная. Ты уверен, что не хочешь его?

— Абсолютно.

— Мне позвонил парень, с которым мы уже имели дело, брокер, солидный человек. Есть работа, очень дорогая, которая внесет приличную лепту в твой пенсионный фонд, да и в мой тоже.

— Где?

— В Санта-Барбаре, это в Калифорнии, и временные сроки очень жесткие. Ты должен все сделать в среду или в четверг, а это невозможно, даже если бы гнал автомобиль день и ночь, останавливаясь только для того, чтобы залить в бак бензин. Но даже если ты и доедешь туда за три дня, пользы от этого не будет никакой, потому что дорога совершенно тебя вымотает. Да и в любом случае ты попадешь туда не раньше второй половины четверга. А значит, опоздаешь.

— Это точно.

— Так я говорю им, что мы за это не беремся. Просто хотела сначала справиться у тебя.

— Скажи им, что мы беремся.

— Правда?

— Я вылечу завтра утром. Или сегодня вечером, если смогу купить билет.

— Ты же больше не собирался летать.

— Знаю.

— Но, когда светит денежная работа…

— Теперь мое решение больше не летать утратило актуальность, — прервал ее он. — Не спрашивай, почему.

— Если уж на то пошло, у меня есть версия.

— Правда?

— Обрушение башен стало для тебя психологической травмой. Так же, как и для остальных. Тебе потребовалось приспосабливаться к новой реальности, а процесс этот — не легкий и не простой. Рухнули не только башни, рухнул привычный тебе мир, и какое-то время ты избегал самолетов, ездил в Нижний Манхэттен, кормил голодных, но при этом много думал, пытаясь понять, как жить дальше, не делая того, что обычно делаешь.

— И?

— Время шло, суета улеглась, и ты приспособился к новому миру. В частности, наметил, что будешь делать, когда появится возможность уйти на пенсию. Все обдумал, составил план действий.

— Ну, что-то похожее на план.

— И многое из того, что чуть раньше представлялось тебе очень важным, к примеру, отказ от полетов со всеми этими мерами безопасности в аэропортах и проверками удостоверений личности, превратилось в сущие пустяки, не достойные того, чтобы менять твою жизнь. Ты сможешь воспользоваться поддельными документами или предъявишь настоящие, а потом найдешь способ замести следы. Так или иначе, ты выкрутишься.

— Пожалуй, — кивнул он. — Санта-Барбара. Это городок между Лос-Анджелесом и Сан-Франциско?

— Ближе к Лос-Анджелесу. У них есть свой аэропорт.

Он покачал головой.

— Пусть они сами им и пользуются. Я полечу через международный аэропорт Лос-Анджелеса. Или через Бербанк, так будет лучше. А там возьму

автомобиль и поеду в Санта-Барбару. Ты сказала, в среду или четверг? — он перекрестил запястья, прижав их друг к другу. — В котором часу?

— В котором часу? Что значит, в котором часу? И что, вообще, тут забавного?

— О, это из анекдота, который рассказал один из гольфистов в Скоттсдейле. Понимаешь, человек выходит на поле для гольфа, и в этот день у него ничего не получается. Он теряет мячи в «бурьяне»[1], не может выбраться из песчаных ловушек, посылает мяч за мячом в водяную ловушку. Все у него идет наперекосяк. К тому времени, когда он добирается до восемнадцатой лунки, у него остается только паттер, короткая клюшка, потому что все остальные он переломил о колено. И после того, как четырьмя ударами он загоняет-таки мяч в лунку, гольфист ломает паттер и отшвыривает от себя обломки.

Он приходит в раздевалку, вне себя от ярости, открывает свой шкафчик, достает бритву и перерезает вены на обоих запястьях. Стоит и смотрит, как течет кровь, и тут кто-то кричит ему из другого прохода между шкафчиками: «Эй, Джо, мы собираем «четверку»[2] на завтрашнее утро. Не хочешь присоединиться?» — И этот парень говорит… — Келлер поднял кисти на уровень плеча, перекрестил запястья, прижав их друг к друг. — В котором часу?

— В котором часу? — Дот покачала головой. — Мне это нравится, Келлер. Час выберешь сам, заказчика устроит любой. ❑

Перевод с английского
Виктора Вебера.

[1] «Бурьян» — неровная, часто заросшая высокой травой, часть поля около ровной лужайки.

[2] «Четверка» — игра между двумя парами игроков.

Дорогие читатели!

Спасибо вам за отклик на анкету, опубликованную в №3 нашего журнала! Несмотря на то, что анкета была весьма объемной, вы, тем не менее, нашли время заполнить ее и отправить в редакцию. Мы также благодарим вас за добрые слова, пожелания и замечания, и постараемся учесть их все. А сейчас пора назвать имена победителей. Этот нелегкий выбор мы предоставили компьютеру, в связи с тем, что число участников конкурса оказалось гораздо больше, чем призов. Просим не расстраиваться тех, кто не найдет на этой странице свою фамилию. Будут еще конкурсы и призы, и вы обязательно выиграете.

Годовую подписку на 2007 год выиграли:

Быжлакова М.А., с. Улаган (Алтайский край), Власова С.А., с. Ловозеро (Мурманская обл.), Дакенов В.М., х. Худушный (Волгоградская обл.), Демиденко С.А., п. Новороссийский (Алтайский край), Едигарева Е.Р., г. Мурманск, Ермакова А.К., г. Москва, Земцова Т.Н., г. Москва, Зыкова Н.А., г. Омск, Ивянская Т.А., г. Энгельс (Саратовская обл.), Луткова С.Л., с. Кленовское (Свердловская обл.), Малдов Л.Я., г. Москва, Михалев А.Е., г. Арсеньев (Приморский край), Морозов В.А., г. Хабаровск, Сальникова А.М., г. Санкт-Петербург, Студеникин А.В., п. Орловка (Воронежская обл.), Судьина Н.А., г. Тула, Хайрутдинова Л.Г., г. Южно-Сахалинск (Сахалинская обл.), Шеланкова М.Г., г. Бийск (Алтайский край), Эминова Н.Ф., п. Ахтарский (Краснодарский край), Юркова Л.Т., г. Покров (Владимирская обл.).

Все перечисленные читатели будут получать журнал «Смена» в 2007 году, который уже не за горами, бесплатно.

И, наконец, главный приз — 10 000 рублей!
Его получает семья Кузнецовых из г. Нефтекамска (Башкортостан).

Поздравляем всех с победой!

Редакция журнала «Смена»

Валерий Митрохин

Фараон

На земле со времен Атлантиды
Время рушит свои пирамиды.
Почему же со всех сторон
Все кричат: фараон, фараон?!

Я живу посредине Тавриды,
Карма рушит мои пирамиды.
И опять же — со всех сторон:
Это он виноват — фараон!

Ты сказала: теперь мы квиты —
Развалились твои пирамиды.
Слышу хохот со всех сторон:
Это он, фараон, это — он!

Нет страшнее на свете обиды —
Рушат варвары пирамиды.
Снова ропот со всех сторон:
Это он, фараон, это он!

В небе светятся те же планиды.
Кто-то строит свои пирамиды.
И, как прежде, со всех сторон:
Это он, фараон, это он!

Для чего же опять индивиды
Строят новые пирамиды?

* * *

Пока душа не знает слез,
Пока ты слышишь запах роз,
Запомни, доченька, запомни
Лошадку в золотой попоне.
Пока былое светлым ликом
Тебе не кажется великим,
Учись довольствоваться малым —
Закатом и рассветом алым.
Я не хочу, чтоб через годы
В минуты грустной непогоды,
В круговороте бытия
Ты все забыла, дочь моя…

* * *

Ракушка — Вечности подслушка.
К ней только ухом приложись,
Звучит континуум. Ракушка —
Его проектор в эту жизнь.

О нет, былое — не могильник.
Оно уходит в небеса.
Ракушка — Вечности мобильник —
Ее доносит голоса.

* * *

Повсюду — ложь и лесть.
Грешим толпой несметной.
Хотел бы перечесть
Я Книгу жизни этой.
Собрался в кои веки,
Преодолевши страх,
А мне в библиотеке
Сказали: «На руках!»

* * *

Снится мне: я летаю среди облаков.
Как хочу: то под ними, то над.
А вокруг — звездопад и прекрасный
набат
Сорока твоих сороков.

Я летаю — ни страха, ни устали чувств.
Я пою и рыдаю, не чувствуя уст.
Ни веков на душе, ни греховных оков –
Только сорок твоих сороков.

Вот еще раз сорочицей крыльев взмахну,
Взором птичьим еще раз окину страну,
И всем сердцем паду на сверкающий
кров
Всех твоих сорока сороков.

* * *

Заполночь я слышу зуммер...
Сон, цикада, телефон?

Святый Боже, я безумен!
Я по-прежнему влюблен!

Господи, никто не верит!
Вновь звезду качает ветер.
Крылышки теряет клен...
Я по-прежнему влюблен?

Полночь, поезд, Велес, Волос...
Слышу твой беспечный голос?
Эту душу, эту плоть
Может быть, простит Господь?!

* * *

Моя любимая, ты рядом,
Но я не чувствую тепла.
Наверно, я уже за взглядом,
Которым ты проистекла.
За выдохом, который ловит
Иной, неведомый, чужак,
Которым он обвит и повит.
Теперь лишь он — твой друг и враг.
Теперь лишь он тебя обманет
И обомнет, и оборвет.
Меня ж, минуя, мучит, манит
Твой терпеливый бергамот.
Мой зев горит от жадной жажды,
Воспоминанья жгут язык.
Ужели ты была однажды?
Ужели я в тебе возник?
Иссякнет свет, померкнет слава,
Закончится иллюзион.
Ты все поймешь.
Пойдешь направо.
И, как всегда, налево — он.

* * *

Подозрений острый нож –
Льется боль твоя.
Ты себя не бережешь,
Женщина моя.

Это все лукавство, ложь, —
Говорят друзья...
Ты себя не бережешь —
Виноват ли я?

Не ценю себя ни в грош —
То вина твоя.
Что себя не бережешь,
Виноват лишь я.

* * *

Не умею радоваться счастью.
Праздную его, но только частью
Осторожной, как змея, души.
Шепчет некто сердцу: не спеши!
Счастье мимолетно, как мгновенье
Сладкого на языке вина.
Пить его не следует до дна.
Хмель пройдет, и вместо упоенья –
Самобичеванье, пересуды
И невыносимое биенье
Сердца, а возможно, и посуды.

Бессонница

Ноет сердечная мышца.
В книжках копается мышка.
Капает в кухне вода.
В туче завязла звезда.

Звездная пыль — на страницы,
Запорошило ресницы.
Льются изнанкою века
Титры минувшего века.

Что же так сердце хватает,
Калия, что ль, не хватает?
Каялся трижды поэт,
Прежде, чем вызвал рассвет.

Ноет сердечная мышца.
В книжках копается мышка.
Мышка грызет корешок
Книги, вгоняющей в шок.

Мышцу грызет корешок
Тот, что питает стишок.
Звездочка свечкой горит,
С Богом душа говорит.

* * *

В раю не будет хлеба
И мяса, и вина,
А только — свет и небо,
И на душе вина...

ХОРОШО ЛИ Я СЫГРАЛ КОМЕДИЮ СВОЕЙ ЖИЗНИ?

Максим Севрюков-Кистерев

Один из месяцев лета — секстилий — в Древнем Риме назвали в честь императора Октавиана — Августом. Именно этот месяц, в котором он впервые был избран консулом, по мнению граждан и Сената, стал самым удачным в истории Рима. Но в то же время и самым печальным: в августе страшная весть разнеслась по Империи — божественный Цезарь Октавиан Август навсегда покинул римский народ.

23 сентября 63 года до н.э. Гай Октавий-старший опоздал на заседание Сената. Совещание было крайне важным. Сам Цицерон вызвался на нем представить добытые доказательства очередного заговора против Республики, изобличить мятежников и потребовать для них жестокого наказания.

Сенаторы посмотрели на опоздавшего с неудовольствием. Гай Октавий-старший растерялся и принялся было оправдываться, объясняя, что незадолго до восхода солн-

ца у него родился сын. Не успел он закончить, как сенатор Нигидий Фигул, известный знаток астрологии, вскочил и бледный от волнения прокричал на весь зал:

— О, боги! Родился тот, кто будет властелином Вселенной!

Конечно, сенаторы сочли происходящее шуткой. Несмотря на то, что астрология в то время в Риме почиталась, среди высшей знати немногие верили в гадание по звездам. Иначе младенца, нареченного Гаем Октавием-младшим, умертвили бы, не дожидаясь, пока тот, возмужав и достигнув высот власти, вынесет им самим смертные приговоры.

Вокруг появления на свет будущего Принцепса впоследствии сложилось множество легенд. Почти все из них возникли уже после того, как Гай Октавий-младший стал Октавианом Августом. Принцепс не препятствовал, даже, наоборот, поощрял подобные истории. Ведь в них его называли самим Аполлоном, наделяли божественными качествами и удивительными способностями, могущими спасти Рим от внешних и внутренних угроз.

Октавий происходил из привилегированного сословия всадников. Отец, Гай Октавий-старший, умер, когда сыну было 4 года. Род Октавиев был уважаем, но особого веса в Риме не имел, поскольку в то время признаком влиятельности считали занимаемые посты — чем выше, тем лучше. Впрочем, по материнской линии было нечто, что впоследствии оказалось куда важнее и денег, и должностей. Мать Гая Октавия-младшего Атия была дочерью Юлии — той самой Юлии, которая приходилась сестрой Гаю Юлию Цезарю.

После смерти отца ребенка определили в дом бабки Юлии. Она окружила своего внука всяческой заботой, обучила наукам и на свой лад воспитывала его. Трудно сказать, какое влияние оказало женское участие на характер мальчика. Несомненно одно: дом бабки, где плелись кружева тайной политики, обсуждались новости и сплетни обширной Империи — все это сыграло свою роль в формировании личности будущего Августа.

В 48 году до н.э. Гай Октавий расстался с золотым шариком на цепочке — символом детства — и вошел в категорию «юношей». Всемогущий дед преподнес ему по этому поводу подарок. Октавий получил право на ношение латиклавии — широкой пурпурной полосы, которая нашивалась на тунику и обозначала принадлежность к сословию сенаторов. Цезарь внес своего внучатого племянника и в списки патрициев, а также включил в коллегию понтификов — в одну из трех главных жреческих коллегий Рима.

Подобные почести были, по сути, незаконны, ибо попирали все возрастные ограничения и установленные нормы, которые требовали постепенного восхождения от должности к должности.

Но Цезаря подобные вещи не смущали, а Октавия приводили в неописуемый восторг. Еще бы! Казалось, что стремительное восхождение на вершины власти будет продолжаться вечно.

Весть об убийстве деда застала Октавия в Аполлонии, куда Цезарь отправил племянника учиться. Смерть Юлия стала для будущего Августа двойным потрясением. Он испугался за собственную жизнь и понял, что карьере его пришел конец.

Между тем из Рима поступали еще более удручающие и тяжкие вести. Власть фактически захватил Марк Антоний.

Друзья же советовали Октавию встать во главе легионов и двинуться на Рим. Однако уроки, которые он затвердил назубок, сначала в салоне своей бабки Юлии, потом — в кабинете Цезаря, пошли ему впрок. Он колебался. Знал, что с консулом Марком Антонием ему бессмысленно тягаться, для римлян Октавий — никто. Если он вознамерится появиться в Риме, то могут припомнить, чей он родственник. А тогда — смерти не избежать…

Лучше переждать, осмотреться и тщательно обдумать ситуацию.

Осторожность была одной из отличительных особенностей Августа. На протяжении всего периода правления, император не принимал ни одного решения с бухты-барахты, не посоветовавшись с сановниками, друзьями и личными помощниками. При этом он умудрялся не впадать в зависимость от чужого мнения, и последнее слово всегда оставалось за ним.

Любимое изречение Октавиана Августа стало своего рода девизом выстроенной им системы власти, названной «принципатом». «Поспешай, не торопясь!» — любил повторять Август, одной рукой вручая народу указы о раздаче хлеба, а другой — смертные приговоры на не угодных ему людей.

По завещанию, Юлий Цезарь объявлял наследником своего имущества Гая Октавия. Покойный диктатор также усыновлял внучатого племянника, что давало тому право именоваться Гаем Юлией Цезарем Октавианом.

Однако, когда молодой Октавиан приехал в Рим, чтобы потребовать свое наследство, Антоний оскорбил его и выпроводил из дворца. Узурпатор отказался даже выдать народу и ветеранам-легионерам деньги, завещанные Юлием Цезарем. Этим Антоний, разумеется, нажил себе немало противников.

Октавиан поступил мудро. Он продал часть собственного имущества и роздал деньги так, как хотел его дед. Реакция народа и римского общества оказалась непредсказуемой для Антония. Никому доселе не известный родственник покойного диктатора стал одним из популярных личностей в Риме.

В то время как Марк Антоний вел себя, словно новоявленный царь, Октавиан все больше говорил о ценностях Республики, о возрождении римского государства под сенью мудрого Сената. Игра была столь безупречна, что юноше поверил сам сенатор Цицерон, который был до мозга костей противником всяческих автократий и имел большое политическое влияние в римском обществе.

Октавиан прилюдно называет оратора Цицерона «отцом», клянется в любви и верности, чем заслуживает симпатии противников Антония.

Стареющий республиканец не остается в долгу. В Сенате Цицерон произносит речи, в которых обвиняет Марка Антония в покушении на свободу римлян и предлагает спасение — Цезаря Октавиана. Усилия оказались не напрасными. Будущий Август официально получает разрешение занимать важные государственные посты на 10 лет раньше, чем достигнет предусмотренного законом возраста. Марка Антония же Сенат объявляет «врагом Отечества».

Начинается гражданская война…

13 лет понадобилось Октавиану, чтобы избавиться от конкурентов и окончательно утвердить свое могущество. Он покарал убийц своего приемного отца, развязал войну против Марка Антония и принял участие в составлении «проскрип-

ций» — списков, куда вносили имена людей, которые автоматически становились вне закона. Любой мог убить их и получить награду за принесенную голову. А каждого, кто посмеет помогать отверженным, самого ждала страшная кара — смертная казнь.

Одной из первых жертв проскрипций стал знаменитый сенатор, оратор и писатель Цицерон. Узнав о том, что он объявлен вне закона, Цицерон укрылся в своем имении близ Рима. Сенатор-республиканец все еще надеялся на помощь своего протеже, того, кто называл его «отцом и благодетелем» — Октавиана. Но тот предал Цицерона: свою роль на сцене он уже сыграл, и отныне его услуги были не нужны. Будущий Август уже примерялся к лаврам абсолютной власти.

Много лет спустя, когда Октавиан уже безраздельно управлял огромной Империей, он застал своего внука за чтением одного из сочинений Цицерона. Зная, как дед относится к великому оратору, мальчик испугался и попытался спрятать свиток. Император взял пергамент, увидел имя автора и сказал: «Что правда, то правда — ученый был человек и любил Отечество!»…

Смерть Цицерона и других высокопоставленных сторонников республики была только началом. Конфискации земель, пытки и казни захлестнули Италию. Все новые лица становились жертвам проскрипций, жены доносили на мужей, должники — на кредиторов, а сыновья — на отцов. Чтобы обреченные на смерть не могли спастись, за их головы назначались высокие награды.

Благо, денег в казне хватало. Цезарь, преследуя Марка Антония, который укрылся у Клеопатры, вторгся в Египет. Многие легионы перешли на сторону Октавиана, а вскоре и сам Антоний покончил жизнь самоубийством. Одновременно жизни себя лишила и Клеопатра — по слухам, ее хотели заковать в цепи и провести в таком виде по улицам Рима. Египет же Октавиан сделал своим личным владением, и все доходы с этих богатейших земель стекались в его собственную казну.

Было на что содержать несметное войско и делать роскошные подарки римскому плебсу!

13 января 27 года до н.э. Октавиан выступил на заседании Сената с длинной речью. Он обрисовал положение в Империи, гибель злейших ее врагов, окончание гражданской войны и попросил Сенат взять обратно власть, которой он наделил молодого Цезаря на период смуты.

Октавиан особенно подчеркнул, что хотел лишь отомстить за смерть приемного отца и спасти Римское государство от междоусобиц и прочих бед. Дело сделано, и теперь он, Октавиан, может смело удалиться на покой.

Столь странное заявление наделало переполоха в Сенате. «Как такое возможно? — вопрошали государственные мужи. — Что же будет дальше с Республикой и Римом?»

Сенат отказался принять такой подарок. Октавиан нисколько в этом не сомневался. Годом ранее он, пользуясь правами цензора, собственноручно исключил из списков Сената 200 человек, которых посчитал «неблагонадежными». Оставшиеся были послушными орудиями его воли.

И опять очередной акт пьесы Октавиана прошел без сучка и задоринки. Ход был настолько успешным, что впоследствии многие государи стали использовать его, чтобы укрепить единоличную власть и получить карт-бланш на уничтожение непокорных.

Разумеется, что Сенат начал умолять Цезаря остаться и «править мудро» во благо Рима. После долгих уговоров Октавиан согласился на компромисс. Ему вручались полномочия проконсула, правящего провинциями, в которых стояли римские войска, сроком на 10 лет. Египет получил особый статус и теперь уже на законных основаниях был подчинен непосредственно Цезарю.

Сенат преподнес Октавиану титул «Августа» («божественный», «священный», «податель благ»), который раньше присваивали только богам. Под именем Августа или Октавиана Августа он и вошел в историю.

Кроме того, Август получил титул «отца Отечества» и как верховный главнокомандующий римскими легионами имел полное право именоваться Императором.

Позднее, после реформы календаря, Сенат присвоил шестому месяцу — секстилию — новое имя. Нетрудно догадаться, какое: «август».

Цезарь Октавиан создал абсолютную монархию, опиравшуюся на многочисленные легионы. Попрежнему, каждый год происходили выборы консулов, народных трибунов и других должностных лиц, заседал Сенат и созывались народные собрания. На самом же деле всем в Империи заправлял «первый среди равных» в Сенате — Принцепс. Отсюда система безраздельной власти одного человека, созданная Августом, стала называться «принципатом».

Разумеется, некоторые догадывались о том, что Республика (от латинского «res» и «publica», что значит «общее дело») стала всего лишь пустым звуком. Но Август так умело манипулировал общественным сознанием, что большинство отбрасывало всяческие сомнения.

Октавиан не носил багряницу, как восточные цари, не приказывал называть себя господином и падать ниц. Об этом мечтал его приемный отец и расплатился самым дорогим, что у него было — жизнью.

Август пошел другим путём. Он всегда и везде подчеркивал, что лишь исполнил волю народа, восстановил Республику в чистом виде, закончил гражданские войны и обеспечил процветание Римской империи на долгие годы вперед.

Каковы же результаты «золотого века Августа», когда Империя поднялась на небывалую высоту, заставляя мир взирать на римлян с удивлением и священным страхом?

Принцепс укрепил основу своего могущества — армию. К концу его жизни безопасность Империи обеспечивали 25 легионов, численность которых вместе с кавалерией составляла 150 тысяч человек! Потрясающая по тем временам военная мощь!

Все легионы подчинялись своим военачальникам, а через них — непосредственно Августу. Надо ли говорить, что во главе войск Октавиан ставил преданных ему лично людей?

Армия была хорошо дисциплинирована, обучена и могла в любой момент выполнять приказы Императора. Август почти свернул завоевательные походы прежних времен. Он справедливо полагал, что Римская империя достаточно велика. Сохранить старые владения, а не захватывать новые — вот это, пожалуй, стало основой внешней политики Октавиана Августа.

Однако, Принцепс, стараясь сделать так, чтобы об основе его могущества никогда не забывали, думал и о том, как бы нивелировать присутствие легионов.

В Италии армия не имела права находиться — это считалось наруше-

нием законов Республики и могло вызвать кривотолки. Но, вспоминая о покушении на Юлия Цезаря, Август не желал оставаться без надежной охраны. К тому же в Риме находились тысячи рабов и черни — кто мог поручиться, что однажды они не восстанут?

Принцепс и здесь нашел выход. Он создал Преторианскую гвардию, свою личную охрану, насчитывающую 4 500 человек или 9 когорт. Именно 9, а не 10, как в римском легионе. Получалось, что никакого военного формирования в Италии вроде бы и нет. Но все, от сенатора до уличного раба, знали — случись что, преторианцы первыми войдут в город и подавят беспорядки.

Кроме того, за личной безопасностью императора следила особая охрана во дворце — 500 воинов-германцев были всецело преданны своему повелителю.

Денег на содержание легионеров Август никогда не жалел.

Чтобы обезопасить Рим от нападения варварских племен, Принцепс построил вдоль естественных границ множество укрепленных лагерей и приступил к сооружению оборонительного вала между Рейном и Дунаем. На Востоке Август отказался от планов Юлия Цезаря и Антония по захвату Парфии, а лишь укрепил границу, проходившую по Ефрату.

Октавиан завершил составление карты своей Империи, что было очень важно для подтверждения величия не только Рима, но и его правителя — Августа. Карта символизировала силу и мощь власти Принцепса, она объясняла основные направления внешней политики Римского государства. Так, например, современник Октавиана Страбон утверждал, что Британия, в которой Август потерпел фиаско, не представляет для Рима никакого интереса.

Принцепс реформировал институт управления провинциями огромной Империи. Во главе каждой из них отныне стоял Прокуратор, подчинявшийся непосредственно Августу. Налоги, собранные с захваченных территорий, шли не в карман чиновникам, а прямиком — в государственную казну — за этим ревностно следила особая фискальная служба.

«Я получил Рим кирпичным, а оставляю — мраморным!» — сказал как-то Август. И действительно, пожалуй, ни один город в Империи не удостаивался таких его забот, как Рим.

Август перестроил весь Капитолий, восстановил акведуки и вдвое увеличил мощность Марциева водопровода. В год своего пятого консульства (29 год до н.э.) император отремонтировал 83 храма, чем заслужил особую благосклонность жрецов и народа.

Август покровительствовал наукам, литературе и искусству. Он понимал, какое огромное влияние они оказывают на настроения и образ мыслей в римском обществе. Император лично присутствовал

при публичных чтениях новых произведений, которые чаще всего происходили у его друга — Мецената. Меценат привлекал в свой кружок самых талантливых писателей и поэтов того времени. Он был сказочно богат и щедро вознаграждал тех, кто пел дифирамбы новому режиму его друга — «принципату Августу». Например, знаменитый поэт Вергилий написал поэму «Энеида», где восхвалял Октавиана и его семью. А Гораций так обращался к Августу: «Ты обуздал дух своеволия, опасный для правления».

Август и сам многое сделал, чтобы остаться в памяти потомков «добрым, мудрым и справедливым» правителем. Жестокости и реки крови, что он пролил ранее, должны были навсегда исчезнуть из анналов истории — такова была его главная задумка.

Науке известен документ «Деяния Божественного Августа». Он был в виде медных табличек, которые установили по всей территории Империи. В «Деяниях» Октавиан сравнивает себя с Ромулом, перечисляет свои достижения и дает наказ грядущим поколениям — охранять установленный им в Империи порядок. О проскрипциях и массовых казнях в «Деяниях», разумеется, нет ни слова.

Август достиг вершины своего могущества, перед его ногами лежала огромная Империя. От одного звука его имени трепетали соседние народы. Цезаря Октавиана обожествляли, драгоценные статуи его открыто устанавливали в городах для поклонения…

О чем еще было мечтать?

О наследнике, продолжателе его дела — вот над чем часто задумывался постаревший Принцепс. У него не было сыновей, а внуки странным образом умирали, как только Август объявлял о намерении передать им после своей смерти управление огромной Империей.

Иногда Августу казалось, что боги карают его за те бесчинства и несправедливости, что творил он в молодости. А в другой раз его окутывала ужасная тоска, когда единственная дочь Юлия дерзила своему августейшему отцу, прилюдно устраивая оргии с многочисленными любовниками.

Август был безмерно одинок. Дух созданного им государства, основанного на лжи и лицемерии, проник даже в семью. Его жена Ливия, с которой он прожил полвека, была настолько искусна в притворстве, что он говорил с ней исключительно по бумажке, поскольку боялся, что скажет слишком много или слишком мало. Сын ее — Тиберий, пасынок Августа — гордился своим умением лгать и не краснеть.

Лицемерие, фальшь и многочисленные пороки — вот что, в конечном итоге, взрастил Принцепс в римлянах своим правлением. Он отстроил города и реформировал Империю, но отстроить и реформировать души людей так и не сумел. В финале своей великолепно срежиссированной пьесы Август не мог этого не признать…

Последний акт представления развернулся в Ноле, что близ Неаполя. Слабеющий 75-летний Август остановился там из-за болезни. Рассказывали, что рано утром 19 августа 14 года н.э. он послал за пасынком Тиберием, потребовал зеркало и велел подтянуть себе обвисшие щеки. Потом пригласил в кабинет друзей и обратился к ним с вопросом: «Хорошо ли я сыграл комедию своей жизни?»

Ответа он так и не услышал: через несколько мгновений император Октавиан Август испустил дух… ❑

Светлана Марлинская

Чем прекраснее и счастливее были ее героини на экране, тем трагичнее становилась ее личная жизнь

Проклятие Анжелики

Многие, наверное, помнят то время — почти полвека назад, — когда на советских экранах один за другим появились два удивительных фильма: «Анжелика — маркиза ангелов» и «Анжелика и король». Фильмы-сказки, фильмы-праздники, эталон французских костюмированных художественных фильмов с потрясающей красавицей в главной роли.

Мишель Мерсье… Ею грезили, о ней мечтали, ей подражали. И наивно полагали, что у такой необыкновенной женщины и жизнь, конечно же, сплошной праздник. Увы! Чем прекраснее и счастливее были ее героини на экране, тем трагичнее становилась ее личная жизнь, о которой, правда, мало кто знал.

Мишель Мерсье — это псевдоним, на самом деле, старшую дочь преуспевающего фармацевта из Ниццы звали Жоселин. Но первый же режиссер, обративший внимание на красивую девушку, предложил ей сменить имя — для благозвучия. Пару лет спустя ее собственные родители уже не помнили, как окрестили дочь, и звали ее Мишель.

Мерсье и сама не заметила, как стала актрисой. Весной 1957 года она прогуливалась с отцом в городском саду, где ее заметили два гос-

подина — режиссер Дени де ла Пателльер и сценарист Мишель Одиар. Они сразу поняли, что именно она и нужна им на комедийную роль в картине «Поворот ручки».

Мишель (тогда еще Жоселин) уже пробовала себя в качестве балерины и даже успешно выступала на концертах своей балетной школы. Но балерины из нее так и не вышло: воспитанная в строгой католической семье, девушка не могла ради карьеры переступить через некоторые принципы.

После «Поворота ручки» Мишель больше никогда не испытывала недостатка в предложениях сниматься. Ее яркая, чувственная красота, редкая фотогеничность и умение естественно держаться в кадре притягивали режиссеров и продюсеров, словно магнит. Однако, как ни странно, наибольшую известность Мишель приобрела в Италии, где стала «французской киноактрисой номер один».

А еще ей страстно хотелось устроить свою жизнь, создать семью, иметь детей. В это трудно поверить, но признанная красавица хоть и кокетничала, но хранила невинность для своего будущего супруга, ни минуты не сомневаясь в том, что он у нее будет первым и единственным.

Судьба, однако, распорядилась иначе. Первым серьезным претендентом на руку Мишель оказался… иранский шах Мохаммед Реза Пехлеви. Шах, занятый поисками новой молодой жены, увидел фотографию мадемуазель Мерсье в одной из итальянских газет и с первого взгляда понял — вот он, подарок судьбы. Мишель в это время снималась в итальянском фильме «Ночи Лукреции Борджиа». И вот в Риме ее представили шаху на специально устроенном для этого приеме.

Смотрины не задались. Мишель до того смутилась под оценивающим и откровенно похотливым взглядом Его величества, что совсем растерялась и не знала, что сказать и как себя вести. В общем, впала в какой-то ступор. А потом долго лила слезы на подушку в номере скромного отеля. Зачем ей какой-то шах с его пугающим блеском в глазах? Неужели она дала повод так на нее смотреть? Кого они все в ней видят? За кого принимают?

«Эту девушку, несомненно, поцеловала богиня любви, только она сама этого не понимает. У нее впереди — большое будущее!» — так отозвался шах о Мишель Мерсье. Вопреки опасениям Мишель, шах принял ее именно за ту, кем она была — прирожденную и талантливую актрису, наделенную, к тому же, необычайной красотой. Вот только на роль шахини она, увы, не подошла…

Любая другая на ее месте гордилась бы своей красотой, но после истории с шахом у Мишель появился… огромный комплекс неполноценности. Когда ее пригласили в Голливуд на кинопробы с самим Элвисом Пресли, Мишель появилась на пышном приеме в глухом, не оставляющем пространства воображению черном платье, со скромной прической и без всякой косметики. И все равно Мерсье то и дело ловила на себе восхищенные взгляды мужчин.

Голливудская карьера не состоялась по тем же причинам, что и карьера балерины. Мадемуазель Мерсье вернулась в Париж и… стремительно вышла замуж за первого же человека, сделавшего ей официальное предложение: малоизвестного режиссера Анри Девилье. В тесной квартирке на острове Миньо Мишель усердно начала вить свое семейное гнездышко. Больше все-

го ее заботило, чтобы у них с мужем было «все, как у людей». Две овчарки, служанка, картины по стенам, вазочки, безделушки...

В то же время Мишель много снималась, к сожалению, в не слишком удачных картинах. Самой любимой ее ролью в тот период была роль девицы легкого поведения в фильме «Стреляйте в пианиста». В перерывах между поливкой фикусов и приготовлением спагетти, Мишель с головой уходит в любимую работу. Муж откровенно недоумевал:

— Ну и талант у тебя! Днем играешь проститутку, вечером — сама добродетель. Где же настоящая ты? На ком я, собственно, женился?

Его раздражение можно было понять: женившись на одной из самых обольстительных женщин своего времени, он не ожидал, что его жена окажется невинной и неискушенной девушкой, прилежной домохозяйкой и очень плохой любовницей. В постели Мишель вела себя скованно, скучно, покладисто и словно всего боялась. Анри ждал от нее кокетства, страсти, капризов, безумств — ничего подобного. А между тем в этой женщине явно таилась эротическая сила вулкана, хотя пока не сверкнуло даже искры.

В начале шестидесятых Мишель Мерсье получила свой первый в жизни приз — за лучшую женскую роль в картине «Рычащие годы». Ее карьера явно шла в гору. А солнечным утром 1963 года — они с мужем как раз пили утренний кофе — в квартире раздался телефонный звонок. Мишель приглашали на пробы в картине «Анжелика».

Она прочла знаменитый роман и заболела им: «Анжелика вызвала во мне бурю восторга. Я чувствовала ее всеми фибрами души».

Авторы романа, Анн и Серж Голон, едва увидев Мишель, в один голос воскликнули:

— Это — она! Это — наша Анжелика!

Разумеется, роль досталась именно ей, пришлось только изменить цвет волос, поскольку Мишель была брюнеткой. Но впечатление создавалось такое, что она родилась с этой золотистой львиной гривой, подчеркивающей нежный цвет лица и красоту глаз цвета меда.

(Единственное несовпадение с описанием Анжелики в романе, там у героини глаза изумрудно-зеленые. Но в жизни такой женщины среди актрис не нашлось, а контактные линзы еще не были изобретены.)

Первые два фильма — «Анжелика — маркиза ангелов» и «Великолепная Анжелика» — снимались одновременно. Утром Мишель играла взрослую женщину и мать, а вечером — героиню, которой всего семнадцать. Впервые в жизни ей было не до семьи и не до хозяйства. Она была одержима Анжеликой — иногда это даже пугало ее.

Во время триумфальной премьеры фильма в «Мулен Руж» в декабре 1964 года Мишель стояла на сцене, утопая в цветах. Но улыбка у нее была вымученная, а в глазах затаилось отчаяние. Триумф жены странно подействовал на Анри, его словно подменили: он забросил свою работу и на неделю ушел в запой. А накануне премьеры с ним случился настоящий эпилептический припадок, но...

Осмотревший Анри врач заявил, что припадок — чистейшей воды симуляция. Мишель потребовала от мужа объяснений, но в ответ услышала какой-то бред:

— Увидишь, вместе с коньяком я скоро начну глотать валиум, барбитураты и очень скоро сойду с ума. И ты никогда меня не оставишь — по закону, нельзя развестись с сумасшедшим!

С ним случилось то, что отныне будет так или иначе происходить со всеми ее мужчинами: в образе Анжелики Мишель стала той, кого жаждет встретить любой мужчина — символом красоты и чувственности, объектом вожделения. И никакие клятвы и доводы здравого смысла не могли пересилить совершенно безумную ревность, целиком захватившую несчастного.

В конце концов, Анри действительно сошел с ума и попытался подстроить своей супруге автомобильную катастрофу. Мишель уцелела чудом, а ее муж попал в психиатрическую клинику. Правда, и сама Мишель оказалась на грани нервного расстройства. Она была уверена — всему виной — ее внешность: Анри уже не первый, кто не желает видеть ничего, кроме ее необыкновенной красоты. Конечно, Мишель и сама понимала, что в «Анжелике» и впрямь выглядит потрясающе. Но она гнала от себя эту Анжелику, проклинала дьявольское очарование образа — ведь на самом деле он не принес ей ничего, кроме несчастья.

Впрочем, настоящие беды только начинались. Следующий роман

Мишель (на сей раз с безумно влюбленным в нее художником) закончился еще более драматично. Она ни разу не изменила возлюбленному, ни разу не дала повода для подозрений. Но и тот отказывался этому верить, изводя себя и ее сумасшедшей ревностью.

Мишель почувствовала недоброе, когда он показал ей одну из своих новых работ: разрезанный на кусочки и наклеенный на старое квадратное зеркало фотопортрет Мишель. Странная фантасмагорическая аллегория... А через несколько дней в приступе необъяснимой ярости любимый набросился на Мерсье. Удар пришелся в лицо; перстень с печаткой разбил нос, рассек щеку — кровь залила ей глаза, Мишель походила на ту самую фотографию...

Двойной перелом носа, долгие месяцы в больнице, несколько пластических операций. Когда Мишель увидела себя в зеркале, ей стало страшно — кровоподтеки, распухшие губы, синяки под глазами... И отчаянная, помимо ее собственной воли, прорвавшаяся мольба:

— Я хочу быть Анжеликой, я — Анжелика! Господи, сделай меня опять такой, как Анжелика!

Природа французской Ривьеры, воздух и морские купания подействовали благотворно — Мишель снова стала той, к чьим ногам готовы были пасть все мужчины Европы. И опять, глядя на нее, любой мог побиться об заклад, что в спальне такой женщины поклонники меняются не реже, чем цветы в вазах. А она всего лишь смогла развестись с мужем, да и то при условии выплаты ему солидного ежегодного содержания. Какие уж там романы!

В 1969 году, к неописуемой радости своих родителей, Мишель вышла замуж за давнего друга семьи, предпринимателя и весьма перспективного политика Алена Рено. Кстати, в отличие от ее прежних

мужчин, Ален убеждал Мишель не бросать работу. И хотя она бесконечно устала с юных лет жить в жестком режиме проб, ранних пробуждений, утомительных съемок, ночевок в осточертевших отелях, ей было приятно, что на сей раз в ней видят не только красивую оболочку, но, кажется, и душу...

Прозрение оказалось болезненным. Два года спустя Мишель пришлось признаться самой себе: она глубоко и безнадежно несчастна. Ни слава, ни восхищение поклонников, ни обеды и ужины с политической элитой страны, ни привязанность к мужу не согревают ее сердце по-настоящему. А роль идеальной жены, которую она снова так старательно играла, давно уже стала только маской. По-настоящему она оживала лишь во время съемок очередной серии «Анжелики».

Версаль, Средиземное море, павильоны и декорации средневекового Парижа… Мишель переодевается то в роскошное придворное платье, то в костюм восточной одалиски, то в лохмотья отчаявшейся вдовы колдуна Пейрака. Остальные актеры обожают ее, она со всеми ровна и доброжелательна, как и ее героиня. Но гаснут юпитеры — и снова Мишель должна проводить вечер одна в пустой квартире: у мужа — бесконечные деловые встречи, поездки…

А давнее обещание — никогда надолго не оставлять ее одну, — Алан, похоже, совершенно забыл. На натурных съемках на берегу Адриатического моря в Италии Мишель — совсем одна. Муж — в Париже, у него свои дела. Правда, каждый вечер он звонил ей в отель, клялся в вечной любви, говорил тысячу ласковых слов… и не прилетал, хотя она умоляла навестить ее хотя бы на один день.

А потом произошло неизбежное: Мишель встретила другого мужчину. Точнее, он спас ее, когда

после двух часов съемок в холодной воде режиссер забыл об актрисе и отплыл к берегу. Очнулась она уже на берегу и увидела склонившегося над ней красивого молодого человека. Ее спасителем оказался режиссер Питер Коллинсон. Их потянуло друг к другу, как магнитом, но…

Но как и раньше, обнаружив в себе подобные желания, Мишель смертельно их испугалась. К тому же, она замужем. Питер ежедневно приходил на съемки и наблюдал за ней издали. За эти дни они разговаривали едва ли больше пары минут. Но с того дня Питер, ее ангел-спаситель, стал часто сниться Мишель. Почему-то всегда он звал ее улететь с ним.

Когда Мишель предложили роль в картине Питера Коллинсона «Драчуны», она не сомневалась — надо отказаться. Питер даже во сне стал угрозой ее супружеской добродетели. Но на сей раз «надо», сказанное самой себе, не сработало. Съемки «Драчунов» происходили в Турции, от съемочной площадки до гостиницы — несколько километров по дороге, вьющейся между скалой и пропастью. Только здесь, в этом диком месте, едва ли не впервые в жизни она почувствовала себя почти свободной.

«Никогда в жизни у меня не было таких отношений с режиссером. Ни единой ссоры. Он нежен, такая нежность редко встречается у мужчин. Я чувствую, что его вле-

чет ко мне — и не могу ЭТОМУ сопротивляться».

Однажды Питер пригласил Мишель на прогулку в горы и там признался ей в любви. Все произошло спонтанно. Но она и не подозревала, что способна испытывать такое наслаждение — до экстаза, до полного изнурения. Два брака ничего подобного ей не открыли, двое мужчин в ее жизни так и не смогли пробудить в ней женщину. И вот это случилось… Что еще нужно женщине от жизни?

Однако наутро она проснулась растерянной и разбитой. Мишель сказалась больной и не вышла на съемки: перед глазами поочередно вставали то нежная улыбка Питера, то разъяренное лицо Алена. Ее сознание словно бы раздвоилось — одна Мишель пребывала в любовном восторге, другая дрожала от стыда и страха. И между ними лежала непреодолимая пропасть...

В тот же день Питер задал Мишель тот вопрос, который она уже не раз слышала во сне:

— Ты улетишь со мной?

Он умолял ее бросить мужа и улететь в Лондон. Но Мишель ответила категорическим отказом, за что потом будет терзать себя сожалениями долгие месяцы. Ален так и не прилетел в Италию, зато, вернувшись в Париж, она обнаружила неопровержимые доказательства того, что муж давно уже ей изменял. Развод состоялся быстро и о нем Мишель никогда не пожалела ни секунды.

В тридцать шесть лет Мишель Мерсье осталась одна и чувствовала себя абсолютно опустошенной. Съемочные площадки она больше не могла видеть. Когда по телевизору шла ее «Анжелика», она испытывала настоящие страдания, глядя на счастливое лицо своей героини. Невольно приходили мысли о том, что судьба обошлась с ней несправедливо, наделив красотой и обделив счастьем.

Более того, убедила себя, что приносит несчастье другим. Поэтому когда давний поклонник Мишель Адриан осмелился, наконец, признаться ей в любви, она сначала не ответила ему ничего. Но он произнес:

— Ты обязательно принесешь мне счастье!

Мишель поверила ему — ей так захотелось этому поверить!

Адриан был богатым бизнесменом, вдовцом, и один воспитывал двоих сыновей — двенадцатилетнего Патрика и девятилетнего Бенджа-

мина. Дети сразу же приняли Мишель, как родную.

«Сразу после школы они бежали ко мне. Ради этого момента я была готова сидеть дома целый день. Бенджамин кричит снизу: «Это мы!», бросается ко мне, забирается на колени. Патрик тоже тут как тут. Эти дети могли бы быть моими».

Эти дети не стали ее, как не суждено было ей самой стать законной женой Адриана. Хотя почти два года Мишель не снималась в кино, следовала за Адрианом по всему миру, вращалась в высших кругах строительного и нефтяного бизнеса, мировой финансовой элиты. Уже был назначен день свадьбы, когда у Адриана первый раз случился приступ головокружения. А вслед за этим последовал страшный диагноз врачей: злокачественная опухоль мозга.

Мишель едва не наложила на себя руки: все повторялось — она приносила мужчинам только боль и страдания. Адриан сгорел за два месяца... До последней секунды он держал ее за руку и просил:

— Только не бросай меня.

Она осталась верна его памяти. Кроме этого, в ее жизни уже ничего ценного не было.

И сегодня, на седьмом десятке лет, Анжелика по-прежнему обворожительна. ❑

Анатолий Пимонов

Из жизни призраков

О привидениях слышали все, но лишь немногие знают, что они существуют. Большинство людей не верят в них, но только до первой встречи с самым непритязательным призраком, после чего, вместо верящих или не верящих, становятся знающими.

«Привидения — клочки и отрывки других миров, здоровому человеку их незачем видеть, здоровый человек есть наиболее земной человек, должен жить одной земной жизнью для полноты и порядка. А чуть заболел, чуть нарушил нормальный земной порядок в организме, тотчас и начинает сказываться возможность другого мира, и чем больше болен, тем и соприкосновений с другим миром больше». — Вот так высказался о призраках наш великий соотечественник Фёдор Михайлович Достоевский.

Трудно сказать, что больше поражает людей при встречах с приведениями: сами ли эти немыслимые создания или невероятные, с точки зрения здравого смысла, их способности. Явившись в земной мир, они творят поистине чудеса: принимают облик умерших, проходят сквозь преграды, перемещаются в воздухе, мгновенно исчезают прямо на глазах, иногда предварительно сообщив наблюдателю, что было, есть и будет. Похоже, они знают все и иногда спешат поделиться с нами кое-какой информацией. Но при этом блюдут только свои интересы, им до нас — как до

лампочки. Сделав нечто крайне важное для себя, они уходят туда, откуда явились, — похоже, не испытывая укоров совести за доставленные нам переживания. Некоторые отражаются в зеркалах и отбрасывают тень.

Лучше всех чувствуют привидения и различные фантомы из других миров и пространств животные. Особенно кошки. Вероятно, диапазон их зрения намного превышает человеческий. Чёрные кошки, обладающие более значительной остротой органов чувств, реагируют на странности «беспокойных» мест, как высокочувствительные датчики — подобно физическим приборам.

Вот типичное описание привидения в девятнадцатом веке, обошедшее все газеты и сохранившееся в архивах до наших дней: «Зимним вечером Мария де Тило (доктор медицинских наук) сидела в спальне перед ярко пылавшим камином и ласкала любимую кошку, дремавшую на коленях. Время было довольно позднее. Вдруг она заметила, как что-то странное случилось с ее животным. Мурлыканье прекратилось, и кошка показывала явные признаки беспокойства. Хозяйка наклонилась над ней и, поглаживая, старалась успокоить ее, но кошка соскочила с колен с пеной у рта, с ощетинившимся поднятым хвостом и выгнутой спиной, выказывая страх и озлобление. В тот самый момент дама увидела, к своему неописуемому ужасу, на старинном кресле, по другую сторону камина, незнакомую безобразную старуху. Руки ее лежали на коленях, а сама она нагнулась вперед, словно для того, чтобы поближе рассмотреть хозяйку. Выпуклые глаза ее со зловещим блеском пристально уставились на нее. Дама хотела закричать, но, пока этот странный взгляд был на

нее устремлен, она словно оцепенела, не могла ни дышать, ни встать с места. Кошка, между тем, вырвавшись из рук, перепрыгнула через стулья и бешено бросилась к запертой двери, ударилась об нее, отскочила и таким же скачком кинулась к другой двери, ведущей в коридор. Появление старухи и неистовство кошки, наконец, вырвали из груди испуганной хозяйки сдавленный крик ужаса. Тотчас же в комнату вошла потревоженная шумом мать. Дама повернулась с намерением показать на предмет своего страха, но таинственная старуха исчезла...

Как выяснилось, в этой комнате повесилась бывшая владелица дома, обнаруженный портрет которой совпал с обликом призрака».

Еще в истории древнего мира можно найти указания на то, что человеческие жилища заполнялись странными беспричинными шумами, голосами, а то и привидениями. Известно папирусное письмо, написанное древнеегипетским писцом, чей дом стал «беспокойным» после смерти его жены. Письмо он адресовал покойной. В нем, помимо растерянности, содержатся угрозы, упреки в ее адрес. Видно, хозяин дома таким образом стремился прекратить подобные «беспокойства». Этот папирус и по сей день находится в историческом музее в Милане.

Каждый год — нынешний не стал исключением — в ночь под Рождество в коридорах Букингемского дворца, громыхая цепями, появляется человек в монашеском одеянии. Это — не участник рождественского карнавала, а монах — привидение, с которым неоднократно сталкивались обитатели дворца. Местные специалисты оккультных наук нашли интересное объяснение этому явлению. Оказывается, в стародавние времена на месте Букингемского дворца стояла лечебница для прокаженных, построенная монашеским орденом. По всей вероятности, дух одного из членов ордена и наводит ужас на наших современников. В Букингемском дворце проживает и еще один призрак. В начале XX века секретарь короля Эдуарда VII по имени Джон попал в скандальную историю, связанную с разводом, которая стала достоянием общественности. Желая раз и навсегда покончить с павшим на него позором, Джон заперся в своем кабинете и застрелился. Время от времени в комнате, где произошла трагедия, раздается выстрел. Когда комнату открывают, там никого не находят.

А в замке Глэмис, в Шотландии, поселилась аж целая группа привидений. В древние времена там проживали враждующие между собой кланы Огилви и Линдсей. Проиграв очередное сражение, несколько человек из клана Огилви попросили убежища у владельца замка Глэмис. Тот впустил их внутрь, но, боясь мести Линдсей, закрыл их в потайной комнате замка и больше никогда не подходил к ее дверям. Через несколько десятилетий обитатели Глэмиса услышали громкие удары, нашли эту комнату и обнаружили в ней скелеты. Стук постоянно повторяется, словно запертые люди все еще пытаются выбраться оттуда.

Один из бывших электриков, работавший в советские времена в

Кремле, рассказывал интересные истории про кремлёвские привидения. Работники ночных смен хорошо различали шаги Ленина и Дзержинского, уже не реагировали на голоса, раздававшиеся в коридорах, на скрип дверей и шелест бумаги. С привидениями бывших революционеров у них сложились весьма дружеские отношения. Никто никому не мешал жить. Вот только относиться к привидениям таких высоких рангов приходилось с крайним уважением и почтительностью.

Часто в домах, где водятся непознанные фантомы, появляются на стенах надписи: патетические просьбы о помощи, требования, мольбы, а также царапины и иные знаки. Они возникают и тогда, когда комната находится под самым строгим наблюдением. Также появляются куски бумаги, покрытые подобными надписями. Иногда никак нельзя открыть или закрыть двери — без каких либо очевидных причин. В комнатах домов видны странные огни, ключи сами собой выпадают из замочных скважин, происходит самовозгорание, появляются, исчезают и вновь оказываются на месте различные предметы домашнего обихода. Возникают необычные световые явления или откуда-то идёт дым без огня. Чувствуются странные запахи — приятные и неприятные, возникает ощущение сильнейшего холода, людям кажется, что до них дотрагиваются, на свежевыпавшем снегу появляются неизвестно чьи следы. И очень странно на все это реагируют животные...

В Москве также происходит много необычного, просто урбанизированные москвичи практически ничего не замечают. Но есть небольшие группы энтузиастов, свободное время посвятившие изучению феноменов привидений и накоплению статистических данных. Они имеют свои карты Москвы, снаряжение и специальные фотоаппараты. Уличить этих людей в бесовщине и психических болезнях невозможно, так как многие из них занимают положение, диктующее крепкий рассудок и полную социальную адекватность. И они рассказывают очень необычные вещи…

Большой Сергиевский переулок, дом три, во дворе. Огромный черный силуэт мужчины, ростом до второго этажа. Стоит всю ночь до рассвета: жутковатый, но безобидный. А вот в Замоскворечье — очень милые кошки. Пересекают улицу от дома к дому, из стены выходят, в стену же возвращаются. Сначала даже смешно. Но если окажешься на их пути — лишишься рассудка.

По словам храбрых исследователей, все аномальные явления в городе можно разделить на четыре группы. Первая — просто звуки. Это, как они считают, самое безопасное. Вторая и третья группы — подвижные и неподвижные фантомы, но без звука. От встреч с ними вреда тоже не бывает. Дальше обморока дело не заходило. Наиболее опасными последствиями чреваты встречи с фантомами озвученными. «Я убежден, — доказывает один из энтузиастов искателей, — что некоторые из них попросту смертельны для человека. Это выходит на поверхность какой-то совершенно чуждый нам мир, от которого следует держаться подальше. Подозреваю, что часть нераскрытых исчезновений людей как раз на совести этих чудовищ».

Аномальные феномены распределены по карте Москвы неравномерно. Заметно гуще значки расставлены в районах Таганки, Яузских ворот, переулков вокруг Пятницкой, а также в районах между улицей Герцена и Бронными улицами. Реже встреча-

ются они на Арбате, почти нет на Полянке и Плющихе. Вовсе избавлены от риска встреч с непонятным жители новых районов.

Огонь, сера, вода, а также куриное яйцо — почти непременные атрибуты тех, кто и в наши дни очищает жилища и их обитателей от злых духов. Но еще чаще используют пирамиды, кварцевые лампы, торсионные генераторы и многое другое, о чем древние не могли иметь ни малейшего представления...

В Скандинавии этот ритуал носит название «ослиная грива» или «возвращение силой». Жрецы и мудрые люди заставляют привидение навсегда скрыться под землей руганью или даже всего лишь усилием воли.

Христианская церковь разработала свой ритуал экзорцизма. В обряд входят заклинания, молитвы и пение псалмов. Разумеется, исполняют его специально обученные церковные служители. Акцент делается на то, что все призраки — служители Сатаны, поэтому и в заклинаниях произносят имя нечистого. Это звучит примерно так: «Я проклинаю тебя, Змей-искуситель, и именем твоего создателя, и именем создателя мира, именем Его! Того, Кто в силах низвергнуть тебя в ад. Изыди, дьявол! Наполнись ужасом, и да наполнится ужасом армия твоя!» Экзорцист стоит в центре пентаграммы, под защитой святого круга. Ему нужны Библия, распятие и сосуд со святой водой…

Особенно уязвимыми нас делает алкоголь! Продукты дрожжевого брожения, к которым относится и пиво в частности, весьма неблагоприятны для потоков жизненной энергии по каналам в теле человека. Проверено веками на практике. Напитки, содержащие алкоголь в соотношении 2—4 процента, будь то более крепкие вина, коньяк или водка — великолепная приманка для призраков. Алкоголь напрочь снимает с тела человека энергетическую защиту от тонкоматериальных сущностей низшей природы — всевозможные бесы, элементёры, лярвы, низшие духи и прочая преотвратная потусторонняя мелочь могут надолго и прочно подселиться к своей жертве и сделать жизнь невыносимой и страшной.

Некоторые эзотерики считают, что самыми неуязвимыми по отношению к призракам являются атеисты. Если человек не верит во что-либо, следовательно, ничего с ним и не происходит!

Какой выбрать способ защиты для себя, пусть определит сам читатель. А в заключении хотелось бы напомнить простую истину — даже самые страшные привидения бегут от доброты, любви и смелости. ❑

Денис Логинов

ВИЗИТ к патологоанатому

Известного в медицинских кругах патологоанатома, доктора медицинских наук Марианну Сергеевну Русакову разыскать было непросто. Крошечная улочка на самой окраине маленького городка, небольшой уютный домик с садиком, озерцо с рыбками. Но отсюда тянутся во все концы мира нити ее славы. А многочисленные гости приезжают с сумками и большими тяжелыми чемоданами, в которых звякают разноцветные склянки. Правда, за гостеприимным столом не говорят о научной медицине, и совсем не вспоминают, честно говоря, о не очень жизнерадостной профессии хозяйки. А все больше радуются, увидев на подоконнике витраж дивного изящества или лампу с прекрасным, играющим прозрачными красками стеклянным абажуром.

Думала ли доктор медицины, что когда-нибудь будет собирать бутылки! Да еще в Голландии! Бросив престижную должность в столичной Русаковской больнице, названной, кстати, в честь ее деда.

В тот день, 22 года назад она отказалась в очередной раз высту-

пать с докладом на мировом научном конгрессе, потому что спешно укладывала вещи. В дорогу на этот раз ее позвала старая как мир страсть — Любовь.

Все дело в том, что на международных симпозиумах и семинарах всегда присутствовал голландский врач Фриц Ольдеринк. Когда Марианна Сергеевна поняла, что без него она больше жить не может, то собрала две хозяйственные сумки и махнула в Лейден, к своему жениху. Ей было 48, любимому Фрицу — 50. Счастливую жизнь надо было начинать заново.

«Первое время я ощущала покой, — рассказывает Марианна Сергеевна. — Слушала птичек, цветы сажала да и вообще с лопатой не расставалась. Даже прудик выкопала с небольшим водопадом. Развела рыб и лягушек — это так интересно!

Потом начала немножечко тревожиться: хочу работать! Ведь русская женщина — всегда в работе! Пошла на языковые курсы, голландский-то надо знать! Правда, они вышли для меня не очень удачными, потому что там были… одни китайцы! И я сидела и слушала, как китайцы говорят на нидерландском языке. Это — какой-то русско-китайский словарь матерных слов и выражений!

Поэтому решила язык изучать самостоятельно, с помощью мужа и знакомых голландцев. Вот так чуть-чуть и преуспела.

Но с работой было совсем печально. Своих врачей здесь полным-полно, а у меня к тому же и возраст был — аккурат предпенсионный. В какую больницу не зайду — руками на меня машут. Идите, говорят, идите и отдыхайте.

Тут как раз в местной художественной школе стали обучать, как витражи делать. Я за время моих поездок по загранице столько пре-

красных витражей в костелах видела! Ну, вот, захотела и я тоже делать такое чудо. Создавать, громко говоря, произведения. Вообще, должна вам сказать главное: в

стекле есть жизнь. И мне это очень нравится. Вот так дело и пошло...»

Больше всего Марианна Сергеевна радовалась знакомству с творчеством художников Золотого века Голландии, особенно расовальщиков цветов. Она так увлеклась, что собрала огромную библиотеку на эту тему. И для нее как для художника цветок стал гораздо большим, чем просто растение. А уж про тюльпаны-то голландские и говорить нечего.

«Известно, что в Голландии даже был целый художественный период — «Тюльпаномания». Все рисовали тюльпаны. И они мне «легли на сердце». Я вдруг увидела в них не только форму, цвет, поэзию, динамику, но и душу.

Кроме того, что цветок этот необыкновенно элегантен, как господин из высшего общества, я почувствовала его дыхание, его удивительно живую форму. Он — просто как танцующая балерина!

Это движение меня так вдохновило, что я захотела воспроизвести экспрессию цветочного танца в стекле. Сделала сначала для себя дверь с витражом, потом — панно для окна. Ну, а дальше стали приезжать разные важные седые дядьки — искусствоведы и все подряд забирать в разные коллекции, на выставки и в музеи».

Правда, после этого разговора, обожающий свою Марианну, но все-таки не допускающий искажений семейной хронологии, Фриц тихонько рассказал мне, что самой первой работой его русской жены стало маленькое окошко в домашнем туалете. И это заветное окошко точно уж никуда не уедет.

Витражей в доме много. От мягкого золотистого света, льющегося через цветные стекла, дом

наполняется какой-то радостной теплотой.

«Как же мне нравится, когда на закате цвет начинает дробиться в стеклах. Ах, как это красиво! Вы знаете, что в Голландии даже существует целая система лечения цветом. Людей оставляют определенное время под синими, зелеными, красными тентами, и цветное освещение оказывает целительное воздействие на больной организм. Особенно эмоционально воспринимается оранжевый цвет. Здесь небо часто — серое, долго идут дожди, солнечные дни нечасты. Наверное, поэтому так много желтооранжевых линий в оформлении домов, интерьеров, плакатов.

Цвет стекла — это цвет души народа. На курсах вместе со мной обучались витражному делу женщины из Испании, Норвегии, Швеции, Бельгии... И если норвежка предпочитала бело-голубые и серые оттенки, то испанка выбирала темно-красные, буйные темпераментные цвета».

Аккуратный голландский домик с русской хозяйкой, как и положено, стал красен не только углами, но и пирогами.

На кухне, где хозяйка с удивительной сноровкой разделывается с продуктами, окно также прикрыто мастерски сделанным цветным орнаментом.

«Знаете, мне так надоело, что соседи все время глазеют, что я на кухне делаю. Ну, до чего же любопытная здесь публика! Говорят, что голландцы (исторически сложилось так) никогда не смотрят в соседние окна. Все это, уверяю вас, просто ерунда. Рядом живет такая важная дама, которой, я так понимаю, делать абсолютно нечего, и она с утра до вечера очень мною занята: что я тут стряпаю? Вот и причина появилась такой витражик смастерить».

Но если кухонное окошко появилось по причине суровой необходимости, то витражи, панно, вазы, лампы стали потребностью творческой натуры. Когда пришло мастерство, собственных произведений в доме стало оставаться все меньше и меньше.

Листаю толстенный альбом с фотографиями всего того, что сотворила Марианна Русакова. В подписях под ними — весь мир. Вашингтон, Токио, Рим, Париж, Берлин. Это, не считая многих престижных салонов и домов в самой Голландии. У нее целая куча грамот, дипломов, статей о ее творчестве в газетах и журналах.

Сколько же таланта оказалось у человека, в руках которого карандаш и резец стали так же быстры и точны, как когда-то медицинский скальпель. О том времени Марианна Сергеевна вспоминает без сожаления.

«Уже, как говорится, поезд, на который был взят билет в молодости, ушел. Дальше надо двигаться самой, другими путями. Жизнь надо достойно заканчивать.

Я так благодарна Фрицу! Он все сделал, чтобы я могла «играть» со стеклом. Ведь такое хобби, честно говоря, довольно дорогое удовольствие».

И плавит и режет стекло Марианна Сергеевна в тесной домашней мастерской. Верный Фриц, которого она называет не иначе как «мой Мася», на стареньком «опеле» выискивал в антикварных лавках специальное «античное» стекло. Однажды, на гонорар, полученный за научную работу, купил самую современную муфельную печь с компьютерной программой. А Марианна придумала способ выпекать в ней особые стеклянные «цветные булочки». И вазы, и колпаки на ее лампах наполнились цветовым объемом с бесконечными переливающимися оттенками. Стеклянный орнамент стал кружевным, начал дышать, оживать, двигаться, играть музыкой цвета.

Правда, бывают случаи, что исходный материал приходит сам. Вернее, привозят его гости. Вот что, оказывается, позвякивает в огромных чемоданах! Один богатый немец собрал все пузырьки от одеколона, которым пользовался всю жизнь. Марианна Сергеевна разбила их на кусочки, выплавила удивительного цвета лепешечки и из них сотворила ему прекрасную настольную лампу. Благодарный клиент шлет ей теперь бесконечные фотографии с одним и тем же сюжетом: лампа на столе, исполненный гордости ее владелец, а рядом — люди, которых Марианна Сергеевна видит по телевизору во время самых важных мировых событий.

Интересно, что сообразительные голландцы, профессиональные художники по стеклу, вмиг переняли у Марианны Русаковой методику «объемного витража» и даже стали называть этот способ «старо-голландским витражным стилем».

Марианна Сергеевна не в обиде. Все равно у нее своя манера, свое, особое чувство гармонии формы и цвета. Она не расстается даже с крошечными стекляшками, оставшимися от сделанного рисунка. Они — на полках, в бесконечных коробочках. Тщательно рассортированные по оттенкам, фактуре, способностям изменять цвет в огненном пламени.

«Я никогда не выбрасываю даже мелкие осколки. Из этих солнечных кусочков в плавильной печи получаются живые лепестки, лучистые фрукты, нежнейшие стебельки. Со стеклом нужно обращаться нежно. Всегда можно уколоться, поэтому надо прикасаться к осколкам медленно и осторожно. Так же, как йоги на гвозди ложатся. Стекло любит нежность. Это тоже, что ежонка на руки ласково взять. Тогда он совсем не колется!»

В эти дни хлопот у Марианны Сергеевны прибавилось. Приближается ее 70-летие, гостей со всех стран приедет множество. Всех встретить, накормить, напоить. Пришла пора прощаться с этим удивительным человеком.

Расставались мы совсем поздно. Стоя у калитки, Марианна Сергеевна куталась в шаль, которую принес заботливый Фриц. «Спасибо, тебе, Мася. Ведь ты по-русски кое-что знаешь! Давай, скажи! Людям ехать до Бельгии, вон как далеко!»

И Фриц, который весь вечер тихо сидел за столом и, по-видимому, мало что понимал из нашего эмоционального разговора, необыкновенно нежно обнял свою Марианну и сказал чуть слышно и почти без акцента: «Моя душа полна тобою».

Боже мой! Неужели ей — 70? Ведь у нее такая молодая жизнь. ❑

ЗАПАД, ТРЕПЕЩИ!

Анжелика Подоляк

Что же так цепляет слушателя в рок-музыке? Немудрено, если это — свежесть материала (невторичность), сыгранность коллектива, хороший профессиональный уровень (а ведь часто можно встретить — «выучил три аккорда, пора выступать»). Сегодня поговорим о действительном чуде на российско-европейской хеви-сцене — Catharsis («Катарсис»). Искреннюю радость и удивление вызвало то, что могут же наши дать фору не только отечественным, но и зарубежным мэтрам (Royal Hunt, Angra, Stratovarius, Rhapsody, Gamma Ray, Nightwish, «этсетера»). Ходят слухи, что есть и другие коллективы подобного же уровня, но известны они хорошо только в узких кругах.

Истоки

Первый состав Catharsis собрался в 1996 году и почти без изменений продержался до 2001 года. Парадоксально, но факт — почти все группы направления хард-н-хэви начинают свой путь с достаточно жесткого звучания. Ребята, например, изначально создавали композиции в стиле melodic doom/death metal, что и отразилось на первом альбоме («Proles Florum»1998) — как гром среди ясного неба, он пронесся по слушателям — публика в восторге. К сожалению, подкачало качество записи, тем не менее, наслаждаться прослушиванием оно не мешает. Индивидуальности здесь мало, так как чувствуется влияние Therion и групп того же направления. Музыковеды же приписывают альбому стиль melodic doom/death metal. Следовать выбранному стилю было не совсем верно, ибо дум и дет, пускай даже мелодичный — это ограниченное направление.

Следующий их альбом, мини, («Ferbis Eritica» 1999) — выдержан в стиле мелодичного симфонического (иногда говорят — неоклассического) скоростного метала. Группа оказалась своего рода первопроходцем данного стиля на отечественной сцене, ибо почти никто до них не работал серьезно и настолько профессионально с данным течением музыки. Работа гитаристов на уровне Ингви Мальмстина, клавишницы (Юлия Полякова) на уровне Royal Hunt и Kansas, ударник тоже дает фору и рубит не хуже Angra, Blind Guardian и Dreams of Sanity. Вокалист, вообще что-то не-

привычное, нестандартное, но, похоже, и он не избежал влияния классиков, а также Андре Матоса (солист группы «Angra», кстати, там уже солирует другой вокалист). Тем не менее, музыка уже зрелая и достойна внимания ценителей.

С момента выпуска мини-альбома группа начала «завоевывать» Запад и, как результат — положительные отзывы в известных зарубежных музыкальных изданиях. Вспомните хоть один отечественный хард-коллектив, который бы удостоился славы на европейской сцене. Что-то ничего на ум не приходит. Таким образом, «Катарсис» получает статус лидера и заключает контракт с совсем недавно возникшей «Irond Records».

В 2001 году выходит один из «бестселлеров» Catharsis — «Dea». Уже третий по счету альбом, на котором группа продолжает развивать симфо-пауэр идеи, поражая слушателя виртуозностью владения инструментами, слаженностью. Звук третьего релиза стал некой визитной карточкой, подчеркивающей индивидуальность коллектива.

«Соло туров» еще нет, но востребованность и растущая популярность к этому постепенно подводит. Пока приходится выступать на разогреве публики перед импортны-

ми командами (Blind Guardian, Nightwish, Amorphis и другими).

Куда же без конфликтов? Группа теряет сразу троих музыкантов — существует две версии их ухода, о которой поговорим ниже — а потому срочно пришлось найти достойную замену.

В обновленном варианте группа выпускает в 2002 году «Imago». Новые люди — новые идеи, что хорошо заметно на музыкальном материале. Хотя с одной стороны — это плюс, ведь каждый альбом представлен по-своему. С другого же бока — это говорит о нестабильности отношений внутри коллектива.

Изменения курса не произошло, но характер изменился. Композиции стали более яркими, законченными. Группа окончательно определилась со своим стилем. Планка качества не понизилась. Спустя некоторое время, выходит «Имаго» в 2003 году с лирикой на русском языке. Вполне успешная попытка сделать упор на слушателя, которому не по душе «буржуйские» тексты. Хотя отечественному меломану порой все равно, на каком там языке звучит композиция. Грех не упомянуть, что к текстам четырех песен обоих релизов приложила свое перо Маргарита Пушкина (пишет для «Арии», «Мастера» и других групп).

2004-й год ознаменовался выходом мини-альбома «Призрачный свет». Все на уровне, но рассматривать его как полноценный релиз смысла нет, так как он, по большей части, послужил напоминанием о себе любимых: «Не забывайте нас — мы есть и работаем вовсю».

Очередная небольшая смена состава (ушел вокалист) и выход последнего, в 2005 году, альбома «Крылья». Изначально русская лирика, но не за горами и английская версия. Хороший ход, возможно, впервые на нашей рок-сцене, — выпуск двух вариантов альбома (русский и английский) — с прицелом на отечественную и зарубежную аудитории одновременно.

Финальное сведение делалось в Финляндии (студия Finnvox), что подразумевает бесподобное качество записи. Процессом руководил Мики Юссила, известный по работе с Nightwish, Stratovarius… У микрофона — Максим Самосват. Звучит бесподобно, но иногда кажется, что он всем видом показывает: «Кипелов, я тоже так могу».

Почти все песни слушаются на одном дыхании — гармоничное вкрапление неоклассики, саксофон (Олег Топуридзе), отшлифованные гитарные партии, красота мелодий, драйв и положительная энергетика. Местами можно уловить коммерческий налет, попытку понравиться всем и сразу.

Ложка дегтя

Конфликтная ситуация 2001-го года привела к уходу из группы сразу трех участников: вокалиста, гитариста и ударника. Приведем две версии.

Лидер Catharsis Игорь Поляков или Jeff и его официальная версия:

уволили Антона Ариха, гитариста, и Владимира Мучнова, ударника, за нежелание творить в избранном направлении. Еще преследовали исключительно материальные интересы, «не желали думать о слушателе» и попытались гнуть свою линию, вопреки остальным членам группы.

Владимир Мучнов за себя и от лица Ариха утверждал, что они ушли сами и никто их не увольнял; причины — расхождения по многим вопросам, в частности, отношения Игоря и Юлии Поляковых к творческому процессу, «невыполнение обещаний и игнорирование правды». Антон Арих отказался писать музыку для Catharsis. Слово за слово, ругань за руганью и они ушли из группы — ни о каком творчестве во время скандалов думать не приходится.

Сразу после ухода Арих запретил бывшим согруппникам исполнять написанные им песни (был основным композитором и первые три релиза — плоды его творчества), оформил на них авторское право, а в случае невыполнения требований — обещал затаскать по судам. Видно, поругались от всей души, да так, что стали врагами. Игорь же, не долго думая, выразился в стиле — очень надо, нам это не интересно, будем новое создавать и еще лучше. И это при том, что Jeff восхищался творчеством гитариста.

С уходом Антона «Катарсис» потерял прекрасного музыканта, конечно, замену нашли — но первый и второй периоды творчества — небо и земля. Арих организовал свой проект «Dea», пытался собирать музыкантов, обещал порадовать слушателей хорошей музыкой — и где оно? За пять лет — ни одной ноты. Выходит, все это — голословные обещания? А ведь был шанс составить настоящую конкуренцию Catharsis. Что ж, жаль.

Премудрости политики

В начале 2006-го произошел очередной скандал, на этот раз связанный с барабанщиком Андреем Ищенко. Дело в том, что он сотрудничал одновременно в семи коллективах и возможности сосредоточиться на чем-то определенном, естественно, не было. Сначала наняли сессионного ударника, а потом и вообще отстранили Андрея от работы в группе. Решение принял лидер Catharsis — Игорь Поляков, но представлено оно было как общее. Ищенко хотел бы продолжить свою деятельность в составе «Катарсис», но, похоже, этого уже не будет. Слишком большая занятость приводила к срывам выступлений и нестабильной работе, поэтому результат — вполне логичный. Пострадавший же считает, что его увольнение связано с моментами, «вышедшими за рамки работы коллектива». Опять же, две стороны, но не нам судить и искать виноватых.

Заменил Андрея Алексей Барзилович («Артерия»).

Кода

Catharsis будут продолжать развивать избранное направление с упором на Россию и Запад. Хороший менеджмент и продуманная политика — делают и будут делать свое дело. Дадим же фору зарубежным мэтрам, «получи буржуй гранату»! От всей души можно сказать, что при прослушивании композиций «Катарсиса» испытываешь не только наслаждение, но и чувство настоящей гордости за наших. В очередной раз подтверждаются слова Михайло Ломоносова:

«...может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать»... ❑

Продолжаем собирать нашего «лучшего спутника» или самого «надежного друга». Как вы помните, в прошлый раз мы делали комплекты на базе процессора AMD S754. Сегодня же взглянем, что хорошего сулит S939, и насколько придется затянуть пояса после покупки оного. Оговоримся на тему приведенных примеров — это — не эталон, которому совершенно не обязательно следовать. В то же время — все указанные комплектующие и фирмы проверены на практике.

«...И позабыл об этом»

Кругом голова от ваших цифр!

Новый сокет открывает обширные возможности — двухканальный контроллер памяти (например: две планки оперативной по 256 работают быстрей, чем одна на 512); шина 1000 Мгц (200x5), возможность поставить Хай-Энд процессоры FX (57-й, 2800 Мгц, самый быстрый одноядерный CPU в мире) и новейшие двуядерные AMD Athlon X2 3800+ и выше, а также двуядерные FX (пока доступен только FX60). На некоторых материнских платах реализована технология SLI, но, как мы уже выяснили в материале «Невидимое преимущество» (4-й номер, апрель 2006), — это деньги на ветер.

Для экономии места и времени, сразу скажу, что во всех конфигурациях использован один и тот же жесткий диск — 80 Gb Sumsung SP0812N 7200 8 Mb (хватит с головой для всего, не забывайте только скидывать информацию на диски, чтобы потом не пришлось докупать еще один «хламосборник») и привод чтения, записи CD и DVD — Pioneer DVR 111. Выбор на последний пал по нескольким причинам: во-первых, некоторые качественные и надежные девайсы, выходящие под другими марками, делаются на заводах Pioneer; во-вторых, он читает диски почти любой степени «убитости» и, в-третьих, выдает минимум ошибок при записи. Машинка в любом случае стоящая. Круче только Plextor, но вряд ли вы решитесь купить «резак» за две или три тысячи рублей, даже если у него — стеклянная оптика, преимущество от которой неоправданно дорого стоит.

Поработать и поиграть

Сборку всегда лучше начинать с головы, вернее, с процессора, так как в данном и последующем случаях — это самый дорогой элемент. Минимум под S939 — Athlon 64 3000+ BOX. В предыдущем номере в последней конфигурации также был трехтысячный Атлон, но под 754-й разъем, так вот их производительности отличаются от нуля до

пяти процентов (S939 местами медленнее — сказываются срезанные 200 Мгц в пользу двухканального контроллера оперативной памяти), что на практике не заметно. Хотя, в то же время, мы получаем новые возможности и перспективы, а не тупиковый вариант (S754, добавить оперативки, сменить видюшку и процессор только до 3700+, что в принципе неплохо и подобной машины хватит еще на два, три, а то и больше лет, но о «чумовых» скоростях придется забыть). Преимущество Athlon 64 над 939 исключительно в двухканальности контроллера памяти, который позволяет многим процессам протекать шустрей (игры, обработка видео, графики и так далее). На данный момент 3000+ (S939) — идеальное решение для дома, так как сложно найти что-то способное его хорошенько загрузить. Как говорится, камешек «жжет» (Злой Бетти ©).

Выбираем материнскую плату. Естественно, навороты «фтопку» и остановим выбор на MSI K8N Neo4-F, nF4 Standard. Неприхотливая и стабильная вещица, которая даже у заядлого «геймера» не вызовет нареканий. Плюс ее в том, что нет ничего лишнего — только основное, что благоприятно сказывается на стабильности. 12 USB портов, звук 7,1, шина от 800 до 1600, SATA I (150 Мб/сек.), множество полезных настроек в BIOS`e, а также богатый потенциал для «оверклокеров» (любители выдавить максимум из имеющегося оборудования) и, наконец, встроенная гигабитная сетевая карта. В работе «мамка» неприхотлива — стерпит все.

Дабы не перегибать палку, не будем шиковать с видеокартами. Как обычно, две на выбор, ведь стоят одинаково: GF MSI NX6600 TD 128 Mb или Radeon x700 rx700-TD128E 128 Mb. Кучи fps (frames per second — кадров в секунду) ждать не придется, в принципе, как и дискомфорта — девайсы превосходно отрабатывают затраченные на них деньги. Решения бюджетные и весьма достойные — вытянут любую игру на максимальных настройках качества.

У нас — двухканальный контроллер оперативной памяти, поэтому берем две планочки по 256 Mb (PC3200 Sec-1), чего на сегодняшний день вполне достаточно. Будет мало — докупаете еще две — плюс 1300 рублей к общей сумме.

Куда же все, что мы набрали, прикручивать? Корпус для этой машины подойдет простенький, к примеру, уже проверенный Microtech с блоком питания 350W. Внешний вид у него строгий, но важна начинка, а не наружность.

1 Поработать и поиграть

Athlon 64 3000+ S939 BOX
GF MSI NX6600 TD 128 Mb
Radeon x700 rx700-TD128E
256x2 Mb PC3200 Sec-1
80 Gb Sumsung SP0812N 7200 8 Mb
DVD RW Pioneer DVR 111
MB MSI K8N Neo4-F, nF4, S939
ATX Microtech 350W

Price 13162

Итак, кульминация — называем цену: 13162 рубля. Поверьте на слово — это очень дешево за машину такого класса, при том, что еще год назад она бы обошлась в 17 или 18 тысяч, да и сегодня некоторые фирмы греют ручки в предвкушении «незнающих».

Наслаждение комфортом

Не зря этой подглавке дано такое название, так как если первого варианта может на что-то не хватить (маловероятно), то второй с этим точно справится. Ставим процессор помощней — Athlon 64 3200+ S939 BOX и завершаем конфигурацию не урезанными видеокартами среднего класса (midle-end): GF MSI

NX6600 GT 128 Mb или Radeon x1600pro 256 Mb. Хоть они и стоят одинаково, первая дает прирост в обработке графики в два раза, а вторая — несколько больше (нет игр или только единицы, способных загрузить их под завязку). Для пущей шоколадности поставим 2x512 оперативки все той же PC3200 Sec-1. Остальные элементы остаются без изменений. К счастью, даже с этой конфигурацией зубы можно еще оставить при себе — 15996 рублей. Согласен, цена — не детская, но машина перекочевала в разряд игровых. Покупать более дорогой вариант на сегодняшний день — нерационально, ибо через месяц деталь, стоившая 15 тысяч, опустится до 13, потом — до 11 и так далее. Поберегите нервы и деньги!

2 Наслаждение комфортом

Athlon 64 3200+ S939 BOX
GF MSI NX6600 GT 128 Mb
Radeon x1600pro 256 Mb
512x2 Mb PC3200 Sec-1
80 Gb Sumsung SP0812N 7200 8 Mb
DVD RW Pioneer DVR 111
MB MSI K8N Neo4-F, nF4 Standard, S939
ATX Microtech 350W

Price 15996

Деньги некуда девать

А теперь переходим к шоковой терапии. Берем новую платформу, которая реально отличается от первой только более мощным чипсетом nF4 Ultra и поддержкой нового стандарта жестких дисков с SATA II (300 Мб/сек.) — MSI K8N Neo4-FI, S939. Если хотите, можете на ее же основе собрать и первые две конфигурации, что повысит цену на 400 рублей. Почти приемлемо. «Видюшка» нужной ценовой категории нашлась всего одна Radeon x1600xt 256 Mb (не путайте индексы фирмы ATI (Radeon): SE — конкретно урезанные, pro — немного урезанные, xt — совсем не урезанные), которая любое приложение будет щелкать, как семечки. Конечно, все относительно, но более дорогой девайс можно расценивать как «пижонство» — смело крутите пальцем у виска, так как через полгода вы возьмете нечто более крутое за гораздо меньшие деньги.

3 Деньги некуда девать

Athlon 64 3800+ S939 BOX
Radeon x1600xt 256 Mb
512x2 Mb PC3200 Sec-1
80 Gb Sumsung SP0812N 7200 8 Mb
DVD RW Pioneer DVR 111
MB MSI K8N Neo4-FI, nF4 Ultra, S939
ATX Inwin 430W

Price 22000

Чуть не забыли про процессор — и будет это Athlon 64 3800+ S939 BOX — круче только FX. Сначала скажу, что еще год назад за такой камешек просили около 20 тысяч рублей, а сейчас — 7800 все тех же деревянных. Динамика удешевления комплектующих просто поражает! Кто-то может выразиться: «Чума-а-а»!

Вышла машина-зверь, но еще не настолько экстремальная. Оставляя остальное без изменений, за исключением корпуса, в котором должен быть блок питания не менее 430 Ватт, считаем денежки: 22000 рублей.

Хочу все самое крутое

Просмотрим прайс-лист и выберем все самое навороченное, что только мож-

но найти. На практике этого делать не рекомендую, или подождите падения цен, а оно не заставит себя ждать. На материнскую плату, упомянутую в третьем варианте, ставим двуядерный процессор Athlon 64 x2 4800+ S939 BOX, нагружаем его оперативной памятью 2x1024 Мб (PC3200 Sec-1). Не забудем о графических акселераторах для настоящих «пацанов»: Radeon x1900xtx 512 Mb или GF MSI NX7800 GTX 256 Mb (буква «X» после xt и GT означает, что это — разогнанные модели топовых карт). А энергии все это будет съедать-то сколько(!), поэтому здесь уже жизненно необходим хороший блок питания (не менее 430W). Корпус можно взять от любого бренда, например, Inwin (классика жанра). А теперь, внимание, цена: 44475 (с Radeon) \ 41468 (с GF).

Красиво, но слишком дорого, хотя найдутся те, кто умудрится взять за не меньшие деньги более слабый вариант. Производительность последней системы увеличивается лишь двуядерным FX 60, но он обойдется более, чем в 30 тысяч рублей. Меньшими средствами теоретическое наращивание скорости достигается сменой IDE жесткого диска UDM 133 (Мб/сек.) на SATA II (300 Мб/сек.). Стоят они практически одинаково, а возможный прирост вызывает сомнения (чтение и запись на диск, теоретически, должны быть в два с небольшим раза быстрее), так как на машинах подобного уровня незначительные изменения на глаз не заметны. Но все же, за SATA будущее — контактов меньше, и скорость не меньше, а то и больше, поэтому только ради этого стоит задуматься об его приобретении.

4 Хочу все самое крутое

Athlon 64 x2 4800+ S939 BOX
Radeon x1900xtx 512 Mb
GF MSI NX7800 GTX 256 Mb
1024x2 Mb PC3200 Sec-1
80 Gb Sumsung SP0812N 7200 8 Mb
DVD RW Pioneer DVR 111
MB MSI K8N Neo4-FI, nF4 Ultra, S939
ATX Inwin 430W

Price 44475 \ 41468 (GF)

Приходим в себя

Время считать и выгадывать подходит незаметно, особенно, когда вы уже стоите в магазине, и вам не хватает на что-то ста рублей. Первые две конфигурации сбалансированы по цене / качеству, третья требует падения цен, а четвертая — пример бездумной траты денег. Не брезгуйте ожиданием, ибо покупатель — не продавец, чей гонорар зависит от количества «впаренного» за день. Выбирайте, интересуйтесь и не гонитесь за наворотами, так как даже средний по параметрам компьютер справится со всеми задачами.

Теперь на практике видно, что конкретно влияет на производительность системы и насколько сильно это отражается на цене — процессор и видеокарта. Остальные же элементы — только как инструменты достижения качества и стабильности (материнская плата, оперативка, блок питания, винчестер). Выбирайте, решайте, не гонитесь и покупайте. Возникнут вопросы — пишите, заходите на форум, и мы поможем.

P.S. Указанные цены действительны на момент написания материала. В день прочтения могут отличаться до нескольких тысяч в меньшую сторону в дорогих сборках и от 500 до 1500 — в первых двух вариантах. ❑

Просто Кир
podolak@rambler.ru
www.prostokir.pbnet.ru

Максим Севрюков-Кистерев

Время собирать... мусор

фото Надежды Веселовой

Если и начнется Третья мировая война, то, возможно, главным виновником ее станет обыкновенный… мусор. Уже сегодня планета настолько захламлена, что без утилизации отходов нас ожидает нехватка территорий для сельского хозяйства и развития городов. Человечеству, полагают ученые, придется воевать дважды: первый раз — за обладание свободной от мусора землей, а второй, наоборот, за право её разработки. Полезные ископаемые на Земле рано или поздно все же иссякнут, и, возможно, свалки станут для нас ценнейшим источником ресурсов на многие десятилетия…

За 500 лет до нашей эры в Афинах был издан первый известный «мусорный указ». Жителям полиса запрещалось выбрасывать ненужный хлам на улицы, а мусорщикам предписывалось вывозить отходы не менее, чем за километр от города.

Видимо, подобная практика утилизации разного хлама была успешной. Во всяком случае, греческие города-государства больше страдали от междоусобных войн, нежели от замусоренных улиц и заразных болезней.

В Средневековье многие достижение цивилизации эллинов забыли. Вплоть до XIV века мусор и всяческие нечистоты европейцы выбрасывали и выливали в… окно! Проходя по

улицам какого-нибудь фешенебельного района, нужно было смотреть в оба: и под ноги (не дай Бог поскользнуться!) и наверх — чтобы ненароком не облили помоями в прямом смысле этого слова.

Позднее в некоторых городах начали выкапывать специальные уличные канавки для стока нечистот в ближайший водоем. Подобные «ноу-хау» часто приводили к загрязнению грунтовых вод, что, в свою очередь, было чревато эпидемиями — водоочистных сооружений средневековая Европа еще не знала.

Промышленный переворот породил переселение больших масс людей в города и усугубил и без того непростую ситуацию с мусором. Городские власти издавали специальные указы и предписания, пытались регламентировать утилизацию отходов. Мусор вывозили за городские ворота и складировали в специальных хранилищах в сельской местности.

Однако города росли быстро. Свободные площади в их окрестностях уменьшались, а неприятные запахи и численность крыс — наоборот, увеличивались.

В 1874 году в английском городе Ноттингеме построили необычную печь. Вместо дров и угля в нее, на глазах изумленной публики, загрузили уличный хлам. Агрегат успешно прошел испытание, за считанные часы он сжег тонны мусора, оставляя лишь небольшие кучки пепла и шлака. Данный способ утилизации отходов получил распространение по обеим сторонам Атлантики: сжигание позволяло сократить объемы мусора, в зависимости от его состава, на 70-90 процентов.

Впрочем, вскоре выяснилось, что подобные печи уместны лишь тогда, когда не существует более дешево-

го способа утилизации отходов — захоронения на специальных полигонах-свалках. Кроме того, сжигание мусора существенно ухудшало состав воздуха. Установка же специальных фильтров увеличивала стоимость эксплуатации печи в несколько раз. Споры о вреде и безопасности мусоросжигательных заводов идут до сих пор.

Настоящий «мусорный бум» произошел в мире в середине прошлого века. Бурное развитие промышленности, всплеск рождаемости и превращение крупных городов в мегаполисы с миллионным населением заставили человечество искать радикальные пути решения проблемы «хлама».

Изменился и состав мусора. Еще 100 лет назад многие городские жители наверняка удивились, если бы им предложили, скажем, масло в полиэтиленовой упаковке, а пиво — в алюминиевых банках.

Сегодня же, заходя в универсам, мы покупаем большинство продуктов в искусственной упаковке. Она либо не успевает разлагаться, либо вообще не подвержена разложению на свалках, а значит — горы мусора растут из года в год.

До эры мегаполисов, когда большинство населения проживало в деревнях, утилизация отходов была облегчена, благодаря всасывающей способности окружающей среды. Крестьяне снимали урожай, часть подавали сразу же к столу, часть отправляли на хранение, а остальное — продавали. Упаковка и переработка были практически не нужны — продукты потребляли на месте, в свежем виде.

Отходы, в основном органического происхождения, благополучно скармливались скоту и использовались в качестве компоста под будущий урожай.

С развитием обмена и торговли, особенно в глобальном масштабе, возникла потребность в рекламе, красочной упаковке и прочих ухищрениях, цель которых одна — донести продукт до нашего стола в целости, сохранности и более-менее свежем виде.

Исследования Департамента по сельскому хозяйству США показали: около 1 из 10 долларов покупатель тратит на упаковку. Чистая прибыль фермеров от реализации продуктов оказалась чуть ли не в два раза меньше сумм, израсходованных на «красочное обертывание и рекламу». Есть о чем задуматься.

Но и это еще не все.

Шести миллиардам на нашей планете нужно не только есть, пить, но и спать, рожать детей, развлекаться, путешествовать и многое-многое другое. Каждый день современный человек выбрасывает столько мусора, сколько еще 200 лет назад его предок выбрасывал, в лучшем случае, за месяц. Огромная масса «хлама» постоянно вступает во взаимодействие с окружающей средой, которая уже не в состоянии «переваривать» такие объемы.

Некоторые ученые давно уже окрестили Землю «планетой-помойкой». По их мнению, если в ближайшие полвека человек не одумается и не предпримет необходимые меры, то мы просто утонем в собственном мусоре. Начнутся эпидемии, генетические мутации и войны с полчищами крыс, которые на столь благодатной почве (то есть помойке) уже сейчас размножаются в геометрической прогрессии.

Есть ли выход из создавшейся ситуации?

Прежде всего, считают ученые, нужно всем миром собраться на свалке и начать… копаться в мусоре. Именитые профессоры и академики не сошли с ума. То, что человечество выбрасывает на помойки, можно использовать еще многомного раз. Помните, как в детстве собирали металлолом и таскали в школу килограммы макулатуры? Пришла пора то же самое проделывать с пластиковыми бутылками, алюминиевыми банками и даже с пищевыми отходами.

Нонсенс, скажете вы? И будете не правы. Европейцы копаются в мусоре уже несколько десятилетий, японцы с американцами тоже не отстают. Для каждого «хлама» существует особый контейнер со специальной маркировкой. И не дай Бог вам бросить, скажем, использованные ртутные лампы в ящик для картофельных очисток. Казнить не казнят, но штрафами обложат с головы до пят.

В России все обстоит, как всегда, иначе. Экологическая культура у нас крайне низкая — до сих пор принято почему-то выбрасывать му-

сор не в мусоропровод, а с балконов и окон на головы дворников. Да и пространства для свалок еще много: проще открывать каждый день новый полигон, чем заниматься переработкой. Поэтому, по подсчетам специалистов, на территории нашей страны «обитают» уже 80 млрд. тонн твердых бытовых отходов. Не считая промышленного мусора.

В середине 70-х годов XX века идея сжигания мусора в печи получила «свежее дыхание». Тепловую энергию предложили преобразовывать в электрическую — то есть превратить мусоросжигательные заводы в электростанции. Только в США уже в 1986 году на конференции мэров было объявлено о существовании 69 таких станций, а также о строительстве в ближайшее время еще 61.

Большинство электростанций подобного типа работают на мусоре, который не подвергается предварительной сортировке — в целях удешевления производимой энергии. Некоторые, наоборот, отделяют металлы и стекло. Есть и такие электростанции, которые получают топливо прямиком из коровника или свинарника. Так, например, один из провинциальных городков в Англии сегодня полностью покрывает свои нужды в электроэнергии путем переработки навоза. По трубам масса поступает в специальный реактор, где происходит разложение с выделением тепловой энергии. Жители городка всерьез уверены, что электричество, как и деньги, отнюдь не пахнет.

Свалки являются еще и ценным источником метана. Ученые подсчитали, что уже через 11—12 лет, после закрытия мусорных полигонов с них можно собирать от 4 до 6 кубометров газа в час.

Однако, даже если все население планеты начнет копаться в мусоре, строить электростанции на коровьем помете и добывать метан из свалок, проблему едва ли удастся решить. Поэтому некоторые ученые рассматривают… Луну в качестве места для складирования мусора в будущем. Почему нет? Спутник не обладает окружающей средой и атмосферой — а значит, загрязнять там нечего.

Другие предлагают отправлять мусор прямиком на Солнце. Можно построить гигантскую пушку, которая будет периодически обстреливать ближайшую звезду специальными капсулами с отходами нашей цивилизации.

Есть и такие, кто, не мудрствуя лукаво, проектируют «мусорные ракеты», которые должны стартовать с Земли в открытый космос и никогда больше не возвращаться.

Использовать космос в качестве новой мусорной свалки, конечно, очень заманчивая перспектива. Остается только удешевить запуск аппаратов с Земли — иначе отправка мусора «через тернии к звездам» будет по стоимости эквивалентна добыче и огранке высококачественных алмазов. Впрочем, есть еще одно «но». Ресурсы на планете подходят к концу, а в кучах мусора содержатся редкоземельные металлы, стекло, пластмассы, дерево и прочие материалы, которые можно использовать неоднократно. Весь вопрос заключается в простых и дешевых технологиях рециркуляции. А их — необходимо придумать.

Пока же нам стоит привыкнуть к мысли о необходимости сортировки домашнего мусора и невозможности выбрасывания его через окна. В конце-концов, наш дом не заканчивается на пороге квартиры. Очень может быть, что на пороге планеты — тоже… ❑

А демона сыграть?

Анатолий Пашинин — представитель молодых мужественных артистов. Известен по ярким работам в фильмах и сериалах — «Грозовые ворота», «Ундина», «Право на любовь», «Провинциалы», «Огнеборцы», «Украденное счастье», «Инструктор». Он — артист талантливый, искренний, что называется, «цепляющий» зрителя и не отпускающий его от экрана!

— Анатолий, у вас — экономическое образование, а почему решили получить еще и актерское, может, кто-то из родных имеет отношение к искусству?

— Я вырос в семье военного и врача, к актерской профессии никто отношения не имеет. Закончил во Владивостоке институт. Год поработал, была шикарная зарплата, интересное дело, но однажды я задумался: а не придется ли о чем-либо пожалеть в жизни? Ведь я так и не осуществил мечту сняться в кино. Вот и решил в 22 года ехать

в Москву, поступать в театральное училище.

Когда сказал об этом своему шефу — он ужаснулся, мол, да кому ты в столице нужен. И он был прав. В Москве меня никто не ждал! Но, тем не менее, я поступил в театральное училище с первого раза.

— Какими качествами нужно обладать, чтобы стать артистом?

— Харизма — самое главное. Когда я поступал в театральное училище, то на место было четыреста человек, комиссия смотрит: можешь ли ты привлечь, удержать на себе внимание. Талантливый актер на сцене, да и в кадре умеет молча, ни говоря ни слова, держать публику в напряжении.

— Дорогие сердцу картины есть?

— Таких фильмов у меня два: «Украденное счастье» и «Грозовые ворота». Конечно же, люблю сериал «Провинциалы», где снялся сразу после первого курса, там я сам себя сыграл. Первый фильм — как первая любовь!

— Над фильмом «Грозовые ворота» как работалось?

— Когда потрясающе талантливые режиссер и оператор, шикарные партнеры, тогда работать легко и приятно. Сценарий мне понравился сразу. У меня были замечательные партнеры — Михаил Пореченков, Михаил Ефремов, Слава Разбегаев, Алексей Богданович, а чем талантливее партнер, тем зрителю больше кажется, что артист рядом с ним — просто гениальный. На площадке есть камера и есть партнер, ты «хватаешься» не за камеру, а за партнера. Важно, когда хороший сценарий, когда в тексте не переделываешь ни одного слова. Важно, когда на площадке есть талантли-

вый режиссер, который все объяснит. В «Грозовых воротах» у меня не было такого, чтобы я сидел и думал: «А что я тут делаю в этой сцене?» Чудо, когда в процессе работы все нравится!

— В Кремле творческой группе «Грозовых ворот» министр обороны Сергей Иванов 5 мая этого года вручил медаль...

— Я впервые побывал в Кремле. Здорово! Есть, что вспомнить в этом году! Свою награду я посвятил деду — ко Дню Победы.

— Вы капризный актер?

— На площадке я — не капризный актер. Но! Я капризен в одном — все пункты подписанного мною контракта должны соблюдаться, мне важны условия работы — чтобы машина меня привезла вовремя в аэропорт и отвезла обратно. Приятно работать, когда съемочной группе обеспечен комфорт. Ты же не будешь пить кофе, когда рядом с тобой осветители сидят мокрые от дождя и холодные!

— Вы — обладатель коричневого пояса каратэ с 16 лет! Как у вас со спортом?

— Я и боксом занимался. Но, к сожалению, сейчас на занятия спортом нет времени.

— Некоторые актеры боятся перерыва в работе, начинают страшно паниковать, сетовать на судьбу...

— В нашей профессии — не стремись объять необъятное! Все роли сыграть невозможно, во всех фильмах сняться нельзя и всех денег не заработаешь!

— Вы участвовали в игре, конкурсе Форт Байар? Чем он интересен?

— Еще будучи студентом, принимал участие в этом конкурсе, был в одной команде с Певцовым, Бронштейном, Редниковой. Здорово, когда есть хорошая команда,

когда один за всех и все за одного! Видел «Последнего героя» с Николаем Николаевичем Дроздовым, Владимиром Пресняковым, с интересом наблюдал за ними, вот с такими людьми — в огонь и в воду, они все друг за друга стояли!

— Как проводите досуг?

— Мне нравятся компьютерные «игрушки». Перед съемками думаешь, устал, осталось на сон всего четыре часа — завтра в кадр. Ну, ничего, еще один уровень игры надо взять, и садишься к компьютеру! Есть такая игра «Цивилизация», так вот, сын моего друга прошел ее на 10-м уровне, а я прошел ее на 6! Вот это новое поколение подрастает! Люблю фильмы-сказки, у меня — богатейшая коллекция. Книги читаю и легко даю их почитать другим, не ставлю внутри книг именные штампики.

Если не вернут — не расстроюсь, потому что куплю снова, сей-

час любую книгу можно купить. Книги все дома — избранные. Люблю познавательную литературу. Читаю экономические журналы.

— Что хотелось бы сыграть?

— Знаете, хотелось бы сыграть в фильме-сказке какого-нибудь колдуна, у меня в арсенале все роли, практически, положительные, а нужно попробовать себя еще и в другом амплуа, вот демона сыграть было бы интересно!

— Вы — известный артист, правда ли, что ездите на метро?

— Езжу на метро и на такси, когда нужно быстро добраться. Как-то ехал на такси, опаздывал на «Мосфильм», стоим в пробке на Киевском мосту, у меня осталось 15 минут до съемок, ну, что делать? Вижу — парень на скутере рядом. Говорю ему: «Старик! Любые деньги! На «Мосфильм!» Он ответил: «Не вопрос!» Я вылез из такси через боковое окно, сел на скутер и он довез меня за десять минут на студию. Спасибо этому парню! Мне всегда везло на хороших людей!

— Вы трудоголик?

— Стараюсь всегда работать на совесть, чтобы потом не было стыдно пожать друзьям и знакомым руку.

— Какие люди вам нравятся?

— У человека должна быть своя позиция. Ценю благородство и уважение к себе и к другим людям.

— В жизни вы человек сложный?

— Друзья говорят, что со мной легко. Скажу так — по отношению к себе я человек требовательный, но ненавижу ложь, и мне нравятся ответственные люди.

— Есть ли места, куда хотелось бы вернуться?

— Хотелось бы вернуться под ореховое дерево, где однажды сидел, будучи пятнадцатилетним парнем, с подругами, в одну из девушек я был влюблен и жутко ее стеснялся, так и не смог ее тогда поцеловать! Впредь я шанс не упускаю, чтобы потом ни о чем никогда не жалеть!

— Ваши мечты, они какие?

— Одна мечта — чтобы близкие люди мною гордились.

— Какие планы на будущее?

— Хочешь рассмешить Господа Бога — расскажи ему о своих планах! Сбывается все, что не загадываешь! ❑

Беседовала
Елена Воробьева.

Максут Хундамов

фото Владимира Чейшвили

Древний летун

Воздушных змеев по праву можно назвать древнейшими летательными аппаратами. Еще за несколько веков до нашей эры в китайских рукописях упоминались змеи, выполненные в форме птиц, бабочек, жуков и даже человека, раскрашенные в самые яркие цвета.

Но наиболее распространенным типом китайского воздушного змея был и остается дракон. Это — символ могущества сверхъестественных сил. Во многих провинциях Китая существовал день массового запуска воздушных змеев. Обычно он приходился на девятый день девятого месяца.

Летающий дракон — безумно сложная конструкция. Несколько десятков бумажных конусов образовывали гибкое тело дракона. Он имел большую голову с разинутой пастью. Через нее воздух проникал в туловище, создавая необходимую для полета подъемную силу. Но одного устрашающего вида зачастую было мало. Поэтому змеи постепенно научились издавать самые разнообразные звуки. Они выли, рычали, свистели — и все это делал ветер, гуляющий во внутренностях бумажного дракона…

Несмотря на, казалось бы, неопровержимые доказательства, что воздушные змеи впервые появились в Поднебесной, европейские ученые упорно приписывают авторство их изобретения древнегреческому ученому Архиту Тарентскому, жившему приблизительно в IV веке до нашей эры.

Но это, как говорится, дела историков. Пусть они и разбираются. Нам гораздо интереснее другое. Летописи сохранили интереснейшие свидетельства применения воздушных змеев. Так, в IX веке во время битв византийцы привязывали к воздушному змею воина, который с высоты птичьего полета бросался греческим огнем во вражеский стан. В другом документе находим, что в 906 году киевский князь Олег при осаде Царьграда использовал змеев в форме конных воинов для устрашения противника.

Интересное развитие получили воздушные змеи в Японии, куда они попали из Китая. Первоначально они были частью религиозных обрядов. Своеобразным связующим звеном между миром людей и миром божеств «ками», населяющих окружающий нас мир. Считалось, что змеи могут защитить от зла, несчастий, бедствий, обеспечить хороший урожай. В некоторых областях змеев отпускали в свободный полет, что означало приношение всемогущим богам.

В летописях также можно найти упоминание о том, что бумажные конструкции использовались для транспортировки людей и грузов. Верится в это с трудом, но кто знает, может, так оно и было, живых свидетелей с того стародавнего времени, способных подтвердить или опровергнуть данные сведения, к сожалению, не осталось.

Гораздо вероятнее, что змеев использовали для передачи условных сигналов и управления войсками. Но ценны бумажные конструкции были все же не только и не столько своим применением в военном деле. Змеи, прежде всего, красивы, красочны и радуют глаз.

Японские воздушные змеи отличаются не только яркостью красок, но, главным образом, своими сюжетными рисунками. На них изоб-

ражаются благородные славные самураи, лукавые народные герои, переносятся сюжеты известных гравюр. Среди них были настоящие гиганты, так, дважды в год на праздники мальчиков и девочек запускали огромного змея (его размеры 15 на 11 метров и вес 800 килограммов), чтобы отправить в полет такого монстра, а потом и управлять им требовались усилия до пятидесяти человек!

В средние века к воздушным змеям проявляли интерес ученые. Так, знаменитый Леонард Эйлер писал, что «Бумажный змей, детская игрушка, пренебрегаемая взрослыми, когда-нибудь станет предметом глубоких исследований». Он оказался прав. Уже в 1749 году шотландский астроном Вильсон воспользовался воздушным змеем для измерения температуры в верхних слоях атмосферы. Франклин и Ломоносов при помощи воздушных змеев проводили исследования электричества и доказали, что молния есть не что иное, как электрический разряд огромной силы. Во Франции в 1886 году естествоиспытатель Майо запустил змея, обладавшего подъемной силой в 70 килограммов.

Позднее были изобретены змеи принципиально новой конструкции — коробчатые, они не нуждались в массивном хвостовом стабилизаторе, а за счет своих вертикальных плоскостей после запуска приобретали автоматическую устойчивость и вдобавок обладали большей, по сравнению с плоскими змеями, подъемной силой.

Особенно активно работы по конструированию воздушных змеев велись в России. В 1898 году российский воздухоплаватель Ульянин предложил интересный проект змея, для того, чтобы поднимать на большую высоту людей и научную аппаратуру. Он предложил пользо-

ваться не одним огромным змеем, а связкой маленьких. Запущенные на одном тросе, они не только обеспечивали необходимую подъемную силу, но и повышенную безопасность. Если один или два змея выходили из строя, оставшиеся исполняли роль парашюта, позволяя исследователю с аппаратурой безболезненно вернуться на землю. Такие конструкции были способны подниматься на высоты более двухсот метров.

Змеи подобной конструкции использовались и при исследовании Антарктики, где они поднимали научную аппаратуру на высоту более четырех километров. В Книге рекордов Гиннесса даже зафиксирован абсолютный рекорд подъема змея — 9740 метров!

В конце позапрошлого века воздушные змеи стали настолько популярны, что в каждой европейской армии был штат наблюдателей, на вооружении которых находились змеи. Не стала исключением и русская армия. Так, в Русско-японской войне 1904-1905 годов войсковая разведка активно пользовалась змеями для подъема наблюдателей на большие высоты.

У воздушного змея было одно неоспоримое преимущество перед аэростатами и воздушными шарами. Последние наполняли водородом, и достаточно только одного попадания, чтобы уничтожить и шар, и наблюдателя. Змей — другое дело. Чтобы сбить его, нужно было попасть по нему несколько раз, причем из зенитки.

Последнее преимущество обеспечило змеям присутствие на всех полях Первой мировой войны. Причем не только в качестве наблюдательных вышек. Применяли их и как заграждения от вражеских самолетов. Иногда делали их в виде аэроплана, чтобы сбить с толку летчиков неприятеля.

Известен случай, когда в 1915 году в Германии привязной «самолет» ввел в заблуждение зенитную

батарею. Его подняли в воздух рано утром и забыли предупредить зенитчиков. Те, как только рассвело, засекли его и, приняв за вражеский самолет, стали расстреливать. Что показательно, ни один из снарядов в цель не попал. Стрелки брали поправку на движение воздушной цели, а змей-то стоял на месте…

Первая радиосвязь через Атлантический океан была также налажена при помощи воздушного змея. Итальянский инженер Маркони в 1901 году запустил на острове Ньюфаундленд большого коробчатого змея, который летал на проволоке, служившей в то же время приемно-передаточной антенной.

Но воздушный змей был изначально тупиковой ветвью развития воздухоплавания. Как и аэростаты, он очень сильно зависел от погоды. Возможно, именно это и побудило исследователей искать другие пути покорения воздушного пространства, приведшие к изобретению самолета. В пользу данного утверждения говорит тот факт, что первые аэропланы-этажерки оказались подозрительно похожи на воздушных змеев. Как бы то ни было, стоит с уважением относиться к первому на земле летательному аппарату тяжелее воздуха.

Сегодня воздушные змеи сложили с себя научные и военные лавры и стали обычной детской забавой, хотя не совсем обычной, а очень даже красивой. До Великой Отечественной войны, между прочим, в СССР даже проводили всесоюзные чемпионаты по змейковому спорту, который был ничуть не менее популярен, чем авиамоделизм. В стране работали многочисленные змейковые секции: в Москве, Серпухове, Саратове, Туле, Киеве… Соревнования проводились на высоту полета одиночного змея, составного, на максимальную грузоподъемность, на скорость сборки и запуска змея. На последние официальные соревнования в нашей стране, прошедшие весной 1941 года тогда еще в Ленинграде, вышли более 150 участников. С тех пор запуск воздушных змеев как вид спорта не существует, а жаль…

Потому что в Японии, например, до сих пор очень популярны бои бумажных змеев. В небе разыгрываются красочные баталии, в которых каждый из участников стремится сбить на землю змея противника, а для этого, как известно, все средства хороши. Обычно пытаются запутать своими стропами стропы противника, но особо яростные бойцы приделывают к своим стропам лезвия и режут ими стропы вражеского летательного аппарата. А в префектуре Ниигата противоборствующих разделяет местная река, да и действуют они командно (по 7—15 человек, вес змея 40 килограммов, а его размеры — 7 на 5 метров), смысл битвы, правда, остается незыблемым: низвергнуть змея соперника вниз, в данном случае — прямо в воду. ❑

Анастасия Кара-Мурза
фото Владимира Чейшвили

ПОНИ
маленькие кони

Как часто на просьбу ребенка покататься на лошадке вы отвечали отказом только потому, что малыш «еще недостаточно большой, чтобы справиться с таким крупным животным»? А может быть, и сами в детстве слышали нечто подобное от родителей, и с нетерпением ждали очередного дня рождения в надежде, что повзрослели «достаточно»?

Действительно, еще несколько лет назад пятилетний ребенок мог рассчитывать только на непродол-

жительное катание по кругу верхом на идущей ленивым шагом лошади, которую к тому же держат под уздцы. Согласитесь, для юного ковбоя удовольствия мало. Но в последнее время и у самых маленьких появилась возможность скакать верхом, преодолевать препятствия и даже осваивать искусство вольтижировки — на пони. Эти низкорослые лошадки идеально подходят для обучения детей 5—12 лет навыкам обращения с лошадью и азам верховой езды. И родителей не так страшат животные, рост которых зачастую не превышает роста ребенка.

Сейчас на каждой конюшне в перечень услуг входят занятия на пони, а крупные конные комплексы организуют целые спортивные секции, так называемые пони-клубы, где детишки могут заниматься индивидуально или в группах под руководством опытных тренеров. В процессе обучения маленькие всадники учатся не только правильно ездить на пони, но и ухаживать за ними: перед занятием они сами выводят лошадок из денников, чистят и седлают их. Такое непосредственное общение помогает ребенку лучше понять своего четвероногого партнера, подру-

ниям должен отвечать пони-клуб вашей мечты.

Если малышу комфортнее в «домашней» обстановке, отведите его в конно-спортивный центр «Измайлово». Там у детского пони-клуба есть отдельная конюшня и крытый манеж для занятий. Посторонних в уютных помещениях пони-клуба не бывает, нет и угрозы столкновения с «большой» лошадью. Любознательным детям будет интересно в

житься с ним. Хотя на первых порах именно тренеры подбирают ученикам пони, исходя из их возраста, роста и уровня физической подготовки, никто не мешает детишкам выбирать себе любимцев, проводить с ними время, угощать их. Такие привязанности стимулируют «профессиональный рост» юных спортсменов, заставляют их больше стараться, чтобы заслужить похвалу тренера и возможность ездить на понравившейся лошадке. Для этого, помимо естественной симпатии к животным, необходимо иметь терпение и смелость для работы с ними, желание чему-то научиться. Немаловажна и общая атмосфера, в которой проходят занятия. Каждому ребенку нужен особый подход, и тут необходимо понять, каким требова-

«СокОросе» или «Битце», где занятия проходят в больших манежах и есть возможность понаблюдать за тренировками взрослых спортсменов. А ребятам с артистическими способностями всегда рады в пони-клубе Московского зоопарка — тамошние воспитанники украшают своими выступлениями различные культурно-спортивные мероприятия и участвуют в съемках фильмов.

Определившись с местом занятий, очень важно найти хорошего тренера, который станет ребенку

другом и наставником, откроет ему удивительный мир лошадей. В крупных пони-клубах все тренеры имеют высокое спортивное звание и большой педагогический опыт, поэтому здесь многое будет зависеть от предпочтений ребенка.

Перед вступлением в пони-клуб обязательно посетите специализированный магазин конного снаряжения и экипировки, где начинающему спортсмену подберут шлем, сапожки и бриджи для верховой езды и снабдят хлыстиком — на всякий случай. Рекомендуется также приобрести защитный жилет: в конном мире говорят, «кто ни разу не упал, тот — не настоящий наездник». Такие магазины обычно располагаются или на территории конного клуба, или поблизости от него.

Итак, ребенок полностью экипирован и готов приступить к занятиям. На первом уроке ему наверняка расскажут о технике безопасности при общении с пони, ведь если лошадка пуглива или чересчур энергична, ее манеры могут обернуться для непосвященных слезами. Будущий наездник должен хорошо запомнить и правила седловки и расседлывания пони — отныне он будет готовить своего любимца к работе самостоятельно. Эта каждодневная процедура скоро перестанет представлять сложность для ребенка и превратится в любимое занятие, за которым можно будет пошептаться с лошадкой или обсудить что-нибудь интересное с товарищами по группе.

Но, выходя на манеж, уже надо быть готовым к серьезной работе. Правильная посадка, умение управлять своим скакуном и внимать наставлениям тренера требуют большой сосредоточенности и систематических занятий, а для развития у маленьких всадников чувства равновесия существуют специальные гимнастические упражнения. Учеб-

ный план обычно предусматривает четыре цикла занятий. Первые три посвящены искусству взаимодействия с лошадью на разных аллюрах (на шагу, на рыси и на галопе). А последний цикл обучения отдан подготовке к соревнованиям по выездке (манежной езде), конкуру (преодолению препятствий) и вольтижировке (выполнению трюков).

При регулярных и интенсивных тренировках ребенок скоро сможет участвовать в настоящих спортивных состязаниях, где все — как у взрослых: и боевое поле, и ревнивые соперники, и беспристрастные судьи. Вряд ли с чем-то сравнима гордость отца, чей наследник бесстрашно скачет верхом на норовистой лошадке, преодолевая трудные препятствия, и восхищение матери, когда красавица-дочь в нарядном платье выполняет на миниатюрной лошади сложнейшие элементы выездки.

К слову, существуют несколько типов соревнований для всадников, выступающих на пони.

Во-первых, это внутренние соревнования для спортсменов клуба. Подобными мероприятиями, на которых царит особенная атмосфера, где все болеют за всех, может похвастаться каждый пони-клуб. Например, в начале весны повсеместно проводились клубные соревнования, посвященные Дню защитника Отечества и 8 Марта.

Во-вторых, квалификационные соревнования. Участвуя в них, юные всадники достигают новых вершин, получая спортивные разряды. Соревнования такого типа проходят между клубами несколько раз в год, обычно в больших манежах КСК «Измайлово» или КСК «Битцы».

Третий тип соревнований — лично-командный. Пони-клубы выставляют спортсменов, которые борются за призовые места в командном зачете (по три человека в каждой команде) и в личном первенстве.

Цель организаторов соревнований — «привлечение к занятиям

конным спортом детей дошкольного и младшего школьного возраста, воспитание у детей чувства коллективизма, ответственности и любви к лошади, раннее выявление перспективных для конного спорта детей, обмен опытом работы между тренерами, реализация программных положений Правительства г. Москвы по развитию детского спорта».

Реализацией этой программы занимаются конно-спортивные комплексы, на базе и на средства которых и существуют пони-клубы.

Руководство КСК «СокОрос» приобретает пони разнообразных мастей и статей с расчетом на индивидуальные потребности своих спортсменов. КСК «Измайлово», наоборот, формирует свое поголовье, исходя из специфики мероприятий: в костюмированных шоу и соревнованиях выгоднее смотрятся лошади одной масти, обычно серой. Наряду с покупкой лошадей приоритетными направлениями деятельности этих КСК являются укрепление тренерского состава и расширение материальной базы пони-клубов: строятся новые конюшни и манежи, приобретается качественная красочная амуниция, благоустраивается территория.

Что касается «Битцы», то этот крупнейший в России конно-спортивный комплекс своей тренерской школой и территориальными ресурсами обеспечивает развитие российского конного спорта в целом и детских пони-клубов в частности.

И все-таки нельзя забывать, что изначально вовсе не стремление к спортивным успехам движет маленькими детьми в их желании покататься верхом на лошадке. Если вы спросите своего малыша, чем ему так приглянулось это мохнатое животное, то в ответ, скорее всего, услышите нечто невразумительное про добрые глаза, мягкий нос или пушистые уши. А это — первые признаки зарождающейся любви, любви к благородному существу, которое легко может стать благодарным другом всякому, кто научится его понимать. И пони — маленькие кони — вам в этом помогут. ❑

Анна Шеркунова

Если бы тюльпаны могли говорить… Сколько интересного поведали бы они своим завороженным слушателям. Сколько восторгов, сколько радости, и, к сожалению, горя принесли они. Но это было давно, мало кто вспомнит, что началось все… приблизительно сорок тысяч лет назад.

Цветок, разоривший Голландию

Именно в этот период в районе, ограниченном современной южной Европой и северным Китаем, и зародился предок цветка, гораздо позднее названный тюльпаном. Многие искренне полагают, что родиной этого прекрасного цветка является Голландия. Более просвещенные смогут возразить, что — Турция. Но, на самом деле, первые упоминания об этом цветке дошли до нас из древней Персии.

Тюльпаны воспевали персидские поэты, утверждавшие, что с великолепием их не в силах состязаться даже розы. На распространенном в те времена языке цветов тюльпан значил — любовное признание. По-персидски тюльпан — «лале». До сих пор на территории современного Ирана Лале — весьма распространенное женское имя.

Достоверно не известно, каким образом тюльпаны попали на территорию тогда еще Османской империи. Возможно, какой-нибудь торговец решил удивить своего знакомого экзотическим товаром.

Как бы то ни было, первая по-настоящему крепкая любовь цветка и государства связала именно тюльпан и Турцию.

В правление Сулеймана Первого (1494—1566) тюльпан стал самым популярным цветком в государстве. К этому же времени относят и первые попытки разведения и селекции цветка. Ко времени правления Ахмеда III (1703—1730) тюльпан считался синонимом слов «богатство» и «власть». Были приняты законы, регламентирующие их оборот в стране. Так, например, разрешалось торговать цветами только в столице Османской империи. Нарушение закона каралось смертью. Уже тогда поговаривали, что луковица тюльпана стоит больше человеческой жизни.

Именно в Османской империи около 1700 года прошел первый в истории фестиваль тюльпанов. Проводился он ночью, во время полнолуния. Сотни изящных ваз заполнили самыми прекрасными цветами, выращенными за последний год. Неповторимую сказочную атмосферу происходящему придавало освещение при помощи кристаллических фонарей. Причудливый свет падал на цветы и делал их еще прекрасней. Дополняли же эффект клетки с канарейками и соловьями, певшими для гостей фестиваля. А гости обязаны были одеться так, чтобы цвет туалетов гармонировал с цветами. Интересно также, что одними из первых культивировать новые сорта тюльпанов стали, как это ни странно, жены султана. Они преподносили своему супругу цветы в знак любви. Новые сорта встречали восторг у публики и получали названия, которые так или иначе были связаны с правившим в тот момент султаном.

В Европу тюльпан попал в 1554 году. Благодарны за это мы должны быть послу Германии в Оттоманской империи. Именно он прислал первые несколько луковиц в Аугсбург. Цветок понравился. Он стал популярен при дворах Европы. С каждым годом венецианские купцы привозили из Турции все больше и больше луковиц. Так к 1740 году только в цветниках графа Паппенгейма насчитывалось более 500 сортов этих прекрасных цветов. Поклонниками красоты тюльпанов были Вольтер, Ришелье и Людовик XVIII. Некоторое время в Версале даже проходили тюльпанные праздники.

В Нидерландах тюльпаны появились на исходе XVI века, в 1594 году. Очень скоро они просто свели голландцев с ума. Обладание тюльпанами стало целью жизни. На их разведении за несколько лет сколачивались огромные состояния. Почтенные бюргеры стремились ни в чем не отставать от высокородных особ, стремясь украшать свои дома не только хорошей мебелью и произведениями искусства, но и цветами, в первую очередь, модными тюльпанами.

Селекционеры без устали выводили новые сорта. Спрос на луковицы был стабильно высоким, но цены держались на приемлемом уровне. Все изменилось в 1630 году, когда коммерсанты поняли, что на тюльпанах можно хорошо и быстро заработать. Цены стали искусственно завышать. К 1634 году этот процесс приобрел черты классической спекуляции. Казалось, что все население Голландии бросилось в эту пучину. Повсеместно открывались цветочные биржи. Цветы покупали все: и королевские особы, и бедняки, которые, за неимением необходимых сумм, объединялись в общества, чтобы купить хотя бы несколько луковиц, в надежде перепродать их с выгодой.

Цены постоянно росли и достигли астрономических величин: 2500 гульденов за луковицу. Для сравнения, на эти деньги можно было купить несколько возов пшеницы, отару овец, полдесятка коров, десяток свиней, полтонны сыра и еще осталось бы на несколько бочек пива, чтобы все эти покупки обмыть.

Чуть позже дело дошло уже не просто до торговли цветами, а до продажи расписок, дающих право в будущем году купить то или иное количество луковиц определенного сорта. Оптимизм в стране не знал границ, все бредили желанием обогащения, но… Крах наступил быстро и неожиданно. Доподлинно не известно, чем он был вызван. Одни исследователи считают, что некоторые крупные торговцы начали превращать свои ценные бумаги в золото. Сегодня бы это назвали фиксацией прибылей. За ними потянулись более мелкие, а уже через несколько дней рынок рухнул. Предложение превышало спрос в разы, цены упали едва ли не до отрицательных значений. Обанкротилась целая страна. Другие исследователи считают, что цветы поразил вирус пестролепестности, и селекционеры просто не смогли выполнить обязательства по объемам производства цветов на следующий год. Так что часть ценных бумаг оказалась ничем не обеспечена. Как бы то ни было, тюльпановой эйфории пришел конец.

История закончилась 27 апреля 1637 года, когда специально созванные генеральные штаты постановили, что все спекулятивные операции по луковицам тюльпанов отныне считаются вредными. После этого тюльпаны навсегда вернулись с биржевых площадок на клумбы. Казалось бы, в истории можно ставить точку. Бедствия кончились, селекционеры ликуют. Избавленные от непомерно высоких цен на луковицы, они теперь могли беспрепятственно заниматься своим любимым делом — выведением новых сортов…

В принципе, они и занимались этим до начала двадцатого века. Но возникла проблема. Генетического материала для выведения новых сортов практически не осталось. Да и то, что выходило из рук селекционеров, уже не потрясало воображения. Кроме того, цветы оказались практически безоружными перед болезнями. Срочно требовалась новая кровь. А где ее взять?

В России! Точнее, в молодой Советской республике. Дерек Виллем Лефебер, знаменитый голландский цветовод с мировым именем, уехал в Россию еще в 1912 году. В 1917 он хотел устроить в стране выставку тюльпанов, но России тогда было не до цветов. Вернувшись на родину, Лефеберу удалось-таки договориться с торговым представителем нашей страны, и он получил, наконец, вожделенные луковицы как дикорастущих, так и «породистых» российских цветов. Больше двадцати лет шла напряженная работа, было выведено множество новых сортов. Приехав в Советский Союз в 1946 году, Лефебер подарил Москве 30 тысяч алых тюльпанов, потомков тех самых немногочисленных русских переселенцев.

Можете резонно спросить, почему мы говорим о тюльпанах в августе, ведь всем известно, что эти цветы — весенние? Дело в том, что сажать луковицы лучше всего в конце сентября, а именно в августе в магазинах и питомниках — самый большой выбор этих цветов. Не будем ударяться в дебри классификации тюльпанов. При всем желании, не удастся перечислить все сорта, существующие на планете. Слава Богу, что теперь в любой мало-мальски крупной торговой точке рядом с лотком с луковицами есть фотографии уже взрослых растений в фазе цветения. Так что, смело идите и выбирайте цветок по его внешнему виду, а не названию.

К тому же сейчас — не начало семнадцатого века, и никакой тюльпановой лихорадки не наблюдается. Так что, цены на эти цветы вполне демократичные. Можно найти луковицы, начиная от 15—20 рублей за штуку, а за 40—50 рублей вам предложат такой выбор, что глаза буквально разбегутся. Не забывайте, что тюльпан — растение многолетнее и очень неприхотливое. В сражении с сорняками в обиду себя не дает, морозы переживает на удивление легко. Видимо, сказывается степное дикорастущее прошлое. Одно плохо, цветет весной и довольно недолго. Но и из этой ситуации есть выход. Стоит только подобрать луковицы 3-4 сортов так, чтобы тюльпаны цвели один за другим в течение целого месяца.

Можно, конечно, сажать их на клумбе, но эти цветы куда органичней смотрятся в «природном» окружении. То есть, когда они растут просто на лужайке. Вместо правильных геометрических фигур — вольный хаос и разноцветие. Также довольно интересное сочетание получается, когда высаживаешь вместе с тюльпанами нарциссы.

На зиму клубни выкапывают. В противном случае, цветы начинают размножаться делением. Казалось бы, что в этом плохого? Но цветы получаются меньше и слабее своих родителей. Так что, для клумб такой вариант не подходит, а вот для лужайки — в самый раз. Через два-три года ваши цветы будут выглядеть совсем как дикорастущие, к тому же их станет в 2—3 раза больше… Словом, тюльпан — цветок уникальный, позволяющий приложить всю свою фантазию при оформлении приусадебного участка. Да и кто еще, кроме него, способен радовать нас своими цветами уже через 2—3 недели после схода снега? ❑

Максим Башкеев

Спас гостинцев припас

Август — богатый месяц. По крайней мере, так считали наши предки. Ведь именно в августе практически на всей территории России созревал урожай. А не это ли главное богатство? Но праздник урожая был не один, было их несколько. Угадаете, как они назывались? Конечно, в каждой местности поразному, а сегодня мы называем их спасами: медовым, яблочным и хлебным. Но обо всем по порядку.

Ныне праздники эти носят церковный характер, хотя корни у них самые что ни на есть языческие. Август тогда носил название серпень, что само по себе подразумевало характер занятий населения в это время года. Согласно этнографическим данным, существовала

традиция отмечать новый урожай каждой из культур. Посему и праздников было много: хлебный, маковый, медовый, яблочный, ореховый, ягодный, грибной, полотняный (не подумайте, полотно само по себе не росло, созревало то, из чего его делают — лен). Через историческое сито до нас дошли только три. Изначально празднования не были привязаны к определенным датам, что логично. Ведь никогда не угадаешь, когда в следующем году созреет, например, репа. Поэтому поступали просто. Как созрела, так и праздновали. Гораздо позже церковь закрепила за спасами конкретные дни.

Итак, 14 августа. Первый спас. Медовый. Сегодня это — церковный праздник, установленный во славу знамений от икон Спасителя, Пречистой Богоматери и Честного Креста во время сражения святого благоверного князя Андрея Боголюбского с волжскими булгарами в 1164 году. В этом сражении князь одержал очень важную победу.

В народе же медовый спас больше ассоциировался с тем, что пчелы переставали приносить мед в улей, значит, можно вынимать соты и лакомиться медом. Лакомились, правда, не все, в некоторых регионах было стойкое поверье, что первый мед нельзя есть до второго спаса. В это время, особенно на севере, погода уже начинала поворачиваться на осень. Выпадали холодные росы, температура воды резко падала. Отсюда и обычай последнего купания. Купались все вместе: и мужики, и бабы, и старики с детьми. Считалось, что это омовение очищает от грехов и прибавляет здоровья. После себя купали скотину. Ей водные процедуры должны были помочь пережить зиму. Медовый спас также называли еще мокрым или спасом на водах. В деревнях святили колодцы.

Еще к этому времени обычно поспевала лесная малина, считавшаяся старейшим и вернейшим лекарственным растением. Ее цветы применяли как противоядие от укусов змей. Отваром цветков промывали воспаленные глаза. А настоем на листьях полоскали горло при ангине. Спешили собрать последние ягоды черемухи — прекрасно вяжущего, потогонного и мочегонного средства, которое с успехом употребляли при желудочно-кишечных заболеваниях.

19 августа — Преображение Господне — великий двунадесятый праздник Русской Православной Церкви. В конце Своей земной жизни поведал Иисус Своим ученикам, что надлежит Ему пострадать за все человечество, что суждено Ему умереть на кресте и воскреснуть. Он возвел трех апостолов — Петра, Иакова и Иоанна — на гору Фавор и преобразился пред ними: лицо Его просияло, а одежды сделались ослепительно белыми. Пре-

ображение — это начало обновления человеческой души.

В народе же праздник именуют яблочным спасом. Ибо как раз приходила пора снимать плоды с веток. Многие считали именно этот спас самым главным. Верили, что до этого дня нельзя есть никаких плодов, кроме огурцов. И уж ни в коем случае — яблоки, потому что таким образом как бы повторяется путь Адама и Евы, вкусивших запретного плода и изгнанных за это из рая.

В день праздника несли новый урожай в церковь и освящали его. Исследователи склонны видеть в этом отголоски древней земледельческой магии, согласно которой надлежало задобрить богов, чтобы на будущий год они даровали хороший урожай. После освещения принято было делиться урожаем с бедными, убогими и больными сельчанами. И если первые приходили за подарками сами, то больным гостинец отправляли домой. Тех, кто пренебрегал этим древним и справедливым обычаем, презирали, поносили и говорили всяко: «А не дай-то Боже с ним дела иметь! Забыл он старого и сирого, не уделил им от своего богачества малого добра, не призрил своим добром хворого и бедного».

В этот день встречали осень. Вечером выходили на поле за деревней и с песнями, кострами и хороводами провожали закат солнца.

Но праздники праздниками, а про работу все же не забывали. После второго спаса начинали сеять озимые: «Посей под погоду, будешь есть хлеб год от году». Ну, и куда же без народных примет: «Какой Второй Спас, такой и январь», «Каков день во Второй Спас, таков и Покров».

29 августа — перенесение из Эдессы в Константинополь Нерукотворного Образа Господа Иисуса Христа. Согласно преданию, больной правитель сирийского города Эдессы Агварь узнал про чудеса, творимые Иисусом, искренне уверовал в Него и послал своего художника, дабы тот написал с Него портрет. Агварь верил, что портрет поможет ему исцелиться (болел он ни много, ни мало проказой). Придя в Иерусалим, художник нашел Христа, но из-за большого стечения народа, слушавшего Его проповедь, был вынужден писать портрет с большого расстояния. Портрет не выходил. Тогда Иисус попросил воды умыться и полотно утереться. На ткани остался Его образ. Христос отдал его художнику и отпустил. Получив образ, Агварь исцелился, после чего реликвия надолго стала главной ценностью города. В 944 году 29 августа (по новому стилю) образ перенесли в Константинополь и с почестями поместили в Влахернском храме. Святой Лик стал для византийцев, а потом и для новообращенных русичей истинным изображением Христа. Именно под княжеским стягом с изображением Нерукотворного Спаса бились на поле Куликовом войска Дмитрия Донского.

В народе праздник называли Спасом на полотне, хлебным или ореховым. Как не трудно догадаться, именно в эту пору поспевали хлеба и орехи. Посему в деревнях пекли «пряники» — сладкие пироги из нового хлеба с медом. К этому празднику старались приурочить ярмарки, на которых особенно бойко торговали именно холстами. Считалось, что с этого времени осень становилась на Руси полноправной хозяйкой.

На поле сжинали последний «дожинный» сноп. Верили, что в нем обитает дух нивы или богини плодородия. Все происходило в полном молчании, чтобы, не дай Бог, не потревожить божество. Сноп вносили в дом, предварительно выгнав из него всех насекомых. Божеству ничего не должно было мешать зимой. Иначе на хороший урожай даже и надеяться не стоило. В выгоне насекомых заключался и другой смысл — их как бы отправляли в небеса за снегом, то есть первый раз в году заклинали зиму.

К сожалению, сегодня в деревнях не увидишь и сотой части описанного выше. Но выход есть. Как ни удивительно, интерес к истории проявили туроператоры. Уже не первый год организуются поездки в медвежьи углы, в красивые древние города, такие как Мышкин или Углич, где и устраиваются празднества, посвященные спасам. Конечно, длится поездка всего два дня, в которые организаторы впихивают все три праздника, да и стариной там не пахнет, но, как говорится, хорошо, что хоть это есть. Если у вас богатое воображение, и вы способны в уме достроить до логического завершения неловкие экзерсисы организаторов, забыть про машины на улицах и окунуться-таки в мир наших предков — езжайте, не пожалеете, благо, что цены не очень кусаются. ❑

Евгения Гордиенко

СУП ОТ КАЗАНОВЫ

Сегодня будем готовить тирамису. Оно очень вкусное, уж поверьте профессиональной сладкоежке, а главное — никаких особых кулинарных талантов для его приготовления не требуется.

Но вначале — небольшой экскурс в средневековую Италию, потому что блюдо у нас — не простое, а с историей. Впервые тирамису приготовили в конце XVII века в Сиене в честь приезда Великого герцога Тосканского, Козимо Третьего де Медичи. Десерт Козимо понравился, а приближенные тут же окрестили его «герцогским супчиком». Почему супчиком — не знаю, не спрашивайте. Потом рецепт вместе с герцогом перекочевал во Флоренцию, а оттуда — в Венецию. Говорят, небезызвестный Казанова любил перед свиданиями полакомиться тирамису. Что неудивительно: итальянское «tiramisu» соот-

ветствует английскому «pick me up» или же русскому «подними меня». Вот так-то…

Но — к рецепту. Самое сложное — найти все ингредиенты, поэтому постараюсь, по возможности, рассказать, что и чем можно заменить в условиях российской действительности.

Для начала возьмем 4 яйца и разделим их на белки и желтки. Белки взбиваем до крепкой пены и пока отставляем в сторонку. Лучше — в холодильник, чтобы они не потеряли форму. Тем временем взбиваем 4 желтка с 4 ст. ложками сахарной пудры до гладкой кремовой массы. Она выглядит очень вкусно, но лучше удержитесь от того, чтобы ее пробовать — в готовом торте она будет еще вкуснее. В эту желтковую массу добавляем 500 гр. сливочного сыра «Маскарпоне» и тщательно вымешиваем. «Маскарпоне» заслуживает того, чтобы поговорить о нем отдельно. Итак, граждане, это НЕ СЫР в том смысле, какой средний россиянин вкладывает в это слово. Он — не желтый и не твердый. Если в ваших широтах баночки с надписью Mascarpone не водятся, возьмите лучше очень густые деревенские сливки с рынка… В получившуюся массу из желтков, пудры и сыра добавляем понемногу взбитые белки и размешиваем. Это — крем.

Теперь возьмем 150 мл. холодного крепкого кофе. Растворимый брать не стоит, хотя, конечно, за неимением другого сойдет и он. Лучше кофе сварить и процедить, чтобы не было гущи. Готовый кофе надо смешать с 4 ст. ложками ликера «Амаретто». Ликер можно заменить коньяком, только взять его надо чуть побольше — ложек 6—7. Но с «Амаретто» будет аутентичнее. По-нашему, по-итальянски!

Берем форму с бортиками. Дно формы надо выложить савоярди. Савоярди — это такое итальянское печенье в форме «пальчиков». Сейчас оно появилось и у нас, но если его нет — годится любой магазинный бисквит. Или испеченный дома. Домашний даже лучше. С савоярди получится красивее и «итальянистее», но если вам не принимать у себя дома итальянского посла с супругой, можете сильно не напрягаться. Количество печенек и бисквита точно обозначить не берусь — зависит от диаметра формы.

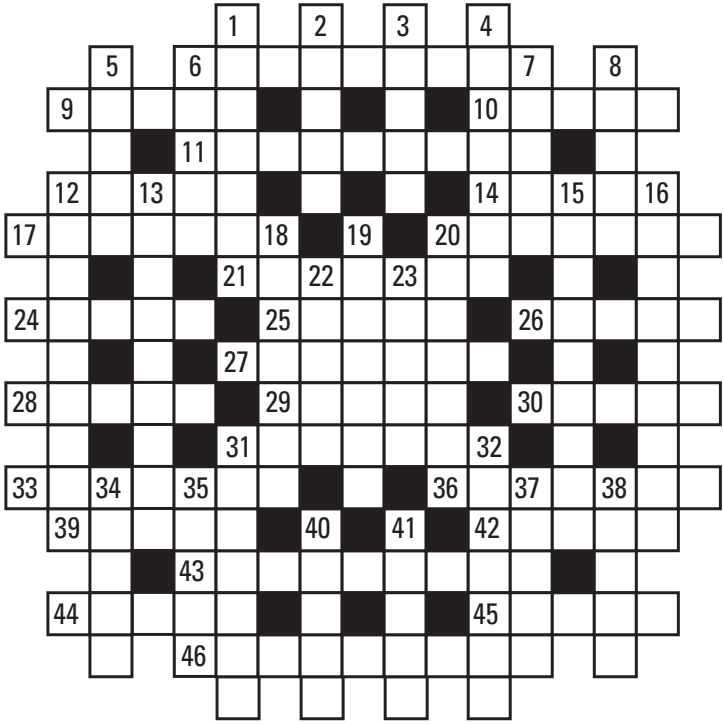
Выложенные печеньки или бисквит поливаем смесью из кофе и ликера. Есть другой вариант — каждую печенинку обмакнуть в кофе, а потом раскладывать. Делаете так, как вам удобнее. Теперь выкладываем на основу половину крема слоем примерно сантиметра 2—3, затем еще один слой вымоченных в кофе печенек, и снова крем. Ставим на 5 часов в холодильник. Перед подачей посыпать готовый торт порошком какао. Лучше — через ситечко, чтобы какао сыпалось равномерно.

В общем-то, готово. Рассказывала дольше, чем вы делать будете…

Кстати, в Италии вы можете наткнуться на тирамису-мороженое. Крем там делают немного по-другому — получается похоже на пломбир. Ничем не хуже пирожного, надо сказать. И подают его в креманочках. Если вам не лень и вы — счастливый обладатель креманочек, то тоже можете сделать свой тортик порционным. Тогда вполне достаточно сделать по одному слою печенья и крема.

Поднаторев в приготовлении тирамису, можно разнообразить его фруктами, например, между печеньем и кремом разложить клубнику. Или бананы. Или что-нибудь, что подскажет вам воображение. Тирамису — оно способствует воображению. И, судя по названию, не только в кулинарии… ❑

К Р О С С В О Р Д



По горизонтали. 6. Враг прогресса. **9.** Искусственный спутник отпуска. **10.** Единица сладости граната. **11.** Игра, требующая спортивного роста. **12.** Окраинная часть города, четыре раза упомянутая в стихотворении Б. Пастернака «Метель». **14.** Канадский писатель, который мог бы пошутить, что «Мальчик из моего детства», «Сведенный с ума тайной» литературы, навалял «Рассказы-нонсенсы» и «Сумасшедшие выдумки». **17.** Пятиугольное крепостное сооружение для обстрела осаждавших. **20.** Избалованный роскошью, изнеженный, праздный человек. **21.** Крепость на юге Греции, в чьей бухте русская эскадра Л. Гейдена вкупе с союзниками уничтожила турецко-египетский флот. **24.** Девятимесячная квартира. **25.** Гондольер не от мира сего. **26.** Остров, где весьма вольготно отбывал ссылку Наполеон Бонапарт. **27.** Партнер Жеглова в борьбе с «Черной кошкой». **28.** И Безземельный, и Богослов, и Дамаскин, и Златоуст. **29.** Газообразный курортный лекарь. **30.** Морской стоп-кран. **31.** Одержимый. **33.** Добытчик копейки вымоганием, недоплачиванием; скряга, скупец. **36.** Историческая область в Чехии, на территории которой в древности жили кельты. **39.** Полуостров на севере России, с одной стороны омываемый Чешской губой. **42.** Жанр многоголосной вокальной музыки, возникший в XII веке во Франции. **43.** Большая пе-

щерная сосулька. **44.** Бомбошка, она же висюлька. **45.** Альтернатива ласке. **46.** Древнегреческий философ милетской школы, первоначалом всего считавший воздух.

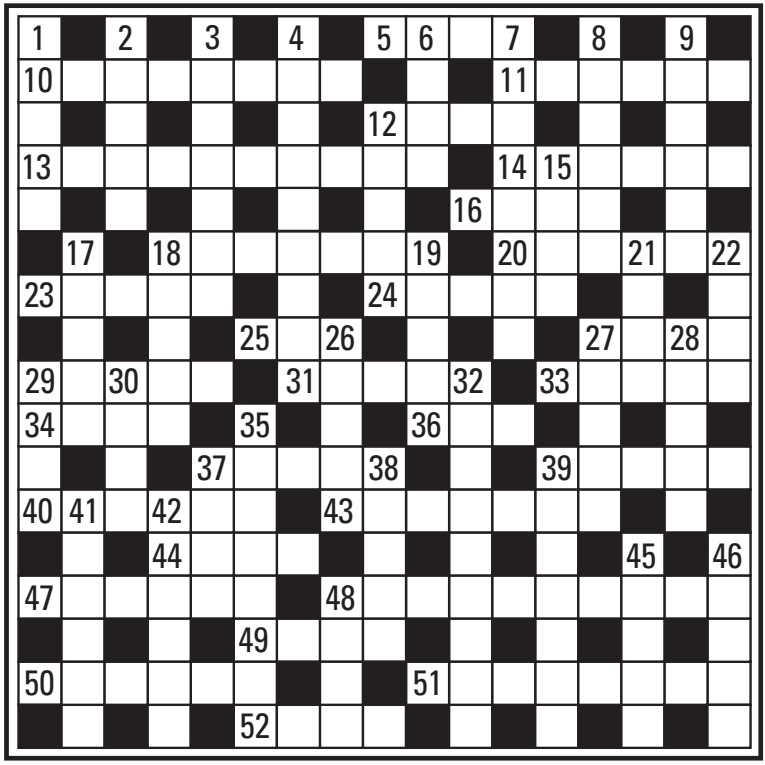
По вертикали. 1. Воздыхатель (слово возникло от имени влюбленного пастушка в романе О. д'Юрфе «Астрея»). **2.** Вереск, один вид которого растет на Куршской косе в Прибалтике, а второй — южнее мыса Пицунда в Абхазии. **3.** Имя женщины, больше других в XX веке заработавшей на убийствах. **4.** Топливо для карбюраторных двигателей внутреннего сгорания. **5.** Под него партизаны пускали вражеские поезда. **6.** Омар Хайям: «Дураки мудрецом почитают меня. Видит бог: я не тот, кем считают меня. О себе и о мире я знаю не больше тех глупцов, что усердно читают меня» (жанр). **7.** Французский композитор, мировую известность которому принес балет «Коппелия, или Девушка с эмалевыми (стеклянными) глазами». **8.** Спортсмен, наступающий на пятки взрослым. **12.** Популярная в свое время ткань из крученой пряжи. **13.** Английский писатель, похороненный на вершине острова Уполу (острова Самоа) с безграничным видом на морской простор. **15.** Древнегреческий скульптор, один из двух строителей Парфенона. **16.** Горная порода, индикатор алмазных залежей. **18.** Каждый из крупных князей древней и средневековой Армении, у которых были вассалы и собственное войско. **19.** Гора близ Коктебеля с созданным самой природой профилем Максимилиана Волошина. **20.** Слово, взятое вместо слова, чье написание поставило вас в тупик. **22.** Самая умная из рептилий. **23.** Негромкое возражение, из-за которого Разин бултыхнул в Волгу княжну-персиянку. **31.** Американская актриса, в честь которой (и ее мужа) в Нью-Йорке в 1958 году переименовали театр «Глобус». **32.** Коллегиальный выборный руководящий орган. **34.** Аргосская царевна из греческих мифов, предшественница злоключений царицы из пушкинской «Сказки о царе Салтане». **35.** Посуда, в какой Федя принес огурцы (И. Тургенев «Хорь и Калиныч»). **37.** Бычок-головешка. **38.** Очень длинный железнодорожный тупик. **40.** Безмолвная свидетельница. **41.** Возвышенная форма общения с подчиненным.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 7

По горизонтали. 3. Яхтсмен. **11.** Система. **12.** Рецептура. **13.** Браслет. **14.** Терек. **16.** Чуприна. **18.** Нэцкэ. **19.** Малахит. **20.** Обзор. **22.** Зуб. **24.** Краевед. **25.** Веронезе. **26.** …час… **29.** Аттила. **30.** Парилка. **31.** …Якин. **34.** Вода. **35.** Хулиган. **36.** Зоолог. **40.** Ода. **41.** Игнатьев. **43.** Либерал. **45.** Кот. **47.** Теист. **48.** Фотарий. **50.** Шопен. **51.** Идиллия. **53.** Йорик. **54.** Ансельм. **56.** Энергетик. **57.** Тактика. **58.** Линдсей.

По вертикали. 1. Циферблат. **2.** Оттенок. **3.** Ямб. **4.** Характер. **5.** Сясь. **6.** Ереван. **7.** Нет. **8.** Петух. **9.** Старт. **10.** Француз. **15.** Кэрролл. **16.** Чашечка. **17.** Пилот. **21.** Желание. **22.** Зеркало. **23.** Бедняга. **26.** Чаевник. **27.** Студент. **28.** Щипание. **32.** Суженая. **33.** Богатей. **37.** Одесситка. **38.** Ствол. **39.** Декольте. **42.** Гордыня. **44.** Леность. **46.** Бианки. **48.** «Флора». **49.** Тибет. **52.** Уезд. **54.** Аил. **55.** Май.

Э Р У Д И Т



По горизонтали. 5. «…отдает предпочтение, фанатизм отсекает» (Вольтер). **10.** Актер и режиссер, 60 лет руководивший самым большим в мире театром кукол. **11.** Кустарник, олицетворяющий в икебане сладострастность упоения жизнью. **12.** Голландский живописец XVII века, завоевавший славу «лучшего английского художника». **13.** Четвертое, по антично-средневековой иерархии искусств и умений, искусство, вырастающее из «философии». **14.** Крымский курорт, где в 1820 году в доме генерала Н. Раевского три недели жил А. Пушкин. **16.** Сельский дом, встречающийся едва ли не в каждом воспоминании о Швейцарии. **18.** Герой трагедии И. Анненского Фамира по инструменту, на котором он играет. **20.** В рассказе А. Чехова «Печенег» дети Жмухина «стали совершать… на соседние сады». **23.** Художник, чей «Сеятель» взошел на ниве Ван Гога. **24.** Вождь или царь самоцветов в древней Индии. **25.** Черного или синего цвета, мохнат, у него хвост, рожки, когти на руках и ногах, копытца. **27.** Название душистой (лекарственной и чайной) травы (тимьяна) в стихотворениях М. Волошина. **29.** Советский филолог и фольклорист, считавший, что былинный эпос возник раньше, чем образовалась Киевская Русь. **31.** Австрийский писатель, отнесший «триумф и трагедию» к Эразму

Роттердамскому, а история отнесла их к нему самому. **33.** Древнесицилийский фунт, а потом и монета. **34.** Масличная культура, яровой вид которой во Франции называют кользой. **36.** Английский математик и физик, ученик и последователь ирландца У. Гамильтона. **37.** Каждый из индейцев, создавших на территории Колумбии до испанского завоевания примерно 20 городов-государств. **39.** Пират в знаменитой песне «Бригантина». **40.** Французский танец, близкий к английской матросской жиге и хорнпайпу. **43.** Католический обряд вступления в духовное звание. **44.** Герой библейско-коранической легенды, поэмы о котором написали Али, Джами, Дурбек, Кады Дарир, Шейяд Хамза. **47.** Европейская монета, подобную которой чеканил из серебра крымский хан Шагин-Гирей. **48.** Композитор, бывший шафером на свадьбе Ф. Шаляпина с И. Торнаги. **49.** Вера, неотъемлемая часть мусульманской религии. **50.** Новогодний праздник у тюркских народов. **51.** Полководец, убитый по приказу римского императора Гонория, не понимавшего, что это открывает дорогу Алариху. **52.** Древнее название белки в начале «Слова о полку Игореве».

По вертикали. 1. Украинский струнный инструмент тюркского происхождения. **2.** Б. Пастернак: «Мне … сыграют — тоской изойду» (композитор). **3.** Сад в Каире, описанный в одноименном стихотворении Н. Гумилева. **4.** Севильский апельсин. **6.** Швейцарский художник-авангардист, чьи картины — детский лепет в красках. **7.** Отдача рукописи «на исправление Вулкану» (Овидий). **8.** Каждая из двух птиц на панно М. Врубеля «Богатырь». **9.** Отец Э. Неизвестного по профессии. **12.** Во всем первый, всегда впереди. **15.** Каждый кавалерист в «Тамбовской казначейше» М. Лермонтова. **17.** Дева-дракон, воплощение губительного женского начала в мифах древних греков. **18.** Сережка, ухо украшающая, но не портящая его. **19.** Имя президента Эйзенхауэра. **21.** Каждый из почти 100 тысяч диких зверей, живущих в Торонто. **22.** Увлекательная деятельность, смысл которой не результат, а процесс. **26.** Звук, какой не переносил А. Куприн. **27.** Четвертая каноническая книга Ветхого Завета. **28.** Фон вокруг творчества О. Мандельштама. **29.** Блиндажное судно, предок современного крейсера. **30.** «Учитель жизни вечный» (И. Гете). **32.** «Гомеровы удила» (Петрарка). **35.** Самое не любимое В. Ходасевичем литературное течение. **37.** У нас — банальная истина, у французов — … ослов. **38.** Устный рассказ в Японии сначала в исполнении монахов, позже — ронинов. **39.** Француз, создатель — наряду с Т. Юнгом — волновой оптики. **41.** Препарат из маточного молочка пчел. **42.** Хрустальный светильник, ставший модным при Людовике XIV. **45.** Сыновья лада. **46.** Немецкий рассказ с одурачиванием. **48.** Высокий балкон над входом в балаган, откуда клоун-зазывала изгалялся над зеваками.

Ответы на «Эрудит», напечатанный в № 7

По горизонтали. 1. Брут. **7.** Юхов. **10.** Избранник. **11.** Лябр. **12.** Доре. **13.** Грамматофор. **14.** Некк. **17.** Матье. **20.** Посул. **21.** Цесарка. **22.** Саис. **23.** Гарни. **24.** Сет. **25.** Фауста. **26.** Пиндар. **27.** Лен. **28.** Руссо. **30.** Шоры. **31.** Вискача. **32.** Коппе. **33.** Чайка. **38.** Ганч. **40.** Ковалевский. **41.** Маун. **42.** Удав. **43.** Экслибрис. **44.** Янки. **45.** Заря.

По вертикали. 1. Больница. **2.** Узбекистан. **3.** Озеро. **4.** Гремка. **5.** Янтарь. **6.** Сироп. **8.** Хлор. **9.** Веер. **12.** Донос. **15.** Гукер. **16.** Красное. **17.** Магарыч. **18.** Тиресий. **19.** Есипова. **20.** Пианист. **24.** Саламандра. **25.** …Федор… **29.** Харчевня. **30.** Шпион. **34.** Апелла. **35.** Косьба. **36.** Марка. **37.** Житие… **39.** Змея. **40.** Куяк.

Миссия невыполнима-3

(«Mission: Impossible-III»)
Режиссер: Джеффри Абрамс
Жанр: боевик
Длительность: стандарт
Год выхода: 2006
Страна: USA
В главных ролях: Том Круз, Винг Рэймс, Кери Расселл.

Джеймс Бонд? Нет. Просто Том Круз (Итан Хант) и очередная серия фильма. Снова поручено выполнить наисложнейшее дело вселенского масштаба. Естественно, на долю агентов никогда еще такого не выпадало. А что делать — надо бороться. В третьей части у главного героя уже есть жена. Не волнуйтесь, все продумано — ее похитят злодеи и потребуют плясать под свою дудку. Но, как обычно, «хеппи-энд» — преступников накажут, и жена будет спасена. Кто-то сокрушается после бесполезной траты в тысячу рублей — не волнуйтесь, ведь перед нами такой же пример, только на него потратили 150 миллионов долларов. Восхищаться нечем, но посмотреть один раз для галочки можно.

Остаться в живых

(«Stay Alive»)
Режиссер: Уильям Брент Белл
Жанр: якобы ужасы
Длительность: классика жанра
Год выхода: 2006
Страна: вы ее точно знаете
В главных ролях: Джон Фостер, Сэмэр Армстронг, Фрэнки Муниз.

Фреди Крюгер из компьютерного мира. На этом можно поставить точку. Но все же продолжим. Не все компьютерные игры одинаково полезны. Смысл в том, что группа подростков была помешана на одноименной игре «Остаться в живых», где отыгрывали эпизоды из жизни аристократки (по прозвищу «Кровавая графиня»), жившей в XVII веке. Фильма бы не было, если бы не произошло следующее — игра перешла в реальность, и игроки начали умирать один за другим, теми же способами, как и их персонажи. Еще живым парням необходимо только пройти игру до конца и уничтожить «графиню», оставшись при этом живыми. Конечно, старо как мир, зато на современный лад.

Лэсси

(«Lassie»)
Режиссер: Чарльз Старридж
Жанр: приключения
Длительность: часа полтора
Год выхода: 2005 (2006 в РФ)
Страна: США, Франция, Великобритания, Ирландия
В главных ролях: Роберт Карр, Питер Динклэйдж, Кен Друри.

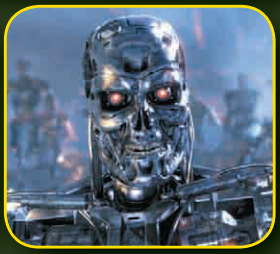
Классический фильм для детей без претензий на оригинальность. Если не изменяет память, по телевизору как-то шел целый сериал про умную собачку Лесси породы колли. Не мудрено, если создатели фильма решили выехать на старых воспоминаниях и славе. Посмотрим, что из этого получилось. В одной семье случился кризис, и не было иного выбора, как отдать любимую собаку. Естественно, песик, наделенный интеллектом, просек фишку и был крайне не согласен с решением хозяев. Перспектива жить с новыми хозяевами Лесси не устраивала, и она сбегает. С множеством приключений, весь фильм «героиня» бежит домой. Легкая картина для семейного просмотра. Дети оценят.

Большое путешествие

(«Wild»)
Режиссер: Стив Уильямс
Жанр: приключения
Длительность: надцать мин.
Год выхода: 2006
Страна: ЮэСэЙ
Роли озвучивали: Кифер Сазерленд, Джеймс Белуши, Эдди Иззард.

Что будет, если скрестить «Мадагаскар», «В поисках Немо» и «Ледниковый период»? Правильно — «Большое путешествие». Дичайшая вторичность, переходящая в копирование. Роль белки Скарт взяла на себя коала, кадры с которой стоит вырезать и сделать короткометражку — толку будет больше. В сравнении с вышеперечисленными мультфильмами, стоит отметить более качественную и реалистичную графику и анимацию. Да, технологии не стоят на месте. Научились хорошо работать с компьютером, вот и мультики клепают, как на конвейере, забывая про сюжет. Зато создатели не позабыли включить в реплики героев характерные диснеевские нравоучения. Рекомендовано к просмотру любителям повозмущаться.

Анжелика

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ: